

№ 95
У.В.В.

У Р А Л Ь С К И Й

ISSN 0134-241X

снегониим

1•98

260 лет мраморскому мрамору

с. Мраморское. 1925 год.
Фото Н. Татарченко

В 1730 году старатели из семейства известных уральских рудознатцев Бабиных впервые обнаружили на Среднем Урале, недалеко от Екатеринбурга, крупное месторождение мрамора — «мрамора-камня», как его тогда называли. Петербург в ту пору был в лесах: возводили дома, дворцы, храмы. Для отделки царских чертогов требовалось много камня. В 1738 году на месторождении началась ломка — так тогда называлась добыча мрамора. Неистощимым оказалось месторождение. 260 лет идет камень — на Россию и на Запад, и все эти годы занимаются его разработкой, изготовлением из него самых разных изделий жители села Мраморского: резчики, шлифовщики, художники по мрамору.

Нина Кузнецова

Очерки П. П. Бажова читайте на стр. 5.
Снимки из Музея фотографии (коллекция
Евгения Бирюкова), г. Екатеринбург.

Выставка и склад мраморных изделий при земской мастерской на ст. Мраморской.

Солнечные часы в селе Мраморском.
1925 год. Фото Н. Татарченко.

Редакция:
Герман ИВАНОВ
 (главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
 (заместитель главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УЧРЕДИТЕЛИ –
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

В номере: | '98

Компьютерная вёрстка:
Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются
 перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28-30 строк на странице.
 Материалы на дискетах
 рассматриваются в первую очередь.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки
 и доставки обращаться
 в районные отделения
 "Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры
 отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90.
 Подписано к печати 02.03.98.
 Формат бумаги 84x108/16.

Бумага газетная.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 18,6.

Усл. кр.-отт. 8,4.

Тираж 3 600.

Заказ № 81.

Все претензии по ошибкам в тексте
 предъявлять
 редакции журнала "Уральский следопыт"
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП "Уральский рабочий"
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Слайд на 1 стр. обложки
 Николая ПЕРЕВЫШИНА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1997г.

«Оставайтесь прежними!...» ----- 2

260 лет мраморскому мрамору
Павел БАЖОВ ----- 5

Мать новгородская
Юний ГОРБУНОВ ----- 12

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Риадан
Борис НЕМИРОВСКИЙ, Владимир ТАЛАЕВ ---- 25

Заочный КЛФ ----- 54

Два лика побратима
Владислав ДЕБЕРДЕЕВ ----- 59

Краеведческая копилка ----- 62

«Слепой» полет «Осоавиахима»
Игорь ХАРЛАМОВ ----- 65

Командорская каюта ----- 67

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

«ОСТАВАЙТЕСЬ ПРЕЖНИМИ!»

РАЗГОВОР ПО ПОВОДУ «АНКЕТЫ-98»

К тому времени, когда готовился этот материал, «следопыты» получили около сотни ответов на «Анкету». Может, и немного, но нам эти письма дороже дорогого.

Усредненный стаж основного «следопытского» «косяка» — 10 лет работы в журнале. Большинство же подписчиков по своему читательскому стажу оказалось, как показала почта, более опытным. Лишь 7 % читателей выписывают журнал более года, лишь 10 % — более пяти лет. Остальные — чуть ли не со дня основания... И если назвать вас, дорогие «ветераны» подписки, Хранителями журнальных традиций, то вряд ли это будет пустым, преувеличенным звуком. Вы оберегаете нас от необдуманных шагов, от резких перемен в редакционной политике. Вы не даете забывать, что модель журнала, «изобретенная» в 1935 году и продолженная в 1958, когда журнал возобновился, оказалась жизнеспособной и по-мудрому оригинальной, до сих пор не затасканной плагиаторами от прессы. Вы подтверждаете, что эта модель, усовершенствованная многими поколениями «следопытов», достойно прошла проверку временем...

«Уважаемая редакция!

Решив ответить на вопросы вашей анкеты, не удержался от короткого письма.

Я родился и вырос на Урале. Детство мое прошло в небольшом поселке Северка, в 20-ти км. от Свердловска. Ваш журнал я начал читать и выписывать в 60-х годах. Тогда я был студентом Уральского электротехнического института инженеров ж.д. транспорта. С тех пор я и затем вся моя семья — поклонники вашего журнала. Подписались на него мы и на 1998 год. В настоящее время (уже 23 года) я живу в г. Братске. Мне в 1998 году будет 60 лет, я профессор Братского индустриального института. Но, как вы уже поняли, с удовольствием читаю журнал и сейчас. Более того, часто извлекаю подшивки за 60-е, 70-е годы, перечитываю их сам и читаю внуку. С удовлетворением замечаю, что журнал многие годы сохраняет присущие ему традиции: широту кругозора, живость стиля, проповедь добра, справедливости, любви к людям. Пусть таким же остается и дальше! Не надо жестокости, не надо секса, не надо политики! Это сейчас в таком изобилии по радио, телевидению, в газетах и других журналах. Не стремитесь стать «модным», «острым». Я считаю, что ваш журнал тем и хорош, что он остается традиционным уральским Следопытом!

Попик Виталий Александрович, г. Братск.»

В апреле этого года журнал отмечает (если отсчет вести с года возобновления выхода) свое 40-летие. Действительно, можно говорить и о традициях. Так вот, с самого начала журнал объединил в себе казалось бы необъединяемое: краеведение и фантастику.

За этим чисто тематическим «сожителем» стояли и стоят более глубинные вещи. Россия издавна была расколота на два крупных лагеря, в разные времена по-разному именуемые: космополитизм и патриотизм, славянофильство и западничество... Наши предшественники-«следопыты», может, чисто интуитивно, попытались подружить представителей этих зачастую непримиримых лагерей. Публиковали краеведов, которые отыскивали общественные идеалы внутри страны, в ее истории. Публиковали фантастов, частенько обращавшихся своей ищущей мыслью за пределы нашей Родины. Со временем это непривычное для одного издания содружество укреплялось, приобретало органику. Хотя, если честно, не обходилось без споров... Вот и в нынешней анкете один из основных вопросов, который мы хотели уточнить, — не устарела ли такая «миротворческая» модель? Нужна ли в журнале фантастика, тем более, что в последнее время ей не приходится жаловаться на жизнь? Из «золушки», которую когда-то «Следопыт» в лице Виталия Ивановича Бугрова поддерживал чуть ли не в одиночку, она, фантастика, превратилась в «королеву». Фантастические книжки выходят одна за одной, опережая журнальные публикации. Не потеснит ли ее с журнальных страниц?

«Журнал читаю от корки до корки, за исключением фантастики: за всю подписку (с 1978 года) не прочитала ни одной фантастической повести, ни одного рассказа. Печатайте больше о прошлом нашего края — Урала и вообще о нашей Родине — России. Если хотите, чтобы журнал не ушел в небытие, то, пожалуйста, учитывайте просьбы читателей, ведь в некоторой степени — это тоже наш журнал.»

*Колмогорова Раида Федоровна, с. Андрушино
Гаринского района Свердловской обл.»*

Журнал, уважаемая Раида Федоровна, еще раз повторимся, не «в некоторой степени», а в полной мере НАШ, ОБЩИЙ. Поэтому важно и общее мнение. Читательское же «вече» считает: модель, тематическое и жанровое соотношение важнейших публикаций нужно оставить прежним. Отдельно за «краеведение» проголосовало 22% читателей. За фантастику — 37%. А за «все вместе» (и вот она, истина!) — 63% подписчиков. Другое дело, Раида Федоровна, что и нас самих не все устраивает на нынешних фантастических страницах. «Скукожился» Заочный Клуб Любителей Фантастики, хотя ему нынче все карты в руки: в другой город к друзьям-фэнам сейчас просто так не отправишься, не поговоришь о книжных новинках, не поделишься новостями в фэн-движении. Но на страницах журнала такие встречи ни чем не затруднены. Свою же основную задачу отдел фантастики выполняет: разыскивает новых молодых авто-

ров, которым до собственной книжки еще ого-го как далеко, дает им «зеленый свет» (вот только построже бы относиться к их творчеству, без всякой скидки на молодость!).

Кстати, имена новых авторов вам, дорогие друзья, нравится открывать и в рубрике «Проза»: 80 % читательской аудитории однозначно высказались за это. Постоянно ищем и будем искать таких авторов. Открываем и будем открывать. «Пригреваем» и будем «пригревать». Причем — не обязательно молодых. Человечек, проживший долгую жизнь, иногда может написать всего лишь один рассказ, но опыт, знания, житейская мудрость, вложенные в этот «опус», перевешивают, бывает, иные многотомники профессионалов...

Из именитых же авторов всегда востребованы произведения Крапивина. Из всех, ответивших на анкету, на его имя не сослались лишь единицы. Учитывая это, мы обещаем: большинство крапивинских новинок вы увидите в нашем журнале. А если загляните на последние страницы уже этого номера, поймете, что двигаясь навстречу вашим пожеланиям, мы сделали несколько дополнительных шагов. Кажется, не мелких... Из других авторов, указанных в анкете, предпочтение отдано Андрею Ильину (33 % голосов), Юрию Короткову (10%), Юрию Уральскому (13%). Налицо — симпатии к острозубетной, приключенческой прозе. Обязательно это учтем.

Кроме авторов, указанных в анкете поименно, вы ждете встречи с Натальей Ипатовой, Сергеем Другалем, Геннадием Прашкевичем, Кириллом Бульчевым, недавно включенным в редколлегия журнала... Коротко скажем: обещаем... По крайней мере, известный сибирский фантаст Геннадий Прашкевич уже поджидает вас со своими «Записными книжками». А в N3 будет представлена его повесть. В N4 вас ждет встреча с Кириллом Бульчевым: повесть, которую он передал в редакцию, будет опубликована впервые.

Очень внимательно мы вглядывались в ваши ответы по поводу цикловых публикаций. Ожидали, что пользуются успехом «Женщины древней Руси», «России царской орден» — на волне давно не бывшего интереса к отечественной истории. Так и оказалось. Вы с удовольствием читаете очерки Ю. Горбунова (65% «за»), И. Непейна (38%) и других авторов отдела краеведения, которые с любовью исследуют отдельные тропы в наше прошлое, дотошно обрисовывают дорогие сердцу исторические частности.

«Уважаемые товарищи!

«Следопыт» читаю с июньского номера за 1964 год почти постоянно, исключая лимитированные номера и 1992 год, когда из-за финансовых трудностей остался без подписки. Пропущенные номера читал в библиотеке.

В последних номерах мне понравилась работа Валерия Привалихина «Великий рельсовый путь»; давно мечтал прочитать о строительстве Транссиба. Раньше приходилось слышать легенду или быть о том, что казаки села Коелга Еткульского района Челябинской области в свое время запретили проложить железную дорогу по своим землям, ее провели тогда через станцию Еманжелинскую. Мне было интересно

разглядывать старинную карту, где есть планы той дороги.

Всегда читаю работы Александра Матвеева. В бывшей Оренбургской губернии многие населенные пункты получили имена по местам боев 1812 г., заграничного похода 1813-1814 гг., в честь военных действий со Швецией и Турцией. Я не против увидеть на страницах журнала сводный каталог, словарь, энциклопедию этих названий. Можно, конечно, собирать по крохам, но лучше все сразу увидеть в журнале.

Начали вы вроде писать о народах Урала, да как-то быстро это дело свернули. Пишите о коренных, о пришельцах...

Ваш журнал читают мои родственники, соседи, знакомые. Если что-то не нравится мне, то будет интересно другим людям.

Кучумов Г.А., г. Еманжелинск-2 Челябинской обл.»

Если ответы по краеведческим материалам были в общем-то предсказуемы (и спасибо за поддержку!), от ваших комментариев двух других циклов мы ожидали чего угодно... Речь об «Уфологии» М. Шишкина и «Дубовых дощечках» Ю. Шинкаренко.

«Дубовые дощечки» — лакмусовая бумажка для подростково-юношеской тематики. Молодежная субкультура присутствовала в журнале не изначально. Поддержите ли вы подобные публикации? — гадали мы. Поддержали. За цикл проголосовало 40% читателей, к тому же 15% всех ответивших указали, что темы «молодежной субкультуры» явно не хватает журналу. Что интересно, на нехватку таких материалов сетовали не только подростки и молодые люди, но и их мамы и папы, бабушки и дедушки, читатели «от 35 до 55». Парадокса в этом нет. Вероятно, «молодежные» материалы помогают кому-то понять своих отпрысков, найти с ними общий язык. Будем стремиться, чтобы и в дальнейшем материалы отдела молодежных проблем объединяли разные поколения в вашей семье. Пошире распахнем двери «Непричесанного музея», добавим громкости в рубрике «Музыка и мы».

«Уфология», честно говоря, нас самих смущала своей облегченностью, что ли. Какое издание не пишет нынче о «летающих тарелочках»? Нет сенсаций — на страницы дежурно призываются инопланетяне. Но рубрику вы охотно поддерживали (55% благосклонных «кивков»). И дело здесь, видимо, не только в тематике, хотя мысль о братьях по разуму всегда завораживала человеческое сознание... Дело — в авторе. В том, с какой неутомимостью наш молодой коллега посвятил себя поискам «зеленых человечков». Его статьи — не кабинетные «перепевы» уже известного, но результат личных экспедиций в тайгу, посиделок у костра, «шараханий» по ночному лесу, встреч с местными жителями, результат собственных наблюдений. Подобные «эффекты личного присутствия» становятся все популярнее у читателей, а следовательно — и у авторов. Уже можно говорить об определенной тенденции. Набирающий вес прозаик Д. Добродеев сформулировал эту тенденцию так («Книжное обозрение», N3, 1998):

«Сейчас уже надоело книжное, вымученное, абстрактное, постмодернистское, я бы сказал, все СОЧИТАННОЕ. Сердце требует возврата к живой непосредственной форме наблюдения, (возврата к физиологическому очерку)... Сейчас нужно снова прикоснуться ногой к твердой почве. Это не призыв к соцреализму — это возврат к жизни. В писателе должно быть чувство жизни, живой крови, лимфы... То, что идет от голого рассуждения, от абстрактного, — для литературы вредно...»

Мы, никогда впрочем не заигрывавшие ни с постмодернизмом, ни с прочими «измами», глубоко уверены в истинности этой литературной формулы. Наши читатели — тоже. Совсем не случайно из недостающих журналу тем указывается такая — «путешествия» (58% голосов). Путешествие, как тема, как жанр, — это и есть «непосредственная форма наблюдений». Это сама жизнь во всей ее разноречивости. Это краски жизни, запахи жизни, звуки жизни. Мы, согласно с вашими пожеланиями, постараемся сделать все, чтобы голоса «непосредственных наблюдателей» еще чаще звучали в журнале. Кое-какие экспедиции планируем и сами, несмотря на организационно-финансовые трудности...

Другие темы, которые вы предложили «усилить», — экология (30%), юмор (25%).

«Экология» есть и будет в журнале (планируется даже создать внештатный отдел). С юмором тяжелее... Юмор у нас грустноватый. Вы, к счастью, хорошо понимаете, почему...

«Уважаемая редакция!

Очень жаль, но из-за постоянных задержек в получении журнала — полгода и больше — теряется смысл на него подписываться, а подписывалась я на него в течение 14 лет. Хотелось бы знать наверняка, не переросли ли временные трудности, о которых вы сообщали в журнале, в постоянные?

Доржиева Т.Н., г. Калуга.»

«В последние годы именно ситуация, когда очередные номера журналов приходят с огромным опозданием и большими перерывами, огорчает больше всего. Очень надеюсь, что все нормализуется (ведь дорога ложка к обеду). Хотя содержание искушает наши огорчения. Но есть и еще огорчения — это наличие ошибок в тексте... Надеюсь, что все это временно и преходяще...»

Желаем вам пережить все трудности! Надеюсь остаться верными своему журналу, даже если увеличите стоимость подписки (может тогда наладится регулярность выпуска?).»

*Семья Отавинных, а сейчас еще и Кияковых,
г.Губаха Пермской обл.»*

«Уважаемая редакция «Уральского следопыта!»

С 1977 года являюсь вашим постоянным подписчиком и с болью слежу за падением тиража моего любимого журнала, т.к. вы как-то написали, что будете выходить, если останется хотя бы 2 тысячи подписчиков. До «заветного» числа в 2 тысячи осталось совсем немного... От себя могу обещать только, что буду подписываться, пока вы будете в каталоге. Наверняка и остальные ваши подписчики от меня мало отличаются, по крайней мере, уверен, что не менее 95% ответивших на вашу анкету в первом вопросе поставят крестик в графе «более 5-и лет» и «более 10-и лет». Ряды старых подписчиков тают по различным объективным причинам, а потенциальные новые, похоже, кроме программы телевидения ни на что подписаться не способны. Рекламирую Ваш журнал (НАШ журнал) среди своих друзей и знакомых, многие с удовольствием читают подsunутые мною повести и статьи, но подписаться, увы...

Возможно, журналу надо измениться, но я вас прошу об одном: изменяясь, оставайтесь, пожалуйста, хоть чуточку прежним, любимым мною вот уже более 20-и лет «УРАЛЬСКИМ СЛЕДОПЫТОМ».

*Маркин Андрей Владимирович, 37 лет,
женат, двое детей, г. Уфа.»*

Вот «обещалкины!» — это мы о себе! Нет, конечно, Андрей Владимирович, работать мы будем до последнего подписчика. И будем делать все, чтобы войти в график, чтобы избавиться от многочисленных печаток, чтобы сделать журнальные страницы как можно более интересными, познавательными и по-человечески «теплыми». Будем делать это, повторимся, до тех пор, пока мы нужны хотя бы нескольким читателям. А если... Вот уже несколько лет не исчезает из нашего внутреннего обихода одна горькая «шутка» (это к вопросу о юморе в журнале). Мы говорим себе, если нас оставят все подписчики, — то к последнему из них мы обязательно нагрянем в гости. Сбросимся, перезайдем денег, купим билеты — и заявимся всей редакцией. Посидим, выпьем, поговорим. Пожмем руку. Поблагодарим за долготерпение. За невиданную преданность старому добру «Следопыту». И — попрощаемся... С ним, с одним. С последним.

Но надеюсь, что эта наша шутка никогда не обернется явью. Тем более, что подрастают новые поколения. Поколение «следопытов» — наши воспитанники. Поколение читателей — ваши, уважаемые друзья, дети и внуки...

Обещанные годовые комплекты «УС» за 1998 год в результате розыгрыша получают: Еникеева И.Г. (г.Уфа-80), Попов М.Ф. (г. Бузулук, Оренбургской обл.), Рухлова П.В. (с. Белозерское, Курганской обл.).»

Рубрику ведет Юний ГОРБУНОВ

«Товарищ Терентий»... Не правда ли, странноватое название для «литературно-художественного, бытового, юмористического» двухнедельника. П.П. Бажов объяснил его так. Когда в марте 1923 года готовился первый номер, то на обложку попал рисованный портрет рабочего, этакое кустаря-хитрована в картузе и фартуке. Художник А.Н. Парамонов забыл спросить у него фамилию, а запомнил только имя. Из полушутливой «Анкеты товарища Терентия» в № 1-2 узнаем, что он — плотник, успел поколесить по свету и на Урал прибыл уже повидавшим виды, умеющим «обделывать не только дерево, но и глупых бабенок и разные веселые делишки». Так вот и пристало журналу название, как, бывает, пристают клички — «Товарищ Терентий».

Выходил он в Свердловске приложением к газете «Уральский рабочий» в течение 1923 — 1926 годов. Тираж колебался от 7,5 до 30 тысяч экземпляров. Последние восемь номеров 1926 года вышли под названием «Уральская новь». Одним из его вдохновителей и авторов был тогдашний директор «Уралкниги» писатель А.П. Бибик. Журнал это озорной глазастый — многими рисунками и фотографиями глядит на читателя. И прямо сказать, — кладезь для литературного краеведа. В нем — уйма имен знакомых, малознакомых и совсем забытых авторов. Либо спрятавшихся за псевдонимами.

Сейчас редко какая библиотека располагает полным комплектом «Товарища Терентия». В собрании «Уральского следопыта» он тоже разрозненный: два номера за 1923-й, шесть — за 1924-й и девятнадцать — за 1925 годы. На обложках некоторых номеров оставил свои «позывные» — фамилию и адрес (Основинская, 7) — Алексей Николаевич Шарнин, известный в нашем городе букинист, «знакомец», как утверждают, Ферсмана, Бажова, Мамина-Сибиряка...

В № 16 за 1925 год напечатан очерк П.П. Бажова «Мраморские кустари», впоследствии не публиковавшийся. Он иллюстрирован фотоработами Н.К. Татарченко (1894-1942), тоже мастера незаурядного. Некоторые его снимки, сделанные в селе Мраморском 1925 года мы воспроизводим на 2-ой странице обложки.

Для большей полноты темы очерк дополнен еще одной работой Павла Петровича — «Там, где делают жернова и точильные брусья», взятой из журнала «Колос» (1925 № 1). После той давней публикации он тоже впервые видит свет.

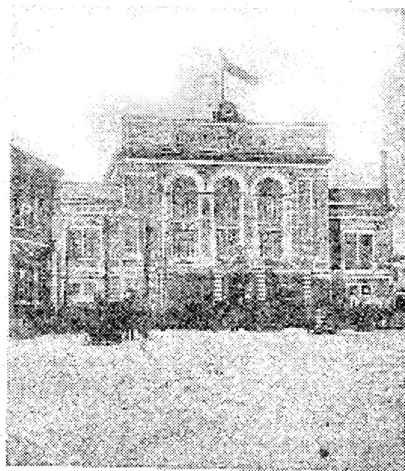

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТОВАРИЩ, ТЕФЕНТИЙ

Приходите в газетку «Пролетарий Рабочий» (Екатеринбург), «Земляки» (Пермь), «Советская Печать» (Челябинск), «Трудовой Набат» (Тюмень).

Пассаж в Ирбите.

На снимке — подчёркнута на пассажирском флаге, обозначающая открытие Ирбитской железной дороги.

№ 3, 25 марта 1923 г.

П. П. БАЖОВ

У МРАМОРСКИХ КУСТАРЕЙ

Особенный завод

С именем завода на Урале связано определенное понятие.

Завод — это прежде всего большое селение, иногда с десятками тысяч жителей.

Обязательная принадлежность всякого завода — фабричные здания с высокими трубами, дышащие огнем доменные печи и большой заводской пруд.

Привычная картина заводской жизни: резкий лязг железа или тихое позванивание чугуна по дороге от заводских зданий, встречная цепь возов с дровами, коксом, рудой и огромные коробья древесного угля.

По пронзительному «свистку» улицы в определенные часы оживляются толпами рабочих.

Все это на основе мощной волны глухого шума, который идет от фабричных зданий, не смолкая ни на минуту, днем и ночью.

Между отдельными заводами разница только в числе и размере фабричных зданий, в количестве населения и в величине заводского пруда.

Иногда, вместо чугуна и поделочного железа, видишь другой фабрикат: литье, эмалированную посуду, литовку, стекло, химические продукты, медь.

Но общая картина завода и здесь та же.

Только один из заводов Урала имеет свой особенный вид. Это — Мраморский.

Здесь все не так, как на других заводах. Своя жизнь, не похожая ни на заводскую, ни на деревенскую.

Хлебных полей, которые теперь повсеместно разрастаются вблизи консервированных заводов, здесь нет. Обычных для каждого завода широких лесосек здесь тоже не видно.

Со всех сторон завод притиснут густым сосновым лесом.

Не тем звонким редким строевиком, который растет по уральским увалам, а подсадыстым, ветвистым, корявым ситовником, обычным для низин.

Размер завода кажется непривычно малым.

Завод существует уже 170 лет, а в нем только 170 дворов.

Известно, что в пору крепостничества сюда усердно переселяли рабочих с Турчаниновских заводов.

Одно время тут жил даже какой-то генерал Данненберг, ведавший «розыском мраморов, яшм и иных камней».

Кабинет, в ведении которого находился завод, тоже по-своему старался о заселении.

Не один раз переселял сюда «добрых мраморщиков» из тогдашнего Питера.

Само население годами выработало своеобразный прием борьбы за увеличение населения.

Почти как правило, мраморцы женятся на девицах из других селений, а мраморские девушки выходят замуж в ближние заводы: Сысерть, Северский, Полевской.

Яркий румянец на восковом лице и «тряпишное барахло» соблазнили не одного парня поехать за не-

вестой на Мраморский завод.

«Хорошая строянка, чистая лопатина и часы с цепкой» сманили не одну деревенскую девушку на Мрамор.

Но и этот постоянный прилив здоровой крови не помогает. Не может Мраморский завод разрастись, тогда как рядом бродяжья зимовка Раскуиха, куда попало несколько женщин, давно превратилась в крепкое крестьянское село.

Обычной заводской картины здесь не увидишь.

Заводского пруда никакого. Нет даже реки. Есть только ключ — источник речки Черной, которая принадлежит к системе Оби. В 4-х верстах река Чусовая, уже Волжского бассейна.

Фабричных зданий тоже нигде не видно.

Есть, правда, в стороне от завода здание, которое громко зовется фабрикой Стурковича, но это скорее мастерская по изготовлению искусственных камней. Занято здесь 18—20 человек рабочих. Какое-нибудь влияние на уклад заводской жизни эта фабричка оказать не может, если не считать, что теперь к бытовой болезни — чахотке стали примешиваться случаи инвалидности от отравления газами.

Рабочий день. На улицах мертвая тишина.

Прошли по всему заводу и не встретили никого живого, кроме овец и коров.

Жуткое безлюдье.

— Кабинетные люди, и дело у них кабинетное, — говорит мой спутник, старик-крестьянин. — Сидят по малухам да шоркают камень. И бабы у их там же и ребята. Вот и тихо.

«Кабинетное дело»

Когда вслушаешься в тишину улицы, начинаешь улавливать отдельные звуки: какое-то шуршанье и осторожные удары, изредка выкрики, говор.

Это мраморские кустари за работой.

Почти при каждом доме есть своя мастерская.

Двор с зимы завален камнями: серовиком — для жерновов, мраморами — для других изделий.

Тут же среди двора слоняются телята, играют ребятишки.

Устройство мастерской очень несложно.

На земляном полу полутемной избы установлены рамы с железными пилами для распиловки камня. Тут же примитивное сверло по камню и несколько чурбанов, на которых производится обтеска и шлифовка камня.

Сидит человек у пилы и с утра до вечера «ширкает», подливая в разрез раствор наждака.

Проработает день, а результат один-два вершка.

Шлифовка — такая же длительная и нудная работа.

Обтеска требует большого умения и навыка. Неверным ударом здесь можно испортить все дело, поэтому за работу здесь встают наиболее квалифицированные рабочие.

Порой работа здесь близко подходит к работе

скульптора, и во многих домах мраморских кустарей не редкость модели частей человеческого тела и альбомы сложных орнаментов.

В дореволюционное время чуть не у каждого мраморского кустика вся семья сидела за работой, вдыхая целый день тяжелую каменную пыль.

Эта каменная пыль и съедала до времени человека. Теперь перемена налицо.

Большинство кустарей (90 из 170) объединились в артель «Мраморский кустарь». Работают, правда, на дому, но уже кой-какая охрана труда имеется.

Значительная часть кустарей, однако, держится старинки, работают самостоятельно.

Из могильщиков в электрификаторы

Главной работой мраморского кустика в прошлом были памятники и намогильные плиты.

Теперь этот вид работы почти совсем исчез.

Артельщики по этому поводу шутят:

— Никому не надо стало. Забыли родителей.

— За год 5 памятников сделали да и из тех два все еще не проданы, в окрестностях на складе стоят.

На полках маленькой артельской конторы расставлены изделия из камней разных цветов.

Член правления артели дает короткие пояснения:

— Полевской — белый, голубой — отсюда же, Тагильский — красный, желтый — Фоминский. Это наш здешний — серовин. Селецит. Уфалейский мрамор.

— Змеевик откуда?

— Этого у нас дома полно. На Мастерской горе над Чусовой открытый камень. Сколько хочешь. В обработке только тяжелы. Дорого выходит, не берут. Всякий посмотрит, повертит в руках, а скажешь цену, — сейчас же поставит: «Это, говорит, мне не подходит, не по карману».

На вопрос об агентах для продажи изделий сидящие в конторе артельщики дружно машут руками. — Не занимаемся теперь этими пустяками.

— По заказу только делаем. Будет уж! Наторговались!

— Теперь у нас другой заказ — постоянный. Камня не хватает.

— На советской основе теперь наше производство, — шутливо повторяет один из артельщиков чью-то книжную фразу.

Оказывается, намогильная плита теперь сменилась распределительным щитом для электрических установок.

Заказами артель обеспечена, но чувствуется острый недостаток нужных сортов камня.

Подрядчицья харя из-за новой вывески

— Горе-то наше — мрамора здесь слабые. Электричество проводят. Надо брать и с Уфалейских копей, а там рвут.

— Хуже старых подрядчиков. Сами платят 3 руб с куба, а с нас по 40 к. за пуд. Говорят, на вскрышу да на разработку много уходит.

— Нам нечего сказывать. Сами ведь нашли Уфалейские копи, знаешь, какая вскрыша. Голимый камень. Как по заказу. Откалывай да вози.

— Главное — не дают. Послали вон три вагона и

больше не обещают, а надо десять.

— Да ведь невыгодно. Конкуренты мы. Вот и отказывают.

Все это говорится по адресу «Русских самоцветов», которые сумели взять в аренду открытые мраморскими кустиками Уфалейские копи.

Положение кажется действительно обидным.

Нашли люди новую основу производства, приспособились, разыскали подходящую породу камня, но прозевали срок, и теперь смотрят из чужих рук, обвиняют другую артель в подрядничьих приемах.

Полтора года работы по камню все-таки сказались. Месторождения мрамора и яшмы здесь знают великолепно. И артель занялась пробой камня из других мест.

— Нашли вот, — говорит член правления и достает из ящика стола шлифованную плитку сероватого с темными прожилками мрамора.

Плитка цветом и строением близко подходит к Уфалейскому мрамору, но кажется более мелкозернистой.

— Да, этот поплотнее будет. Ну, ближе зато.

Неосторожный вопрос: «где?» стараются незаметно смазать.

— Не одно место знаем. Покопано было.

— У меня вон покойный родитель яшму где нашел! Никто и не подумал бы.

Начинается разговор о «покойном родителе» и других знатоках местности, но чувствуется, что все это не более как осторожное замазывание неприятного вопроса.

Случайно все-таки пришлось узнать новое месторождение мрамора.

Прибежал мальчуган «с весточкой» от председателя Правления артели: «заклечь договор».

Скрывать дальше уж не было никакого смысла, и артельщики напереерыв стали объяснять:

— 20 верст отсюда.

— Рудник ***, знаешь?

— Ну, вот тут и есть.

Место знакомое, но где тут мрамор, — не могу представить.

— То-то вот и есть — вскрыша тяжела. Давно бы там брали, кабы сверху не копать.

— Дешевле все-таки будет.

— Теперь только разработку правильно вести, — говорит один из артельщиков.

— Раз артели сдано, так и будем для себя стараться, — отзывается другой.

— Верно это, да не совсем. Видал нынешние копушки?

Вскрывается другая язва, такой же пережиток собственности, как и стремление одной артели подсаждать друг друга.

Раньше, когда у каждого мраморского кустика была своя «копуша», он старался держать ее в порядке, не заваливал, не допускал осыпи, выбирал не только то, что требовалось для работы, но и те камни, которые мешали подступу.

Теперь лесничество сдает разработки с куба, не считаясь с прежним хозяином, и большинство частных кустарей добывают хищнически. Выбирают только нужное, не заботясь о порядке разработки.

ТАМ, ГДЕ ДЕЛАЮТ ЖЕРНОВА И ТОЧИЛЬНЫЕ БРУСЬЯ

Рабочие или крестьяне?

— Район-то у нас ничего вышел, в горстке.
— Мраморцам вот только не по пути к нам. Им к Арамили будет ближе.

— Хватил тоже. Что они — крастьяне, по твоему?

— Ну, а к нам как пристегнешь? Небось, рабочие. На заводах да на приисках весь век околачиваются этак.

— Все-таки...

— Что все-таки, рабочие они?

— А по-твоему крестьяне? Пашут? Сеют? Присыкаешься зря. Ты делом скажи.

— Делом?

— Ну...

— Очень даже просто. Дело у них такое особенное. Рабочим настоящим назвать нельзя — это правда. Потому — от себя каждый робит. Это я тоже понимаю. Ну, а крестьянского духу тоже нет. Во всем заводе ни одной машины не найдешь. Вот и выходит — ни рабочие, ни крестьяне, а кустари. Все-таки к нам, рабочим, ближе. Потому как с камнем возятся, около машины бьются.

— Это которая у них машина? Пила железная? Может, вертун деревянный с наконешником, коим дыры в жерновах вывертывают?

— Вроде машины. Сами, значит, вроде рабочих. Верно? Но доказать, что мраморцы крестьяне — затея явно безнадежная. Спор на завалинке Полевского райисполкома потухает. Начинается длинный разговор, в котором долго еще упоминаются мраморцы.

Говорят об их «знаменитых» машинах, о вредной работе в каменной пыли. Попутно припоминают, что и раньше, до революции, мраморцы занимали какое-то особое положение — числились за «кабинетом» и подчинялись гранильной фабрике.

— Верно, что особые люди, не разберешь их, — заключает кто-то этот разговор, — ни к какому району по-доброму не подходят — ни к рабочему, ни к крестьянскому.

— А дело у них хуже нашего. Химического, пожалуй, хуже. Прямая, можно сказать, чухотка.

Мраморский завод

Селение зовется заводом, но привычного заводского здесь ничего нет. Ни одной высокой фабричной трубы, ни одного большого шумного здания. Обычного для всех заводов пруда здесь тоже нет. Даже реки нет.

На деревню также не похоже. Постройки, хоть порой и сильно обветшалые, но все на заводской лад. Больших огородов не видно. Никаких гумеников. Кругом к селению вплотную подошел лес, в котором не выпорожена обычная для уральских селений поскотина.

В селении тихо.

В рабочие дни можно пройти из конца в конец и

не заметить никакого движения. Как попрытались все.

Чем занимаются жители, узнать, однако, можно сразу.

Почти у каждого дома видишь груды необделанных камней и приготовленные вещи. Чаще всего это жернова и ступенные плиты. О занятии жителей Мрамора свидетельствуют такие сооружения, как мраморные солнечные часы, мраморный памятник борцам революции, мраморная колонна в заброшенном саду Первого мая, мраморные обелиски (статуи, фигуры) перед входом в здание рабочего клуба.

Обломками мрамора мостится дорога. Испорченные части поделок идут для домашнего обихода. У одного, например, домика вместо обычной скамейки у ворот поставлены короткие мраморные тумбочки, очевидно, оставшиеся от какого-нибудь богатого памятника. В другом месте тонкой мраморной плиткой закрыта кадь под водосточной трубой.

Везде мрамор разных цветов и разной плотности.

Одной только этой работой по камню здесь живут уже более полутора столетия.

Дело началось с малонужного. Для украшения дворцов и церквей понадобились красивые сорта камня. Были начаты розыски мраморов, яшм и иных цветных камней на Урале. Был послан сюда даже какой-то генерал Данненберг по этому делу.

Он в 1765 году и устроил в центре больших каменоломен, в четырех верстах от реки Чусовой, первые казармы для рабочих. Из них впоследствии и выросло нынешнее селение Мраморского завода.

Не один раз переселяли сюда мастеров из тогдашнего Питера для улучшения производства, на Чусовой была устроена «Мраморная фабрика» которая и просуществовала до 1810 года.

Потом, видимо, показалось ненужным доставать с Урала декоративный камень.

Казенная фабрика закрылась.

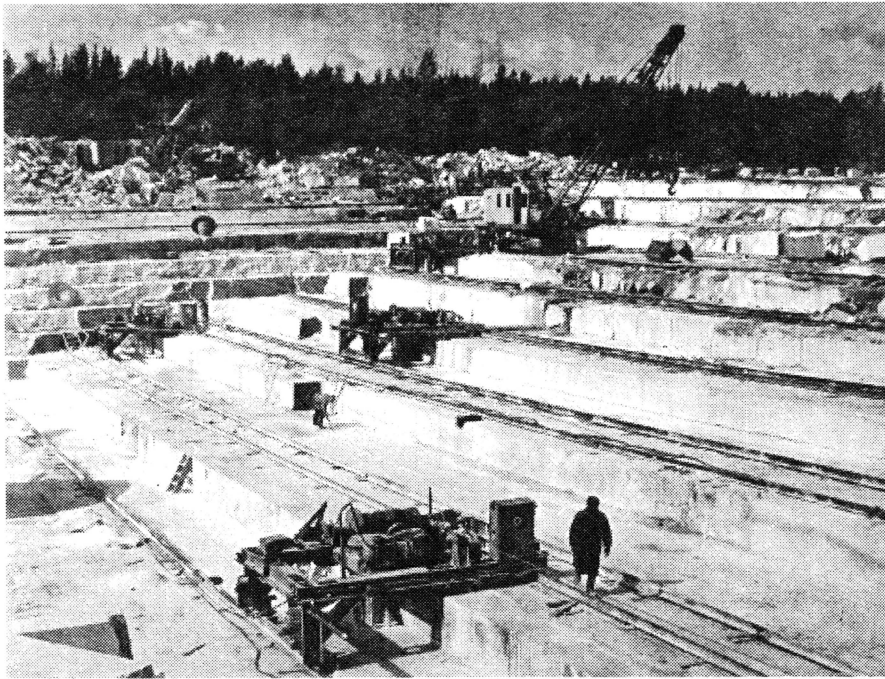
Люди, привыкшие только к работе по камню, должны были искать сбыт своим изделиям где-то поближе. Стали изготовлять, главным образом, памятники и надгробные плиты. На сбыте, этих изделий кустарей хорошо погрели руки торговцы-подрядчики, понастроившие себе дома в прежнем Екатеринбурге.

Затруднение в сбыте и кабальная зависимость от подрядчиков заставили кустарей искать более ходкого товара. Таким оказался жернов для крестьянских мельниц и точильный брусок. Подходящих сортов камня было много вблизи Мрамора, и дело это стало с каждым годом все сильнее развиваться.

С Советской властью пришел мраморскому кустарю еще один постоянный деловой заказ — распределительные щиты для электрических установок.

Работа мраморского кустаря тяжела.

Не только сам он, но и все его семейство живет

Механизированная добыча мрамора.

Фото В. Ветлугина

в душной каменной пыли. У каждого дома есть своя мастерская.

Обыкновенно это холодная изба-малуха с маленькими окнами и земляным полом.

Здесь-то и проводит большую часть дня семья мраморского кустаря. Сам хозяин специалист-каменотес обыкновенно занят обтеской камня. Эта работа требует большой сноровки и навыка. Неверным ударом легко испортить камень.

Около станка с пилой сидит женщина или подросток. Работа считается нетрудной — водить железной пилой по камню, поливая разрез раствором из наждака. Но это только кажется, — в действительности, распиловка камня — одна из самых тяжелых и вредных работ. Чтобы распилить один-два вершка приходится «ширкать» целый день, вдыхая в себя каменную пыль.

И все это в полутемной холодной избе. Вполне понятно поэтому, что на Мраморском заводе люди долго не живут, и завод за 170 лет не вырос больше 170 дворов.

Глубокие старики там большая редкость, и это понятно, так как с малых лет приходится вставать на вредную тяжелую работу.

Теперь, в советскую пору, в жизни мраморского кустаря есть большое изменение. Большая часть кустарей объединилась в артель. Женский и детский труд значительно ограничился. Переход работы на постоянный заказ по изготовлению щитов, жерновов и точильных брусьев ставит вопрос о введении машины. На нее и переложится самая вредная часть работы — распиловка, шлифовка и сверление камня.

Старозаводский.

«Дело у них особенное...»

(П.П. Бажов о Мраморском заводе)

Из неопубликованной рукописи вдовы писателя В.А. Бажовой «Жизнь и творчество Павла Петровича Бажова в хронологическом порядке» (1953 г.) известно, что в первой половине 1925 года П.П. Бажов дважды побывал на Мраморе. Весной или в начале лета он ездил по заданию редакции и собрал материал для очерков. А в июле, в свое отпускное время, снова приехал в Полевской район. На этот раз со своими старшими детьми. Павел Петрович пешком прошел с ними по всем окрестным местам, побывал на Чусовой. В этих походах у него появилась мысль воспроизвести в памяти и записать рассказы о прошлом родного края. Пока не удалось установить более точных дат и сроков пребывания П.П. Бажова на Мраморе в 1925 году. Но тексты очерков рассказывают о том, что он здесь видел, с кем разговаривал, чем интересовался.

Оба очерка написаны на одном материале, но для разных групп читателей. «У мраморских кустарей» — больше рассчитан на читателя городского, на рабочих, ведь журнал «Товарищ Терентий» распространялся не только в Свердловске и области, но и в Перми, Челябинске, Кургане, Тюмени. Очерк «Там, где делают жернова и точильные брусья» явно предназначен для крестьянина, имеющего дело с продукцией мраморских кустарей, наименование которой вынесено в заголовок.

Нина Кузнецова

«ТРОПИНКА» В СЕЛЬСКУЮ ЧИТАЛЬНЮ

В библиотеке имени К.Г. Паустовского, что на ул. Белореченской в Екатеринбурге, затеплилась тоненькая свечка нового начинания — открылась затейная под флагом ЮНЕСКО «Павленковская книжная лавка».

Казалось бы, чего тут особенного: небольшая витрина предлагает посетителям приобрести для своих детей несколько книжек в довольно скромных, неэпатажных обложках: «Слоненок» — одна из самых любимых малышами всего мира сказок Р. Киплинга; «Бой Добрыни с Ильей Муромцем» — забытая, почти не издававшаяся для детей русская былина, повествующая о нелепой ссоре и скором примирении двух славянских богатырей (былина для удобства чтения переложена на язык сказки); «Приемыш» — тоже не часто предлагаемый детям рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка — о трогательной дружбе человека и птицы в нашем жестоком мире; наконец, «Веселый календарь» пермского автора Александра Старовойтова, написанный им «для детей от пяти до пятидесяти». Это — веселые стихи о старых и новых русских праздниках. Они впервые изданы в красочном оформлении для детей.

Так в чем же необычность и новизна начинания?

Названные книжки детской серии «Тропинка» — это первые ласточки большой издательской программы «Павленковская библиотека». Она задумана Содружеством, объединившим под эгидой Уральской ассоциации клубов ЮНЕСКО так называемые ПАВЛЕНКОВСКИЕ библиотеки четырех областей: Свердловской, Пермской, Челябинской, Кировской и Коми-Пермяцкого автономного округа. Те самые народные читальни, что были открыты в начале века по всей России старанием и благотворительностью уездных земств и русского издателя-просветителя Ф.Ф. Павленкова.

Опираясь на традиции земской самодеятельности, Содружество вознамерилось всячески помогать провинциальным и прежде всего сельским читальням не только выстоять в наше трудное время, но и взять на себя основную культурную нагрузку в селах и деревнях и тем самым стать жизненно необходимым и востребованным учреждением сельской культуры.

Чтобы помочь библиотекам в главном — пополнении и обновлении книжных фондов — и обрести хоть какую-то финансовую самостоятельность (не вечно же ходить с протянутой рукой!), Содружеством и была затеяна издательская программа. А «Тропинка» к самым маленьким — это первая ее серия.

Деньги на первую книжку — «Слоненка» — прислали, отозвавшись на просьбу, сами библиотеки, а вернее сказать, библиотекари из своих скудных бюджетов. И это очень важно — значит, поверили, признали новое дело своим. Затем отозвались на библиотечную затею пермское областное управление культуры, екатеринбургский благотворительный фонд «Россия — наш дом», екатеринбургское же товарищество энтузиастов «Кузне-

цы». С готовностью и во всем шли навстречу Содружеству редакция журнала «Уральский следопыт», типография в городе Асбесте Свердловской области. За символическое вознаграждение рисовала нашу книжку давний друг и автор «Уральского следопыта» художница Евгения Стерлигова. Вот так, коллективными усилиями, появился на свет «Слоненок».

Две следующие книжки печатались уже при финансовой поддержке департамента культуры Правительства Свердловской области. А последняя из четырех — «Веселый календарь» — издана на средства бывшей пермячки, а ныне жительницы Самары Нины Викторовны Проценко. Так протаптывалась тропинка в сельскую библиотеку. Теперь часть тиража ее первых книжек отправляются в читальни: 279 павленковских библиотек получают книги бесплатно, остальные массовые — по цене себестоимости — 90 коп. — 1 руб. за экземпляр.

Но чтобы «Тропинке» не оборваться, не исчезнуть в нынешнем бездорожье, а разветвляться новыми книжками и сериями для библиотек, остальную часть тиража надо продать по щадящим, но все-таки рыночным ценам. Вот для чего затеяна «Павленковская книжная лавка» в Екатеринбурге. Очень надеемся, что она не одна будет теплиться в нашем городе, а от нее зажгутся такие и в других областях, будут способствовать возрождению земских и благотворительных традиций в книжной культуре провинции. В середине прошлого века в самом центре Петербурга — на Невском проспекте — Ф.Ф. Павленков с подобными же целями содержал «Книжный магазин для иногородних».

Библиотека им. К.Г. Паустовского, приютившая первую «Павленковскую книжную лавку», намерена сделать ее одновременно и выставочным залом — приглашает дизайнеров книги показать читателям свое искусство. Между прочим, и книжкам серии «Тропинка» есть чем удивить: три из четырех — это дебюты в книжной графике молодых художников из Екатеринбурга, Каменска-Уральского, Асбеста.

...А по «Тропинке» нашей уже торопятся к маленьким читателям две новые книжки. Это «первые рассказы» 12-летнего екатеринбургского школьника Кости Макарова, названные им «Невезучий велосипед». Юный автор — один из победителей областного детского смотра талантов «Серебряное перышко». Свою первую книжку Костя сам и оформил рисунками.

Вторая книжка — тоже сюрприз. «Великие приключения маленькой мышки» — это эскимосская сказка, она впервые издается и рисуется для самых маленьких читателей нашей страны. Кстати, и у автора рисунков к ней, Елены Горбуновой, — это тоже первая попытка.

Мы очень надеемся, что екатеринбуржцы отзовутся на инициативу Содружества павленковских библиотек. Купив книжку «Тропинки», вы не только обрадуете своего малыша, но и поможете сельской читальне.

Юний ГОРБУНОВ

Матер ь новгородская

(портрет-версия Марфы Борецкой, посадницы)

*Явлюся дочерью героической в народе
И, победив себя, дам действовать природе.*
А.П.Сумароков

Иван III Васильевич, сын Темного, был счастливейший князь. Он, как теперь принято говорить, стриг купоны. Скопидомством и настырностью Калиты, мудростью Симеона Гордого, удачливостью и талантами Донского, наконец, жертвенностью несчастного отца Василия Темного Русь Московская подошла к самому краешку такой желанной пропасти! Ивану Васильевичу осталось сделать только ход-другой. И он сделал их как расчетливый и везучий игрок, коему выпали счастливые карты.

Начал с севера. Сначала низложил, а потом присоединил к Московскому государству вечевую республику — Великий Новгород. Колосс пал в одночасье. «Участь вольного города, — жестко, но верно сказал В.О. Ключевский в одной из своих лекций, — была решена... широким и гнетущим историческим процессом».

Другой историк — Дмитрий Иловайский — утверждал: ничто так не свидетельствует о внутреннем упадке Великого Новгорода, как полный недостаток мужей. Оказавшийся в беде вольный город, якобы, вытолкнул навстречу Москве одну-единственную героическую личность — Марфу Борецкую, вдову-посадницу. Не только Иловайский, а все историки удивительно согласным хором подхватили московскую летописную легенду о воительнице-Марфе. Во-первых, говорили, участь Новгорода и так была предрешена, а во-вторых, мог ли он ждать добра, если у кормила оказалась женщина!

Вот как все гладко выходило! Марфа стала для истории находкой. Она воплотила в себе и обреченность, и пороки, а вместе и мелодраму вечаемого города. Да если бы только города! Ведь вкуче с Новгородом рухнула пусть и призрачная, но все-таки возможность для России иного — не самодержавного — менталитета. Эта туманная, как мираж, надежда Руси в критический момент оказалась в руках женщины!

Другая легенда о Марфе

Ныне она забыта, а прежде — в нашем XIX веке — ходила широко. Некая Е. Волкова даже написала на ее основе популярную книжечку «Горе матери-посадницы (из двинских и новгородских преданий)», растиражированную в 1904 году магазином «Книжное дело».

Содержание легенды таково. У богатой новгородской боярыни Марфы, вдовы степенного посадника* Исаака Андреевича Борецкого, было, якобы, не двое, как по летописям, а четверо взрослых сыновей.

Еще задолго до драматического конфликта с Москвой Марфа, видя неравенство сил, начала искать выход. На помощь литовско-польско-русского князя Казимира она сильно не рассчитывала, прямого противостояния с Москвой боялась, а задумала перенести Новгород с его вечевым колоколом и всем республиканским его укладом на свои северодвинские вотчинные земли, на берег Северного моря, туда, где обреталась некогда легендарная страна Биармия. Вознамерилась построить там другой Новоград — на удалении от алчной Москвы, и повернуть туда все заморские торговые дороги.

А на поиски подходящего для нового Новгорода места она послала двух своих средних сыновей — Антона и Феликса — с дружиною.

Сыновья обожали мать, но к идее переселения Новгорода относились по-разному. Старший из них — Антон — верил матери беспрекословно. А молодой и горячий Феликс жаждал открытой битвы с

*Степенный посадник — лицо, посаженное вечаем для гражданского управления городом, землями ему принадлежащими. Сменялся в Загороде, похоже, по мере необходимости» С потерей «степенства», т.е. прямой власти управлять, сохранял достоинство засуженного, почетного боярина-посадника. Муж и сын Марфы были каждый в свое время степенными посадниками.

Д. Иванов. Марфа Посадница у Феодосия Борецкого, передающего меч предков юноше Мирославлю

Москвой, чтобы, победив, водворить вечевые порядки на всей православной Руси. Но и он пока не перечил матери в ее северной затее.

И отправились сыновья Марфы с дружиною на парусных лодьях в далекий и опасный путь. По Двине прошли они до ее устья и, не найдя здесь подходящего места, решили разведать берег Северного моря. А по эту пору надвигался шторм, и местные рыбаки, с тревогой глядя в неверную морскую даль, советовали русичам переждать непогоду. Но молодость и отвага не хотели уступать волнам, и лодьи вышли в море.

Но вот прошло немного времени, и море выбросило на двинской берег два мертвых тела с остатками лодий и снастей. Наказало ли оно бездумную отвагу новгородцев, или сама затея Марфы не пришлась ему?

Великим горем и предвестием еще больших напастей было для матери узнать о гибели своих сыновей. И велела Марфа на том несчастном месте в устье Двины, у села Нёнокса поставить церковь и основать монастырь. Позднее, когда уже покончено было с вечевым городом, русский царь, якобы, милостиво повелел отдать тому Николо-Карельскому монастырю бессильный теперь вечевой нов-

городский колокол, дотоле плененный и молчаливый на Москве. Он и донес сию печальную бль до новых времен. В пору, когда писалась книжечка Волковой, монастырь был еще жив — неподалеку от нынешнего Северодвинска.

Такова другая — народная — версия. Она, как видим, заметно отличается от летописной.

Историки всегда смотрели на нее сквозь пальцы. Карамзин так тот просто отмахнулся от нее в примечании к своей «Истории Государства Российского» на том основании, что Николо-Карельский монастырь, который по легенде основала Марфа, был упомянут в двинской летописи еще под 1419-м годом — как первый русский торговый порт на Двине. Не могла же Марфа уже в начале XV века иметь четверых взрослых сыновей! Тогда сколько же лет было ей в 1478-м, когда Иван III, покорив Новгород, сослал ее, в Нижний?

Другие историки, например, Костомаров, с легендой не спорят как не спорят взрослые с ребенком, но и в расчет его капризы не берут.

А у легенды, между прочим, есть документальное основание — духовная грамота некоей Марфы, написанная, якобы, на древнем пергамене. Сам пергамен, правда, сгорел, но текст удалось сохранить,

и он неоднократно публиковался. В грамоте сказано, что раба божия Марфа поставила церковь святого Николы на гробах детей своих Антона и Феликса и завещала ей села и рыбные ловли на карельском берегу, некогда купленные ее мужем — Филиппом.

Публикаторы сей грамоты, вопреки легенде, эту Филиппову Марфу с Марфой Исааковой не отождествляют и вообще делают вид, что ребенка, то бишь легенды, и вовсе не было.

Ну что же, могло и такое быть: людская молва, коей недоступны архивные пергамены, соединила деяния двух исторических Марф в одну красивую бль-небыль и пустила гулять по Руси, не заботясь о хронологии.

Вот только одно маленькое «но» предложим на засыпку дотошному историку-архивисту. На странице 300-й сборника «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» /М.-Л., 1949/ опять встречаем имя Марфы, уже нашей Марфы — новгородской посадницы. И из очередной грамоты узнаем, что Марфа Борецкая и сын ее Федор Исаакович даруют соловецкому игумену Ионе (точнее сказать, знаменитому потом Соловецкому монастырю) два лука* земли на реке Суме. Земель у Марфы на Двине было много, и не первый раз дарила она их монастырю. Но обратим внимание на то, как кончается эта конкретная грамота: «А поминати им (игумену и старцам соловецким. — Ю.Г.) мужа моего Исака, и родителей моих, да и детей моих». Муж Марфы — Исаак Андреевич Борецкий, степенный новгородский посадник к тому времени действительно помер, родители ее — тоже, а вот два сына, известные летописям, — Дмитрий и Федор (упомянутый в грамоте) еще здравствовали, и ставить им поминальные свечи было бы кощунством. Значит, у Марфы-посадницы были еще дети?

Мы однако же не будем делать из этого факта далекоиудные выводы, а оставим легенду и документ при своих интересах.

Нам с вами в двинском предании важны не столько даже факты, сколько сам ее дух, образ Марфы, сложившийся в народной памяти. А в этом, я убежден, мы вполне можем доверять легенде, ибо никакая, народная бывальщина — предание, былина, частушка или анекдот — не возникают из ничего, с бухты-барухты, и веры им ничуть не меньше, чем документальным творениям лукавого дьяка, регулярно получающего жалованье из казны великого князя.

Так вот из двинского предания возникает Марфа-посадница совсем не такая, какую нам преподают московские летописи. Не жестокая воительница,

*По И.И. Срезневскому: лук содержал в себе две обжи земли, а обжа имела длиннику 126 и поперечнику 32 сажени (сажень — 2,13 м.). Т.е. обжа — 252 x 64 м.

ца, стоявшая во главе партии войны с Москвой и стовора с Казимиром литовским, а мать новгородская. Она и мудрый политик — не верила в литовско-новгородский альянс; понимала, что открытая война с Москвой гибельна для новгородской республики. Она и смелый талантливый — стратег предчувствуя, что столкновения с Москвой не избежать, искала — и нашла! — другой выход. Она и истинная берегиня вечевоего города — ведь любимых своих сыновей отдала в жертву Новгороду и, как увидим, не упала духом, не сломалась; сам Новгород — вольный, талантливый, беспечный и наивный — стал с этого момента ее единокровным детищем. И понимая, что не устоять ему — такому, — что дни его сочтены, не предала она свое дитя, как многие, до последних его дней стояла у изголовья, отдала ему жизни двух других сыновей, все богатство свое отдала безоглядно, как настоящая мать, пережившая его самые трагические дни, и покинула вольный город последней.

Легенда народная кажется нам точнее и правдивее летописной, и набрасывать портрет Марфы мы будем с неременной на нее оглядкой.

Жребий

Софийский двор являл собой картину живописную и праздничную, какую так любила Марфа. Ноябрьский, но сухой уже, не гостем выпавший, снежок похрустывал под ногами горожан.

Подходить стали еще до удара большого колокола Софийской звонницы. Вече предстало не ругливое — стенка на стенку, а праздничное: владыку православного надобилось избрать для Новгорода и Пскова — взамен умершего десять ден назад архиепископа Ионы. Сам не оставил он себе преемника.

Выбирало собственно не вече — жребий. Избранник как бы уже и указан был — там, на скрижалях всевышнего. Новгород — улыбчивый, расслабившийся — только знака ждал, понимая и гордясь тем, что послушной великокняжеской Москве такой воли случая не видать как своих ушей. Господь Бог — и никто больше.

Что-то неувовимо свое, новгородское явилось Марфе в первозимней праздничности вольного города. Родное до неумных счастливых слез. «С праздником, Онфим», — слышалось ей. — «И тебя, Митрофан.. С Акиндином-мучеником». И никому невдомек, что Онфим — из черных людей*, двора пока себе в Новгороде не нажил, а у Митрофана, почитай, обжи три или четыре пахотной земли, и он в Гончарском конце** не из последних

*Черные люди — горожане-ремесленники, не имевшие недвижимости.

**Новгород состоял из пяти «концов»-районов: Неревского, Гончарского, Славенского, Плотницкого и Загородского.

житых.* На Москве бы этот Митрофан смерда Онфимку на версту к себе не допустил.

Была какая-то наивная детская открытость в лицах новгородцев. Не от силы идущая, не от власти, а от рождения в вольном городе.

Марфа с вечера намеренно сказала нездоровой. Никого не принимала. Но одеться девушку кликнула колокольцем. Подать велела платью темного аксамита. Руку с рясами и колтами** отвела, а достала сама из кипарисового, мужем дареного ларца фамильную ладанку с камнем-оберегом и надела, не нагибая головы. На плечи накинута легкий темный плат. Руки все делали мерно, державно, а смятенный дух был уже там, у царских врат Софийского собора. В суеде и разногласии площади она видела то, чего другому не дано — расклад сил перед неизбежным испытанием, предстоящим ее вольному, вечевому городу. Молодой, донельзя честолюбивый московский великий князь Иван Васильевич давно норовит устроить Новгороду соколиную охоту. Холодный, терпеливый, будет ждать промашки, и мига своего не упустит.

Новгород ликовал — у него праздник, а каково было ей в предвидении гибельных для города перемен?

Прежний владыка Иона, даже больной и немощный телом, держал Москву на отлете, как равную, не давал сказать себя самодержавной спеси.

А теперь...

На софийском престоле лежат три свитка-жребия. Кого оставит слепой случай? Первый — ключника Ионова — Пимена, за когo неистово ругает молодая партия ее сына. У когo ключи от казны софийской — тот и пан. Дураку понятно. Но этот Ионе не чета, ключник он ключник и есть. Иван за пояс его заткнет. И забудет. Деньги в такой игре, — конечно, многое, но не все, не-ет.

Второй жребий — Варсонофия, духовника Ионы. А третий — мало кому известного инокa Феофила.

За каждым — знала Марфа — сила стоит. В виду опасности не сосредоточился, а наоборот распался Новгород. Кто сможет собрать его? Какая из этих сил супротив Москвы устоит?

Вот высветились ее внутренним оком киевские кафтаны Олельковичей — шумных, бесцеремонных. На манер татар или другой какой напасти. Это — свежая боль ее, Марфы. Того ли ждали от них новгородцы? Михайлу Александровича (Олельковича), брата киевского князя Семена, позвал в Новгород еще покойный архиепископ. Марфа знала,

*Житья люди — горожане, имевшие свои дворы, недвижимость

**Рясно — древнерусское женское украшение, ожерелье; колты — украшения, вплетавшиеся в волосы или подвешиваемые к головному убору, пустотелые, с благовониями.

не перечила, ждала, — а чем черт не шутит? При Ионе Михайло Олелькович смотрелся хорошей для Новгорода картой, едва ли не козырем.

Брат наместника Литвы в Киеве, то есть свой у Казимира литовского человек. А в то же время и великому князю московскому родня — отец Михаила женат был на дочери Софьи Витовтовны — Анастасии. Далеко смотрел Иона. Михайло — золотая середина между Литвой и Москвой. Той и другой свой по крови. Лихие языки его даже Марфе в мужья прочили. Мол, у Олельковича — власть, у Борецкой — авторитет и деньги. Ай да Новгород, ай да хитрован! И Литве потрафил, и Москву ублажил. Чем не повод выбить дно у бочки с хмельной медовухой?

И вот он в Новгороде, Михайло Олелькович. Уже седмицу гуляет со своей дружиной. Кафтаны киевлян мелькают то тут, то там. Каждый сыт, пьян и нос в табаке. Принимают и берут как должное, дармовое. И князь, и бояре его богатых кормлений ждут в новгородских пригородах, лучших земель и ловищ осетриных. Они ведь сюда благодетелями прибыли.

Иона звал. Иона бы и на место поставил. А ныне кто?

Марфа Михайлу Олельковича близко видела, но не долго. Полупоклоном ответил князь на поклон вдовы-посадницы. А посмотрел как карими-с лукавиной глазами! Словно им и говорить не о чем — все уже меж ними решено. Беседу вел с Дмитрием, степенным посадником, да с Пименом. Она по взгляду тому догадалась — что и как говорено было. Продиктовал, знать-то, условия, чтобы потом на совете господ* рты не разевали: земли и ловища укажет сам, когда оглядится, суд и ряд — по старине, братанича московского на себя берет. А архипастырем, конечно, Пимену быть. Что значит, как жребий решит? На престоле останется тот, кто ему, князю, надобен. Казна софийская пусть о том позаботится.

Дмитрий в тот день в материны покои не пришел. С тоской поняла Марфа, что без Ионы карта Олельковичей для Новгорода бита. Михайло будет вести свою игру и с Москвой, и похоже что с Казимиром. Вечевой Новгород ему чужд и надобен только как стол — что за князь без удела? С кем пофартит — та ему и судьба: с Литвой — так с Литвой, с братаничем московским — значит, так тому и быть.

Только Новгород не такого князя ждал. Пока мужики-вечники молчат, терпят, ждут, а как пой-

*Совет господ — боярский правительственный орган в Новгороде. Возглавлялся архиепископом. В него входили, посадники, тысяцкие, словом, боярская правящая верхушка пяти концов. Совет рассматривал предварительно дела, которые выносились затем на вече.

мут, что у Олельковичей свое на уме, — держись. Вечевая вольница покажет норов.

По движению за окном, каким-то своим тайным слухом Марфа поняла, что первый жребий вынесли на свет божий. И первому не повезло Варсонофию, духовнику покойного Ионы. Теперь два свитка остались на престоле — Феофила и Пимена.

Пимена носила на руках бесшабашная дмитриева ватага — дети боярские, житьи, купеческие. Тут всякие были, но больше народ лихой, ушкуйный. А ее Дмитрий в той ватаге верховодил и на вече ее сторону держал. Пимен еще при болезной жизни Ионы казной распоряжался и молодежи потакал, надеясь на грядущее архипастырство. То-то, замечала она, как пьяно буйствовала на вече купленная Дмитрием чернь. У нее, матери, он денег не просил — степе-енный! Значит, Пимен... Кому еще на руку было сейчас московских недругов распалить?

Этим войну подавай. Боя открытого с Москвой жаждут. Тайные, в схроне от нее, Марфы, собрания у них. А на совете господ Дмитрий да Иван Савелков на своем стоят: с Казимиром выйдет или нет — поглядим, а войско готовить надо. Раз и навсегда отвадить Москву от вечевоего Новгорода.

Марфа в эти минуты невольно любовалась сыном. Свои и отцовы черты находила в нем. Эту «борецкую» манеру говорить с длинной паузой где ни попадя. У отца она шла от недуга горла, а сын незнамо когда и как у него перенял, и Марфе было до слез умильно. И любит сына, и страшно за него. На людях супротив Дмитрия слова вымолвить не может. Потому многие бояре и косятся на нее: с молодыми, мол, стакнулась Марфа, голово-резам потворствует. А кто знает ее думы затаенные? Кто слышал ее ночные откровения с сыном? Может ли она потакать его горячности? Но легко ли ей и супротивницей быть? Да что супротивницей! Марфа столько предвидит своим материнским сердцем.

У Ивана московского теперь вся Русь под рукой. И даже орда Казанская. И Вятка. И плесковичи,* поди. А у Новгорода откуда же ратям быть? Он не воин, а мастеровой с саблей, купец с ушкуйным кистенем да смерд с рогатиной. Этаким толпой перед Москвой не устоять.

Да разве хоть толику из того сыну выскажешь? Разве встанешь перед ним на колени? Ведь это значит — веру его своими руками задушить? Другому, может, и сказала бы, нашла бы подходящее словечко. А с Дмитрием... У него разом щеки вспыхивали супротивным огнем. Борецкая, да что там — ее, Марфина, кровь!

Была у Марфы крайняя и рискованная надеж-

да унять сына. Дала секретное поручение послу новгородскому; наделив серебром несчитанным: велела замолвить своему на Москве человеку, чтобы порадел за Дмитрия перед великим князем — оказал бы Иван Васильевич ее сыну свое благоволение. И ведь удалось! В цене еще поди-ка новгородские рублевики! Однажды, в самый разгар совета господ пришла из Москвы весть, что жалуется великий князь степенного посадника Дмитрия Борецкого достоинством московского, приближенного к великому князю, боярина. Такой чести не то, чтобы новгородцы, а и праворучные князевы люди на Москве не все удаивались.

Но ведь проиграла Марфа, зря потратила свои рублевики. Каплей масла на свечу упала на Дмитрия эта отчаянная Марфина хитрость и лукавое московское благодеяние. Поклонился Дмитрий послу низко, чуть не до половиц и так, кланаясь, начал пышно и велеречиво хвалы и благодарения расточать Ивану свет Васильевичу, чем вызвал смех своих сторонников в грановитой палате.

«А ты, Марфа, посадница новгородская, чего ждала от сына единокровного? — спросила она себя. — Иван-то Васильевич, гляди-ка, все предвидел. Умен и хитер, бестия!»

Выслушав возвратившегося посла, великий князь ничего не сказал, даже улыбку стер со рта ладонью. Он уже и без того решил, что пойдет-таки нынче с мечом на Новгород. А серебро дармовое Марфино... Серебро никогда московской калите не в тягость.

«Нет, не та это жертва, Марфа, не та. Рублевики! Если хочешь сохранить себе сына своего и чтобы внук засыпал на коленях твоих, слюнку пустив беспечальную, отдать тебе надобно на поругание и бесчестие другое твое дитя единокровное — сам Новгород вольный отдать Москве. А меньшее она державной головы не повернет».

Не в этот ли миг и услышала Марфа голоса за дверями: «Пимена, Пимена вынесли!»

Значит, Феофил теперь на софийском престоле?

На Феофила ставили «золотые пояса». Этих Марфа знает хорошо, сама из их числа. И они Марфу до последней поры за свою держали. Что иной раз потакает молодым и черни — это им понятно. Сыну своему радеет, дело материнское. А как до края дойдет, боярское в ней все равно перевесит. И то сказать: Борецким, а значит, вдове-посаднице Марфе, принадлежали в Бежецкой, Деревской, Обонежской пятинах* и в Заволочье больше семиста деревень с полутора тысячами крестьянских дворов. Борецкие владели по крайней мере не менее, чем 1500 обжами земли. Мало кто в Нов-

*Старое название Пскова — Плесков, отсюда — плесковичи.

*Области новгородских владений назывались пятинами: Водская, Обонежская, Бежецкая, Деревская и Шелонская.

городской республике мог по богатству с ними поспорить.

А кто в Новгороде не знал богатый и приглядный марфин двор на берегу Волхова в Неревском конце? Какой ни объявится знатный гость из-за моря или из немцев, князя-наместника ли вборзе принять надобно, братчину* ли справить Неревского конца — зовут к Марфе, вдове-посаднице. У нее и стол щедрее, и повара знатнее, и сени для пира теплы и просторны. А уж хозяйка!.. Кто еще в Новгороде так украсит двор и застолье женским приветом и хлебосольством? Кто может глянуть так — призывно и смиренно — карим с чертовщинкой глазом? Марфа так умела в многолюдстве себя держать, что каждый, на ком остановит даже мимолетный взгляд, оказывался словно бы с ней наедине. Прикосновение руки, плеча, платья, каждая пылинка в этот миг ему, ее собеседнику, принадлежали. Тайной женского обаяния Марфа владела единолично.

А «золотые пояса»... Они ведь и вершили вече в Новгороде, и делали в нем погоду. Когда надо князю показать свое смирение, — покряхтят-покряхтят, а раскошелятся. А начнет на них Москва голос подымать, переглянутся на совете господ, и вот уже диктует всевладыка грамоту к князю литовскому или шлет посла в соседний вольный Псков — чтобы поддержал против Москвы. Она ведь испокон веку была такой — новгородская дипломатия: не в конфликте мудрость свою являла, а в хитрости. Всем угождала, а выбор делала сама, жила по-своему. Пуше глаза берегла вечевую вольность.

Это так по нраву было Марфе! И политикой боярской думы она владела в совершенстве. Ведь это, что ни говори, от женской сути идет. Вечевой Новгород, можно сказать, о женском ликом пребывал, с марфиным!

Вот они, бояре именитые, сейчас у своих концов: неревскикие — с неревчанами, плотнички — с плотничанами. Собеседника не выбирают — кто рядом, того и бьют по плечу. Житьи — так житьи, купчишка какой окажется — и с ним есть о чем потолковать, посадский из мастеровых — и его у достоят. Всех по имени — как и ведется в Новгороде. От этих довольством веет и достоинством. О том, зачем в Детинце у софийских ворот** народ колготится, будто и знать не знают. Только краешком уха слышат, что вторым жребий Пимена вынесли и остался — ризничего Феофила.

Этого мало кто знает. Он из иноков Вяжицкой обители, что от Новгорода в 12 верстах. Смирением и почтением вышел в протодиаконы, замечен

*Братчина — семейное застолье.

**Вечевые сходы обычно происходили на Ярославовом дворище под вечевым колоколом, что на башне. А дела церковные — в Детинце на Софийском дворе.

был самим Ионой и взят в Софию ризничим — за платьем и скарбом глядеть-наблюдать.

Не то что на архипастыря Иону, а и на ключника его Пимена не смел ризничий глаз поднять.

А вот бояре в совете господ как бы между прочим его кандидатуру возьми да и выстави. Как бы и не претендуя, и не настаивая. Варсонофий — оно конечно, всегда возле святителя, Пимен — само собой, особа приближенная и при ключах. Но ведь надо же и кого-то третьего. Третьим и стал ризничий Феофил.

Но почему Марфа то и дело с неприязнью выхватывает лица нарочитых бояр. И чудится ей, что в последний миг извинительно отводят они глаза от ее прямого взгляда. Все так осталось, но чуть-чуть не так. Словно в какой-то момент для себя незаметно выпала Марфа из их круга.

Вспомнился ей мимолетный разговор с Захарием Овиным, главой самого богатого семейства бояр Плотницкого конца — так, на ходу перемолвились. — А что, Марфа Ивановна, — спросил Овин между прочим, — сама ли нонче на Двину махнешь смердов поторапливать о переворами?*

— Ох, до полюдья ли, Захарий Григорьевич?

— А что так, Марфушка? — по-свойски поинтересовался Овин.

Сейчас-то Марфа поняла: непрост был тот вопросец и чуть ли не вся грановитая палата святой Софии ждала, что и как ответит Марфа. А ей и не в ум.

— Так ведь Москва на хвосте. Разве время сейчас?

— Москва Москвой, а свое почто же оставлять? — все с той же лукавинкой продолжал Овин и добавил: — Думаешь, под Москвой и жизни нет?

Вот и открылась Марфе бездна, над которой стоит ее Новгород. Как дитя малое, отпущенное на волю и оставленное всеми. И невдомек ему, мальцу, что семь его нянек будто поверх его головы глядят.

Дмитрий, сын ее родной, всем взял и готов за мальчика хоть на крест пойти. Но не видит, бедовый, какая силища перед ним.

Олельковичи с Литвой... Да разве вольности новгородские у них на уме?

А вот теперь и бояре, на ком держался до сей поры Новгород и его вечевая статья. Они, видать, и под Москву готовы, лишь бы обжи их она не трогала.

... Донеслись, наконец, голоса и до ризницы. Нового архиепископа Феофила там и нашли. Сидел, скрючившись, с зажатými в коленях дланями меж стихарей и саккосов, дорогих облачений из парчи персидской и посохов с украшениями из рыбьего зуба... Смотрел дико и бессмысленно. И то сказать:

*Переворы — пошрины; речь идет о сборе поземельной дани с крестьян-смердов — поземщиков, половников, третьников, своей земли не имеющих.

из келаря* да во всевладыки, держателя новгородско-псковской вольницы, богатейшего на Руси Софийского дома, казны и земель его несчитанных.

А в честь его уже пели колокола и ликовала толпа новгородская.

Три жребия были на софийском престоле. Три жребия... Четвертый ее — марфин. Только этот не случаю было выбрать — ей самой.

Совет господ

В марте 1471 года 32-летний московский великий князь Иван III, уже державно именовавший себя «Мы, великий князь...», объявил Новгороду войну — послал ему разметную грамоту.

Но сразу до мечей не дошло. Предстояла ведь не заурядная войнушка, а эпохальный политический спектакль, «война и мир» XV века. С кровавыми, конечно, сценами, но не спеша, с чувством, толком, расстановкой разграниченный Москвой на виду у всей Евразии с ее западными и восточными окраинами.

Во всей режиссерской статье и актерском блеске его можно рассмотреть только сейчас, когда, наконец, слегка поостыла в каждом из нас великодержавная спесь. Большое видится на расстоянии. Мы убеждаемся, что получилась-то не обещанная Москвой героическая мелодрама, а подлинная трагедия. И, пожалуй, Марфа тому «виной»: Ибо только ее роль игралась не по сценарию, только она не поддавалась режиссерскому своеволию. Но отдадим должное и великому российскому лицедею Ивану Васильевичу III по малоизвестному прозвищу — Горбатый. Его на бытовом уровне часто путают с другим Иваном Васильевичем — Грозным, внуком нашего героя.

Вот, например, как оценил актерское дарование великого князя историк-романист Дмитрий Балашов: «Иван внутри себя хранил ярость безудержную, жестокою и необузданно древнюю, передающуюся целиком его сумасшедшему внуку, Ивану Четвертому. Но эту ярость Иван III, в отличие от внука, хранил внутри, за семью замками рассудка, и выплескивал чрезвычайно редко, и то только тогда, когда разум подсказывал ему, что — да, теперь, в эту минуту можно позволить себе взорваться».

Итак, сценарий скрупулезно разработан, роли розданы, Марфе предстояло сыграть своего человека в стане врага. В самом деле, первое впечатление от нее в летописной истории — ни дать, ни взять провокатор. Ярая сторонница военного конфликта с Москвой, она подбивает Новгород отдаться Литве, будоражит и подкупает чернь, потворствует боевому задору молодежи. Она-то, считают

**Келарь — монах, заведующий монастырским хозяйством; здесь — уничтожительно о ризничем.

иные историки, и спровоцировала такое стремительное, в одночасье, падение вечевого города. Боярская республика еще и продержалась бы, но, как писал один из историков Новгорода — И.Д. Беляев, «вместе с молодежью за общественные дела принялись женщины-интриганки, владевшие богатými именными...»

В прологе Борецкая со своей ролью справилась блестяще. Вспомним сюжетец с княжеским благоволением — дарованием ее сыну Дмитрию достоинства приближенного князю боярина. Не Марфа ли тайно того хотела? И ей ли было не понять, что эта подачка окончательно распалит Дмитрия против Москвы и... такая выйдет красивая прелюдия мелодрамы. «Ай да Иван Васильевич! Ай да сукин кот!»

В те поры монаршие милости в виде званий и титулов еще только начинали позвякивать карманными бирюльками: сегодня, если надо, дал, а завтра не поглянулось — отнял. Таковыми их пока никто не значил. Игра, что называется, была без дураков.

А Марфа... Она тогда, как мы видели, еще не собралась с духом, еще мнилось ей невозможное: и сыновей сохранить, и Новгород спасти. Вот невольной и подыграла своему супостату. Но — в первый и последний раз!

...Интригу после пролога начинал ряд литовских эпизодов, долженствующих прервать долготерпение московского монарха. Марфа виделась ему потаковницей пролитовских бояр и горячих голов из молодежи, коим, как говорится, сам черт не брат. «Мужи новгородские заблудились в мыслях своих, — уверяет нас преданный Москве летописец. — Эти злорадные люди увязли в сетях дьявола, ловца и убийцы человеческих душ... Этот дьявол-составитель вошел у новгородцев в злоститивную жену Исаака Борецкого — Марфу. И та окаянная Марфа... начала... прельщать весь народ православный. Хотела Великий Новгород отвести от великого князя, а отдаться к королю».

Так выходило по московскому сценарию. Мы же теперь «заглянем» в грановитую палату святой Софии и представим себе другую картину.

...Текст договора с королем польским и великим князем литовским Казимиром читал на совете господ молодой боярин Иван Савелков. Чертыхался от неразборчивой дьяковой руки. Хотя, прямо сказать, нового в договоре, что бы отличало его от ранешних, издавна писанных в Новгороде, мало чего и было. Торопясь, махнули рукой на некоторые тонкости в отношениях: правила охоты, например, и медоварения, или о мытах* торговых... До того ли сейчас, если великий князь уже рать собирает на Москве.

Дмитрий, с последнего веча степенный посад-

*Мыто — пошлина.

ник, рядом стоял — сидеть ему неумоготу было. Стоило Савелкову замешкаться с текстом, как он, не глядя в свиток, подхватывал:

— А держати тебе, честному королю, своего наместника на... Городище от нашей веры от греческой, от... православного хрестьянства. А наместнику твоему судити... с посадником во владычне дворе, на пошлом месте, как... боярина, так и житьего, так и молодшего, так и селянина...

Марфа слушает сына и представляет завтрашнее вече. Эти его неуместные паузы так смешат и будоражат простолюдную толпу. Скажи то же самое кто другой, еще и освищут, а то и булыжником запустят, а изречет Дмитрий — словно солнышко выкатилось.

Но тут не Ярославово дворище, а грановитая палата святой Софии. Чинно, тихо, и всех нарочитых Совета господ по головам перечесть можно. Во главе стола — Феофил, новоизбранный владыка. Еще в убогом облачении протодьякона — непоставленный митрополитом. Сидит маленький, вжавшийся в высокое резное кресло. И над его головой разинуло зев чудовище, рожденное фантазией некоего древодела Плотницкого конца.

Феофилу невдомек, а Марфе, что сидит в стороне от «господского» стола, хорошо видать. «Какое ему среди нас, — впервые мелькнуло у нее, — ровно как на лезвии ножа».

Марфа вполуха слушает текст — читан ею уже. Не сумела остановить Дмитрия. Неторопливо ходит она глазами по лицам господ-советчиков — «старых» тысяцких и посадников. Все знакомые, до комка в горле родные, лица! Столько с каждым соли съедено, да и хорошего было чего...

С Яковом Селезнёвым, помнит, убогую деревушку в Заволочье делили. На меже оказалась. Половина смердов Марфину тиуну кланяются, а другие перед Селезньевым приказчиком шапки ломают. Так ведь Марфа его, бывало, за охабень хватала. Разнимать кидались.

— А на Новгородской земле тебе, честны король, сел не ставити, ни закупати, ни даром не примати, ни твоей королевой, ни твоим детям...

Вот сидят плотничане Захария Овин и Иван Лукинич, славенский родственник ее Иван Офонасович Немир. Неревский толстосум Богдан Есипов...

А рядом Захарьин Феофилат, не знавший удержу на Софийской стороне. Только перед ней и опускал глаза. Все бывшие степенные, лысые, седые головы. Они нынче, знает Марфа, будут молчать — не на их улице праздник. Их бы воля — не посылали бы теперь к Казимиру, не дразнили Ивана. А иные втихую так и отдались бы Москве: вече — хорошо, а жизнь на своей земле — дороже.

Из молодых в совете — всего ничего, но один из них — ее Дмитрий, степенный теперь посадник. А главное — за молодыми завтрашняя вечевая си-

лица черного люда. Возбужденная угрозой его вольностям, задевая за живое разметной грамотой Москвы, отступничеством Пскова, замороженная неотразимой «борецкой» манерой убеждать и одержимостью Дмитрия... А то и купленная щедрыми горстями пул*...

— А пойдет князь великий московский на Велики Новгород, — читал о главном молодой боярин, — или его сын, или его брат, или которую землю подымет на Великий Новгород, ино тебе нашему господину честному королю всести на конь за Велики Новгород и со всею со своею радю литовскою против великого князя, и боронити Велики Новгород...

«Боже, Боже правый, зачем? — Марфа закрыла глаза. — Зачем звать сюда Казимира ТЕПЕРЬ? Когда грядет война? Ну, придет Казимир или татар науськает. Экая будет резня! А ведь боем Ивана сегодня не взять, — хотелось ей кричать, втемяшить Дмитрию и его праворучникам. — Не одолеть Москву боем. Безоружный, несмутливый Новгород ей куда опаснее. На поднятое забрало и Москве не с руки ийти».

Она не могла, не умела противиться Дмитриевой одержимости военного противостояния Москве. Как сам великий и бессильный Новгород, ее сын слепо, неистово верил в удачу, в какую-то высшую правду и силу вольности, в незыблемость веча и Вадимова места**. А могла бы, умела противиться — так не стала бы. Ибо без таких, как ее Дмитрий, зачем и кому она нужна, новгородская вольность?

Никогда она не знала в себе такого бессилия и... такой... такой любви ко всем к ним — правым и виноватым, богатым и нищим, неудержимым в вере и храбрым от дармовой медовухи. Ведь всем им Новгород отчиной был и дединой, всех такими и сделал, каковы они есть.

Все прошлое дурное и доброе перегорело в ней, далеко-далеко осталось. А в осадок драгоценным яхонтом выпала тяжелая капля любви. Материнской, уже неодолимой, неизбывной. И Дмитрий с Федором и внуком народившимся — Васькой... Боже правый, они даже не сразу находимы в этом сонме!

Любовь Марфы была больше бессилия. Бессилие в любовь перетекало.

Разве отчаяние матери, любящей женщины — это не сила ее?

И этих-то своих детей-новгородцев она видела теперь уже другими. Как некогда Зосима у нее на пиру: кого увечным, кого в цепях, а то и без головы вовсе.

*Пуло — мелкая медная монета.

**Лобное место Новгорода, где, по легенде, пал от руки варяжского князя Рюрика славянин Вадим Храбрый, первый глашатай новгородской вольности.

Голосов не слышно стало.

Она еще подождала и шевельнулась в кресле, сняв наваждение:

— А умиришь, господине честны король, Велики Новгород с великим князем, ино тебе взяти честному королю черны бор по новгородским волостем по старине... — внятно продиктовала Марфа в наступившей тишине.

— Однова, — вдруг шевельнулся Захария Овин, — однава пиши. Только если умирят. А в иные годы черны бор ему не надобе.

Ноздри Дмитрия, видела Марфа, затрепетали, румянец занялся.

Но посмотрев на мать, он опустил плечи, поник и сел устало.

— Запиши, — махнул Савелкову.

Вот что-то подобное, думается, произошло на совете господ накануне веча.

А теперь вернемся к истории летописной. Летом 1471-го отправилась в Литву делегация во главе со степенным посадником Дмитрием Борецким и будто бы заключила с королем Казимиром договор. Вину за то, как мы знаем, летопись целиком возлагает на Марфу. «Словеса избранны...» следуя канонам лицедейства, уподобляют Марфу «львице древней Еизавели», «бесовной Иродии», царице Евдокии, согнавшей с престола Иоанна Злагоуста, «Далиле Окаянной», предавшей врагам Самсона Храброго... И чем безудержнее в сравнениях перо летописца, тем сильнее становится сомнение: на самом ли деле заслужила Марфа антихристову печать?

Впрочем: а судьи кто? Что такое эти «Словеса избранны от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских»? Это, оказывается, фрагмент московской летописи, исходящий, как полагают ученые, от митрополита Филиппа. А московский летописец той поры — далеко не Никон Киево-Печерского монастыря. Именно при Иване III московское летописание обретает характер официоза, а точнее, признаки официальной лжи. Исследователи не раз уличали великокняжеского летописца в лукавстве и убеждались, что у него «настоящий национально-государственный смысл дела теряется в безудержной лести и униженном риторстве». (А.Н. Пыпин)

Вот и верь после этого «Словесам»! А между тем, это — **ЕДИНСТВЕННЫЙ** летописный фрагмент, который вообще содержит сведения о Марфе Борецкой. В московской повести о походе Ивана III на Новгород она лишь упомянута. Другие же летописцы, в том числе и новгородские, о ней молчат.

Не правда ли, странный парадокс: никто «Словесам» всерьез не верит, но все при этом трактуют Марфу в полном со «Словесами» соответствии. Таков был сценарий, по которому и игрался мос-

ковский спектакль.

Тем же мартом, когда Иван III прислал Новгороду разметную грамоту, «смотал удочки» Михайло Олелькович со товарищи, узнав о кончине в Киеве своего брата Семена. И возвращаться как будто был не намерен, потому что по пути в Киев, как тать, обчистил Русу и другие новгородские земли. Похоже, что если бы не печальный повод, то или новгородцы бы его «попросили», раскусив авантюрные намерения, или бы он сам ушел, осознав, что с Москвой ему сегодня ссориться не гоже. Последующая судьба князя Михаила, подробно изложенная Иловайским, косвенно подтверждает эти догадки.

А подыграла ли все-таки Марфа великому князю? Вот вопрос. Мы, конечно, не можем противопоставить московским «Словесам...» какие-либо прямые факты, опровергающие виновность Марфы. Фактов, кстати сказать, нет и у самого летописца. Попытаемся, ничего не выдавая за истину, опереться на косвенные, на логику событий, как мы ее понимаем.

Перечитаем еще раз строки: «А умиришь, господине честны король, Велики Новгород с великим князем...» И весь-то договор ничего противомосковского в себе не содержит в сравнении с предыдущими грамотами, но в этих строках, буквально как в капле воды, отразился мальчишка-Новгород со всем его наивом, бескорыстью и извечной тягой к компромиссу. Уж в них-то никак нельзя прочесть попытки перекинуться в иную веру или затеять смуту, или всерьез отдаться литовскому королю. Коли помиришь нас о Москвой, отблагодарим, но на большее не рассчитывай, в данниках к тебе не пойдем.

Если в других строках договора звучали какие-то иные мотивы, то кто был инициатором вот этих типично новгородских строк? Дм. Балашов считает, что новый архиепископ Феофил. Это ему, якобы, удалось, вопреки Марфе и всей ее пролитовской партии, смягчить текст договора. В эту версию, однако, плохо верится. Феофил, новоиспеченный архипастырь, конечно же не мог и слова оказать противу Москвы. Ни ему, ни «золотым поясам», уже трепетавшим московской кары, не было нужды что-то смягчать и ублажать Ивана III. Великий князь Феофилу никакого бы договора не простил — как это и случилось в дальнейшем. Он не мириться шел с Новгородом, а на колени его ставить.

На этот раз верх в совете и на вече взяла партия молодого бунта, коей в предвидении войны тоже было не до таковых тонкостей. А вот матери-Марфе, вот ей-то наверняка жаждалось мира. Если уж порешили звать короля, — то не для войны, а для замирения. Последнюю сделала Марфа отчаянную попытку.

А почему все-таки нам кажется, что Марфа была противницей войны?

Оглянемся опять на двинскую легенду. Молва народная, как помним, утверждала, что Марфа Казимира в серьезный расчет не брала, потому и стала искать иной выход. И в сыновьях, посланных, якобы, ею на север, по легенде судя, согласия тоже не было. Почему бы и нам не предположить, что младший — Федор, подписывавший вместе с матерью дарительные грамоты, вовсе не был, как и его мать, заодно с Дмитрием? У нас во всяком случае нет оснований в этом общем плане не доверять народной молве. Мы уж скорее в «Словесах...» усомнимся. А что же наши проницательные историки? Например, «последний летописец» Николай Михайлович Карамзин? В своей «Истории Государства Российского» он — неподкупный сторонник московского монарха, а Марфу держит за явную рассадницу смуты. Словом, пишет по великодержавному сценарию.

Но еще до своей «Истории...» он, как известно, написал повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». Читаем — ба? Да тот ли это Карамзин, помилуйте! В повести Марфа решительно отвергает обещанную ей через посла помощь Казимира. Решительно — у Карамзина нет сомнений. Можно возразить: что так нужно было писателю для полноты и однозначности героического образа Марфы-воительницы. Но почему не допустить, что писатель Карамзин оказался раскованнее, правдивее и дальновиднее Карамзина-историка?

Нет, не подыграла Марфа великому князю в его мелодраме. Ее история падения Новгорода носила иной — драматический — колорит.

Шелонь

Заручившись поддержкой Твери и других пока еще удельных княжеств, а также Пскова, Устюга и даже далекой-предалекой Вятки, собрав под свои стяги неисчислимую рать, великий князь начал войну.

С какими трогательными подробностями живописует сие действие «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород!» Месяца же июня в шестой день, в четверг, на Троицу, «отпустил» великий князь воеводу Даниила Холмского со многим воинством и велел идти к Русе. А в тринадцатый день того же месяца, в четверг, «отпустил» князя Ивана Оболенского-Стригу да с ним и князьков царевича Даньяра со многими татарами. И велел им идти «на Волочок да по Мсте». Какое характерное словечко в лексиконе москвичей — «отпустил». Как гончих с поводка. А сам в Москве начал неторопливый обход соборов и монастырей, совершая молебны, проливая слезы, прося помощи и заступничества — действие обычное, но подано повестью вполне театрально.

Наконец митрополит всея Руси Филипп (тот

самый!) отпускает ему грехи и молитвой вооружает его «как Самуил Давида на Голиафа».

20 июня 1471 года, тоже в четверг, великий князь с большими силами сам отправляется в поход: «как прежде прадед его, благоверный великий князь Дмитрий Иванович, на безбожного Мамаю и на богомерзкое его воинство татарское».

Сам он, как режиссер, в сражениях не участвовал, в отличие от Донского, а стоял в Торжке и внутренним взором обозревал арену. Да и зачем было?! Все ведь шло по сценарию. Природа и та подыгрывала ему: из веку сырая от обилия воды и дождей новгородская округа, ныне была на редкость суха и проходима. Стоял на стороже, как у Донского, и засадный полк, из татар казанских состоящий, — история обожает парадоксы. Вот только Марфа никак не слушала суфлера, не замечала его угрожающих гримас и не хотела исполнять роль вдохновительницы новгородской смуты.

Ее теперь ждала неизменная участь русской женщины-матери: душой понимая пагубность противостояния мечом, исчерпав все способы остановить войну, она обречена была вооружать своих детей-воинов, вдохновлять, напутствовать, ободрять, все-таки веру в победу. Как всякая мать испокон веку на святой Руси. А у Марфы, кроме двух своих, детьми были и все новгородцы.

Рать собирали под начало своего новгородского воеводы Василия Казимера. Служилого князя Василия Шуйского-Гребенку отправили защищать Заволочье и двинские земли. Единого порыва, увы, не было у горожан, а следовали спорадически то всплески новгородского патриотизма, то благоволения Москве — смотря по тому, чья сила брала верх на вече, какие слухи гудели в концах, как вели себя соседи: Литва, немцы, Псков... Да что говорить: удачное слово, сказанное с Вадимова места, лишняя горсть пул, во-время брошенная в толпу, могли решить дело в ту или иную сторону.

При такой разногласии такое и войско собиралось. Были в нем и лихие защитники вольности, и тайные ревнители Москвы, но больше было тех, что действовали сообразно обстановке. Таких в пору разлада всегда перевес. И все-таки это было войско, и вел его воевода, в боях уже испытанный. Стояла за войском череда былых новгородских побед, удачных ушкуйных набегов и покорений. Оно держалось на безграничной отваге и вере молодых защитников вольности. Было богато оснащено и вооружено — уж тут-то и сама Марфа, и сторонники» вечевого Новгорода денег не пожалели. Другой толстосум и поостерегся бы, да как откажешь? У Дмитрия-посадника и его молодчиков разговор короток — того и гляди ославят на вече, хорошо, если в Волхов не столкнут. Показали свою стать мастера железных дел. Лихо, богато и внушительно смотрелась казимерова рать, поки-

дая на ушкуях и насадах* Новгород. Берегом Ильмень-озера пешая шла, а пред ней — конный стяг владыки. У того, как всегда, — ратники на подбор, ухоженные и умелые в бою, едва ли не лучшая часть новгородского воинства.

Город безудержно ликовал, предвкушая победу. И Марфа не показывала виду.

А что слезы невольные застили глаза... Так ведь слезы — они солоньки...

Между тем московские воеводы со своими полками делали дело исправно. Они шли к Новгороду разными дорогами — жгли, пленили и казнили без милости. Спалили Русу и все вокруг нее. На берегу Ильменя в местечке Коростынь произошло первое сражение. Здесь сосредоточились, похоже, главные боеспособные силы новгородцев, и сеча по началу была обоюдно успешна. Неизвестно, как бы закончилось сражение, если бы не подвела новгородцев владычная рать: ей, оказывается, велено было Феофилом драться только против псковичей, а на великого князя меча не подымать. Главная новгородская сила, таким образом, раздвоилась, и москвичи одержали верх. Да и воевода Казимир, похоже, на высоте не оказался, а воевода москвичей — Холмский, напротив, выказал себя незаурядным полководцем.

Впрочем, только упорное противостояние новгородцев могло вызвать такую жестокую расправу победителей: пленным отрезали носы, уши и губы и отправляли таковыми в Новгород для острастки прочим — чувствовалась татарская школа!

Весть о поражении в виде обезображенных лиц была ужасной для Марфы, но еще ужаснее для самих новгородцев. Страх, ненависть и разлад обострила она. А тут еще Псков нешуточно вступил в войну на стороне Москвы. Борецкий и его партия понимали, что нужна хоть какая-то, хоть малая победа. Как ни пыталась Марфа образумить сына, — отрезанные носы и губы только ярили его. На этот раз он сам встал воеводой. Началась в Новгороде поголовная мобилизация, почти силой обряжали в доспехи, всучивали мечи и сулицы, грозя в противном случае расправой. Сама «Московская повесть...» не скрывает того, кто в этот раз противостоял войску Ивана III. Она даже воинами не называет ополченцев. «...посадники, и тысяцкие, и с купцами, и с житыми людьми, и мастера всякие или — проще сказать, плотники и гончары, и прочие, которые отродясь на лошади не сидели...» Они были опытны разве только в своем любимом — кулачном или дрекольном бою, считает и историк Иловайский. А мы добавим к этому, что была сия ватага славна отменными мастерами разных ремесел, до коих Москва тогда еще не доросла. Вот бы чем побил Новгород Москву наголову!

*Насад, ушкуй — боевые корабли новгородцев.

Если что и поднимало дух новгородцев — так это измена Пскова. Против псковичей и двинулось ополчение. Впрочем, сейчас любая победа была на вес золота. Но благоволившей Ивану III судьбе суждено было не с псковичами столкнуться ватагу Дмитрия Борецкого, а все с тем же удачливым воеводой Холмским и его вдохновленными победой ратниками. Соперники встретились на реке Шелони.

Если верить «Повести», числом новгородцы намного превосходили москвичей. Но тем не менее потерпели сокрушительное поражение. Мы не будем живописать эту шелонскую бойню, отослав любителей батально-кровавых сцен ну хотя бы к роману Дм. Балашова «Марфа-посадница». Нам любопытнее брани, творящиеся в людях, невидимые глазу катаклизмы. Скажем только, что в числе пленных в той битве оказался и Дмитрий Борецкий, а в его обозе москвичи нашли и договорную грамоту с польским королем Казимиром. Договор, как оказалось, не был утвержден королем и обрелся в обозе вполне бесполезной бумажкой. Казимир и головы не повернул в сторону Новгорода, чтобы помочь ему.

Четверых из плененных на Шелони бояр и посадников привезли в Русу и там казнили по повелению великого князя отсечением головы. Первым в числе казненных был сын Марфы — Дмитрий Борецкий, коему не прошло и года как жаловал великий князь звание приближенного боярина. «Бойтесь данайцев, дары приносящих!»

После шелонской кульминации спектакль потек сравнительно тихо и без сбоев. Великий князь методично довершал начатое — ставил Новгород с ног на колени. Правдами и неправдами велел именовать себя «государем» вместо прежнего «господин». Упразднил новгородский боярский суд, заменив его своим, великокняжеским. То и дело провоцировал смуту, а потом вылавливал ее зачинщиков — бояр, духовных, посадских — то ли казнил, то ли миловал. Так был взят, закован в железа и отправлен в Муром и второй сын Марфы — Федор Исаакович. Там он вскоре и скончался при неизвестных обстоятельствах, оставив на попечение Марфы внука — Василия. Если князь казнил, то земли и прочую недвижимость себе брал, если миловал, то переселял подальше от Новгорода, а на их место московлян сажил. Чтобы сравнять, рассеять по бескрайней Руси новгородский дух воельности.

В своей неизбежной агонии Новгород еще пару раз оскаливался противу государя. Однажды противники Москвы устроили погром в усадьбах «изменников». В другой раз на них ополчилось вече и кое-кого лишило живота. Попал под ту сурдинку и знакомый нам Захария Овин, поспешивший отдаться великому князю. Но это были уже судорожные, агонические движения давно длившейся междуусобицы.

Она, кстати сказать, очень верно отражена в народном предании — былинах новгородского цикла о Василии Буслаеве.

Былин, прямо относящихся к этому циклу, не много, но они, по словам знатоков, резко отличаются от киевских своей предельной реалистичностью. Историческая правда в них берет верх над фантастическим вымыслом. И это конечно же побуждает нас внимательнее к ним присмотреться. Например, к варианту былины, записанному Киршею Даниловым. Как узнаваемо в ней все, что происходило в Новгороде накануне его падения? Ватага Васьки Буслаева «со пьяницы, с безумцы, с веселыми удалыми добрыми молодцы» — это почти один к одному молодая партия противников Москвы. Тридцать молодцов без единого», собранные Васькой на его широкий двор — это дети боярские, упеческие, неумная ушкуйная молодежь. Их похождения на новгородских улицах — это те самые бурные веча, погромы и расправы, которые, якобы, вдохновляла Марфа. Только записанные не языком послушного дьяка, а безоглядным перышком народных сказителей:

Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили.
Побили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричат, ревут мужики посадские.

Не может ту ватагу усмирить даже старец Пилгримище, что держит на могучих плечах вечевой колокол — то есть бессильна и власть самого всевладыки Софийского. И куда же тогда бегут за помощью те «мужики новгородские, посадские, богатые»?

Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.

Только она, Амелфа — по созвучию так прямо Марфа! — и может еще воздействовать на сына. Она его «журит, бранит», «на ум учит», а когда это не действует, «садит в погреба глубокие», «затворяет дверьми железными, запирает замки булатными».

И невольно думаешь: а если бы в жизни было все наоборот, если бы именно Марфа не сдерживала, а подзуживала сыновей и молодежь на эти городские беспорядки противу Москвы и ее сторонников, была бы зачинщицей протеста и войны, неужели бы «реалистическая» новгородская былина не заметила бы такую колоритную личность? Ан нет же! И в былине о Буслаеве, и в других, которые исследователи относят к новгородскому культурному району, нет никаких намеков на такую личность. Разве что «девушка-чернавушка», кото-

рая тоже «помахивала» коромыслом кипарисовым? Но тут впору говорить не только о вдовах, но и вообще о новгородской женщине, какую она предстает в былинах. Вот что пишет, например, до-революционный исследователь былин Всеволод Миллер: «Эти честные вдовы нисколько не похожи на московских затворниц-боярынь, которым и не было бы места на княжьем пиру с богатырями; это женщины самостоятельные, властные и влиятельные. Такие типы, как мать Васьки Буслаева или Часова-вдова, могли быть известны только в Новгороде, где женщины в высшем классе пользовались гораздо большей свободой и в семье, и в обществе, чем в отатарившейся Москве».

Новгородские былины как бы накладывают другие краски в летописный образ Марфы. Они в какой-то мере объясняют и неприязнь к ней московских «повествователей»: боярыня новгородская, как видим, принципиально не походила на московскую. И своей несхожестью, раскованностью вводила летописца в соблазн поставить ее во главе смуты. Былина же при всей ее симпатии к бунтарям нигде таких фактов не фиксирует, как, впрочем, и новгородская летопись. Что и побуждает нас отнести московские «Словеса избранны...» к одному из первых на Руси произведений фантастического жанра.

Итак, под занавес московской расправы в Новгороде схватили и пытали пятьдесят главных заговорщиков, а потом казнили всех. Марфу же «окаянную» ждала совсем не та расправа, какую, казалось бы, подсказывали Ивану III «Словеса избранны...» В 1478 году ее по приказу великого князя привезли с внуком в Москву. Оставить Марфу в Новгороде Иван никак не мог — ведь надо же было ему прибрать к рукам богатые земли Борецких? Из Москвы ее, по некоторым сведениям, отправили в нижегородский девичий монастырь — обычная судьба опальных вдов того времени. Там приняла она схиму под именем Марии. А когда завершила свои земные дни, — история не знает.

Любопытен, между прочим, факт, рассказанный Вл. Балашовым в его романе. В пору, когда в Новгороде арестовали Марфу, еще жива была мать Ивана III — Марья Ярославна. Так вот, никогда в глаза не видя Марфы новгородской, но зная конечно же из первых рук об истинных ее поступках, Марья Ярославна, как пишет Балашов, «чувствовала к ней род ревности, а порою даже какого-то смутного влечения...» Мать великого князя добровольно тоже приняла схиму и наречена была... Марфой. По странному стечению обстоятельств — в тот же день, когда взяли и повезли из Новгорода Марфу Борецкую. По странному ли? Не был ли этот шаг княгини формой протеста или сочувствия? Может, княгиня считала, что и такого наказания не заслуживает Марфа, матерью новгородская?

Пожалуй самый впечатляющий образ Марфы-воительницы, почти что полководца создал Н.М. Карамзин в своей повести «Марфа-посадница». Он дал в ней волю своей явной симпатии к вольному городу, и создал образ Марфы большой патриотической силы. Комок стоит в горле, когда читаешь у Карамзина ее речь на вече. Восторженный гимн вечевому городу и его держательнице Марфе вдохновили художника Д. Иванова на историко-фантастический сюжет «Марфа Посадница у Феодосия Борецкого, передающего меч предков юноше Мирославлю».

Но вспомним однако, чем кончает Карамзин свое героико-патриотическое действо. А кончает казнью Марфы Иваном III, прекрасно зная, что таковой на самом деле не было. Марфа в повести Карамзина — единственная яростная вдохновительница и жертва военного противостояния Новгорода Москве. И будь Марфа таковой в действительной жизни — подобный финал был бы неизбежен.

Карамзин-историк расставил акценты по-другому. Марфа в его «Истории...» пребывает неистовой защитницей Новгорода. Но от восторженности Карамзина к Марфе не осталось и следа. Все симпатии его на стороне Ивана III, который «был достоин сокрушить углую вольность новгородскую». Пусть так. Но очень трудно поверить в вялое объяснение историка, что «великий князь оставил в покое Марфу Борецкую, ... как бы из презрения к слабой жене».

Что-то не заметно по истории, чтобы цари московские миловали из презрения. Тот же Иван Васильевич не помиловал женщин, якобы, пришедших к его жене Софье со смертоносным зельем. Их утопили в Москве-реке. Вспоминается и участь невестки его Елены, умершей в тюремном заточении. «Женщины, — пишет, между прочим Костомаров, ссылаясь на свидетельства современников, — падали в обморок от одного его гневного взгляда». А «окаянную» Марфу так он пощадил?

Ну, не знаю...

АЭЛИТА

Борис НЕМИРОВСКИЙ Владимир ТАЛАЛАЕВ

Рисунки Ольги ВАСЯНИНОЙ

РИАДАН

Авторы благодарят Андрея Новосёлова, написавшего две главы для этой книги.

Вступление

Когда мы завершили первый вариант этой книги, то надеялись на скорое ее издание. Однако внезапно против публикации выступил Прогрессорский Корпус при Космофлоте Земли. Они заявили, что мы слишком тенденциозно и односторонне осветили ситуацию на Рокласе, проявили завидную предубежденность и вообще исказили факты. Вдобавок Прогрессорский Корпус до сих пор официально отрицает появление у киборга-Каггала подлинного интеллекта и самостоятельных суждений, а гибель двадцати крейсеров Флота приписывают столкновению с чёрной дырой, а не проискам Абадонны.

В результате, чтобы наше произведение вообще добралось до читателей, нам пришлось сменить некоторые имена и названия, хотя, конечно же, любой землянин, следивший последние несколько лет за программами новостей, легко распознает, что Риадан — это Роклас*, Отец Кевин — Посвящённый Элес Каггал, а Замок Боевой Рукавицы — это принадлежавший Лурвиллям Замок Голоса Трав. Имена же сотрудников АстроСтанции не станем даже пояснять, иначе стараниями Прогрессорского Корпуса и этот вариант книги не увидит своих читателей.

Пришлось также «оземлянить» названия титулов, дворянских сословий и церковных санов, а для некоторых видов рокласовской фауны подобрать земные эквиваленты.

И последнее: **ВСЕ СОБЫТИЯ, ОПИСАННЫЕ В ЭТОЙ КНИГЕ, НИКОГДА И НИГДЕ НЕ ПРОИСХОДИЛИ** (это для Корпуса), **А СОВПАДЕНИЯ ИМЕН ЯВЛЯЮТСЯ СЛУЧАЙНЫМИ** (для него же)...

Пролог

Замок

Старый замок помнил всё. Помнил до последней детали, до мелочей. Всю свою долгую жизнь, всех своих жильцов и хозяев — от того, по чьему приказу он был построен, и до нынешнего... Память каменных стен — не чета человеческой, она не умеет выбирать, что помнить, что нет. Людская память коротка, даже в поколениях... У замка же — дело другое. Каждая чёрточка, каждый камешек — словно мгновенный фотоснимок. И земля под фундаментом — тоже поток памяти. Не оттого ли кажется порой Замку, что помнит он и те времена, когда не пришли ещё сюда первые люди?..

* Пару раз настоящее имя планеты — Ролак — мелькнет в тексте. Это не авторская и не редакторская небрежность. Авторы сделали это сознательно, дабы подчеркнуть подлинность этих записок.

(Прим. ред. — не для Корпуса)

Несколько веков назад его возвели по приказу Фангра Высокого, первого короля, основателя династии Фангрингов. Тогда, в те далёкие времена, замок был пограничной твердыней на пути диких орд северных варваров. Сперва — единственной, потом, при внуке Фангра Латимире, лишь одной из многих... Называли его тогда Бэтлгантлет Кэстл, Замок Боевой Рукавицы, ибо в фундамент положил король Фангр свою перчатку — как залог крепости этих стен и своей власти. Замок с почти человеческим удовольствием ощутил в себе эту перчатку; она не пропала и не стала пылью, а продолжала покоиться в фундаменте над Огненным Сердцем, словно хранитель замка.

Позже, когда два века спустя рыцарская конница императора Кретона Фангринга покорила Север и привела его под императорскую десницу, замок потерял своё былое значение. Он перестал быть пограничной крепостью, и был передан Кретоном в ленное владение вассалу и боевому другу императора — седьмому барону Лурвиллю. В замке обосновался гарнизон баронских ратников. Он стал как бы солидным, степным обывателем и начал потихоньку обрастать деревнями.

Так незаметно промчались ещё два века. Первое время клан Лурвиллей богател и множился, замок Бэтлгантлет, который стали называть по имени нового владельца Идригом, приобрёл добрую славу и мог со временем превратиться в этаким торговый город, так как стоял на перекрёстке нескольких путей и, кроме того, на большой реке Лаге, что несла свои воды от самой столицы к Эгернийскому морю... Появился даже монастырь, в котором периодически случались всякие чудеса и знамения. В общем, жизнь была спокойной и размеренной.

Увы, недолго это продолжалось, вернее, недолго — по мнению замка. Для людей прошло, как уже говорилось, два века. Разразился кризис. Слабый телом и немощный духом император Гарот Фангринг, дальний потомок Кретона Завоевателя, не мог удержать то, что даровали ему предки. Как обычно случается с теми, кто пытается удержать больше, чем может, Гарот погиб, отравленный родной племянницей Сибиллой. Так начались времена разброда и шатаний, времена упадка. Формально Империя сохранилась, но на деле... Время смуты — каждый за себя, один Бог за всех. Замок Идриг вновь стал... даже не пограничным, а просто-напросто осаждённым. Временами он напоминал последний островок суши в бурном море наступившего хаоса. Барон Сирил, последний из династии Лурвиллей, был мужественным и закалённым человеком, опытным военачальником и мудрым политиком. Когда волна восстаний охватила страну, он понял, что всё своё достояние сохранить не сможет, нужно выбирать что-то одно. Выбор пал на замок Идриг, отчасти за крепость стен и неприступность, но больше потому, что барон Сирил Лурвилль де Идриг был глубоко верующим человеком и искренне уповал на Бога, а Идригский монастырь был знаменит ещё во времена его прадеда. Собственно, боялся он не

столько за себя, сколько за дочь, и поэтому держал её постоянно при себе, под защитой высоких стен и глубоких замковых рвов. Если б только он мог знать, что ждёт его наследницу в этих стенах, он бы, наверное, разрушил замок до основания своими руками... А заодно и монастырь.

Нет-нет, не было никаких романтических историй. Ни несчастной любви, ни юного рыцаря или там разбойника. Всё гораздо проще, тривиальней и ужаснее. Племянница-убийца императора Гарота, Сибилла Фангринг, не рассчитав своих сил, поспешно объявила себя наследницей престола, опираясь на поддержку той части духовенства, которая полагала, что раз Бог создал людей, а церковь – Его представитель, то они имеют полное право этими людьми помыкать и властвовать, понятное дело – во славу Господню. У нас бы их назвали инквизицией, а методы достижения целей были те же – костры, убийства, пытки, словом, весь арсенал налицо. Но святые отцы просчитались – через месяц произошёл переворот, возглавляемый маршалом Империи Дервином де Гэленьюром, и неудавшейся императрице Сибилле вместе со своими чернорясными учителями пришлось поспешно бежать. Стати сказать, это был лишь первый переворот в их длинной цепи.

Естественно, Сибилле требовалось тихое местечко, чтобы оправить пёрышки и зализать раны. К несчастью, самый спокойным уголком Империи оказался Идриг. Ни тебе восстаний, ни интриг дворцовых... А главное – всё тот же несчастный монастырь. Во все бури и страхи того времени его не трогали – защита Всевышнего лежала на нём, а вера в людях (за исключением некоторых) ещё не ослабла... Да и дружина баронская недалече. Так и случилось, что оказалась эта воронья стая в Идриге: отцы-инквизиторы в монастыре, а Сибилла – в самом замке. Барон Сирил хоть и знал, что представляет собой эта столичная штучка, однако счёл своим долгом помочь дому Фангра, вассалом которого он себя считал, а братия монашеская и в мыслях не имела отказать в приюте ищущим пристанища. Самоуверенная Сибилла тут же, скуки ради, попыталась соблазнить барона, но тот вежливо сделал вид, будто ничего не заметил.

Несостоявшаяся императрица смирилась, хотя и затаила злобу. Это чёрные наставники заставили её до поры отложить месть. А сами не дремали: привлекали на свою сторону народ, воинов – готовили плацдарм для похода на столицу. Тут-то уж они развернулись в полную силу. Барон и опомниться не успел, как добрый благодетельный старичок-настоятель монастыря отец Кевин скорострительно скончался (ходили слухи, что не без помощи яда), а новым настоятелем стал сухой и колючеглазый отец Бекран – из этих, из пришлых... В деревнях и в самом Идриге, как плесень в сырую погоду, стали появляться многочисленные «слуги Господни», не монахи, нет. Просто богобоязненные чада – шпионы. И началось, только и слышишь: проклятие, отлучение, анафема...

Барон просто диву давался, какую силу забрала столичные пастыри. Уж и в его войсках то и дело мелькают чёрные сутаны, и солдаты ошалело внимают велеречивым поучениям очередного инока с бегающими масляными глазками. Конечно, подобная практика ему не очень-то нравилась, однако он не мог позволить себе препятствовать своим подданным слушать слово Господне. И не заметил барон, как его же люди стали слушаться его только лишь с оглядкой на монахов; как в замке и окрестностях (а главное – в душах людских) поселился страх. И лишь когда было устроено первое сожжение еретика, барон воспротивился, но его подчинённые не послушались, не подчинились господину; каждый знал, что за спиной стоит шпион, и каждый боялся... И прозрел Сирил де Идриг, двенадцатый барон Лурвилль, и понял, что потерял он последнее своё владение.

Дочери барона Герде исполнилось в ту пору пятнадцать. Ни умом, ни красотой Бог её не обделил, хотя о красоте-то она меньше всего печалась. В полтора года потерявшая мать, девочка осталась на воспитание отцу, а какое воспитание мог дать ей воин и полководец в одиннадцатом поколении? Вот и вышло, что поведением своим и характером она более походила на мальчишку: стреляла из лука, из арбалета, умело билась на мечях, гарцевала на лошади не хуже любого воина. К слову, кукол у неё всю жизнь не было... Конечно, образование отец ей дал по тем временам хорошее, но ясное дело, что к грамматике, арифметике и закону Божьему у неё душа не лежала. Видно, очень печалился барон, что сына у него нет, вот и воспитал Герду, как парня.

И ещё одним отличалась Герда от остальных. Сила в ней была великая и непонятная. Первый раз проявилась она, когда на болотистом берегу реки завяз телёнок из стада и стал медленно погружаться, бессмысленно вращая глазами и отчаянно мыча. Все попытки вытащить его оказались тщетными. Герде было тогда четыре года, и телёнок был её любимцем. Когда она поняла, что тот должен погибнуть, она впала в отчаяние. Стояла на краю болота, отец держал её за руку, чтобы не бросилась к телёнку, и пытался увести. Куда там! Стоит, как влитая, будто свинцовая вся, в тысячу фунтов весом, не сдвинешь, и тихо так бормочет что-то. И тогда это случилось. Неведомая сила подхватила телёнка, рывком выдернула из жижи и, пронеся по воздуху, поставила рядом с нею. Барон рот раскрыл от удивления...

С тех пор она два раза помогала скотине в похожих ситуациях, несколько раз спасала тонущих, а однажды подхватила на лету стражника, упавшего спящему со стены... Но ни разу не помогла эта сила ей самой.

И в день аутодафе Герда спасла еретика прямо из костра. Когда запылал огонь, она устала на него, и внезапно непонятно откуда целая река воды пролилась в костёр, а привязанный к столбу крестьянин взмыл в воздух и очутился на крыше сторожевой башни...

Замок помнит всё. Помнит он и тот день, ког-

да чёрные нежити в капюшонах взбунтовали народ и солдат, как схватили Герду Лурвилль и с криками «Ведьма!» стали готовить новый костёр. Замок помнит, как кричал и размахивал топором её отец, барон Сирил, пробиваясь к дочери. Как надменно глядела Сибилла Фангринг на труп своего гостеприимного хозяина с арбалетной стрелой в груди, у её ног. Как зажёгся огонь... Но помнит замок и другое, чему нет объяснения. Помнит он, как вдруг исчез столб с привязанной к нему Гердой, растворился в воздухе, будто и не было его никогда, зато живыми факелами запылали все священники из столицы во главе со страшным отцом Беркраном. Как волосы Сибиллы превратились в змей и впились ей в лицо сотнями пастей. И как перед оцепеневшим людом восстал мёртвый барон, истыканный стрелами, и проклял этот замок, и всю округу, и всех её жителей. Мёртвым голосом говорил он, глухо и монотонно падали слова проклятия. И в страхе бежали люди, и многих затоптали тогда...

С тех пор в замке живёт только один обитель. Колдун.

Глава 1.

Долгое время в проклятом Замке не было ни одной живой души. Люди боялись заглядывать туда, памятуя о страшной судьбе его хозяев и проклятьях, тяготеющем над ним. Однако, по слухам – Замок не был пуст: в стенах его завелась адская нечисть и справляла она там свои шабаши. А по ночам некоторые видели издали страшный призрак – огромный скелет в развевающихся лохмотьях, с окровавленной секирой в иссохших руках, верхом на жуткой крылатой твари, изрыгающей пламя и оглашающей окрестности диким рёвом. Алым светом сияли пустые глазницы монстра, и жуткий вой не умолкал ни на минуту. И безумие охватывало всякого, кто видел сие. Множество славных рыцарей давали святые обеты уничтожить чудовище и снять проклятие с Замка, но не под силу было сынам человеческим исполнить обещанное, ибо ужас превыше разума земного сковывал их, и бежали они прочь, не оглядываясь более.

Отец Кевин грузно уселся в кресло перед центральным пультом и несколькими движениями рук включил систему спутниковой связи. Предстояла ещё одна ночь рутинных наблюдений. С тех пор, как покинутый замок был избран в качестве поста наблюдателя, таких ночей уже прошло немало – сбор информации, сортировка данных, статистические отчёты и ежеутренняя связь с орбитальной станцией. Любому человеку такая работа наскучила бы, наверное, уже на второй месяц, но только не отцу Кевину. Понятие «скука» было ему не известно, так как человеком он не являлся. Он был киборг – полубиологическая машина, которой лишь придали сходство с человеком на случай возникновения нештатной ситуации: необходимости выхода «в люди» – наружу. «Однако, – подумалось отцу Кевину, – подобная ситуация, слава Богу, пока ещё не возникала». Отец Кевин невольно усмехнул-

ся своим мыслям: последнее время ему всё больше казалось, что вместе с чертами своего прототипа, погибшего от яда настоятеля монастыря, он приобрёл некоторые его привычки и черты характера. Во всяком случае, постоянно преследующая его присказка «слава Богу» явно не соответствовала стандартному лексикону машины. «Однако к делу», – прервал киборг свои размышления и повернулся к экранам. Предстояла долгая ночь...

...И явился на зов славный рыцарь, знаменитый сэра Бертрам из Хонка, и возопили к нему измученные горожане:

– Спаси нас, великий герой! Избави нас от ужаса кромешного!

И поклялся тут рыцарь великою клятвою, призывая в свидетели Господа Бога и всех его угодников, сколько их ни есть, что не станет он вкушать пищи и пить вина и не возляжет он с женщиной, покуда не одолеет злое чудище и не освободит замок от проклятия, дабы честные люди могли селиться окрест безбоязненно. И направил он твёрдою десницей боевого коня своего к стенам проклятого Замка.

Глубокой ночью достиг он страшного места. Цепной мост был опущен, решётка поднята, но ворота закрыты. Колдовские огни мелькали в стрельчатых окнах башен, а над самым высоким шпилем без устали крутился бледный луч. Рыцарь въехал на мост и трижды протрубил вызов...

— Около трёх часов пополуночи отца Кевина отвлек от планетарной сводки погоды резкий сигнал сканера – оптические датчики заметили приближение чужака к воротам. Почти одновременно с зуммером прозвучал душераздирающий дребезжащий вой, словно расшалившиеся подростки на мосту мучали кошку размером с гепарда. Звук повторился трижды. «Если бы я был человеком, – подумал отец Кевин, – у меня наверняка бы заболели зубы». Датчики наружного экрана, работающие в инфракрасном диапазоне, показывали некую тёмную массу на мосту, но что это такое – определить было невозможно. Впрочем, особо гадать не приходилось – очередной жаждущий славы и подвигов сумасшедший.

Впрочем, такие визиты вносили некоторое разнообразие в монотонную жизнь отшельника, так что он не жаловался. Следовало, однако же, принимать меры, иначе обнаглевший посетитель решит, что бояться нечего, и может повести себя нехорошо. Монах включил сервоприводы кресла и подъехал к пульту охраны замка.

...Мертвенно бледный свет залил вдруг всё пространство, и тёмная вода во рву масляно заблестела в ответ его лучам. Медленно, с ужасным скрипом стали отворяться ворота. В молчании ждал герой на мосту, нацелив на тёмный провал ворот своё верное рыцарское копье. И вот послышался ужасный рёв и безумные завывания. Две пары красных глаз зажглись во мраке, рыцаря обдало страшным зловонием. Из ворот показался Страж Замка. Дракон выполз под арку и дохнул пламенем, но рыцарь не почувствовал жара, ибо закрылся от огня

щитом.

— Кто посмел бросить вызов могущественному повелителю ада?! — ужасным голосом заревел дракон. — Трепещи, о смертный, ибо я пожру твою душу и она не возродится более никогда!...

Отец Кевин отвернулся от микрофона и прокашлялся. Всё-таки были в его человеческой сущности свои недостатки. Так, например, он ужасно не любил орать на заезжих рыцарей «во всё драконье горло». Однако делать было нечего: не поставишь же вместо себя автоответчик. В конце концов кому-нибудь из рыцарей поумнее обязательно придёт в голову сравнить текст, наговариваемый ему драконом, с текстами, услышанными его собратьями по профессии. А совпадение может навести на подозрение. Поэтому приходилось несколько напрягать фантазию, чтобы как-нибудь разнообразить перебранку с каждым отдельно взятым рыцарем.

Данный же экземпляр оказался не бог весть каким собеседником. Он просто молча наклонил копьё, дал коню шпоры, и тёмная масса на экране с лязгом и грохотом ринулась на голограмму.

«Странно, — подумал отец Кевин, включая инвертор, — другим хватало уговоров. Видимо, это не хватает мозгов...»

Бесстрашно ринулся сэр рыцарь на врага, уже видел он занесённую над ним смертоносную секиру, уже слышал он хриплое дыхание чудовища, как вдруг волею Господа оказался он стоящим на том же месте, откуда бросился в

битву. Злобный хохот чудовища сотряс его душу, и он не раздумывая ринулся вновь вперёд, и снова оказался на том же месте. Трижды кидался рыцарь на супостата и трижды возвращался обратно не своей волею, но промыслом Божиим...

«Упорный, однако, тип...» — размышлял отец Кевин. Он представил себе на минутку температуру внутри доспехов и ужаснулся. Не говоря уже о безмозглом кретине, не желающем понять элементарных намёков, было чертовски жаль лошадь. Благородное животное должно было уже буквально захлёбываться собственной пеной. Поэтому монах решил, что пора заканчивать лирическое отступление.

В четвёртый раз оказавшись на том же самом месте, рыцарь в раздумье остановил коня. И помыслилось ему: «Не Господь ли рукою своею отвращает меня от битвы сией? Не есть ли сие — чудо, знак мне свыше о том, что не желанен Господу этот бой! Не совершаю ли я святотатство, идя против замыслов Божиих слабым умом человеческим?!» И взмолился рыцарь в душе своей, прося у вседержителя совета и помощи. И свершилось тогда чудо великое: померк в глазах героя мир, а когда прояснились очи его, то узрел он себя сидящим в трактире с кружкой пива. И понял тогда рыцарь, что не пришло ещё время кары созданиям Нечистого. И обет его не угоден Господу.

И пил он с друзьями, и радовался тому, что живёт на свете, и рассказывал о последнем своём приключении. Но ему не верили...

Люди недоверчивы, и Бог им судия...

Отец Кевин выключил локальный перебор, экспериментальную модель, опробованную до этого один только раз, когда пришлось спасать от озверевших инквизиторов дочку местного барона, Герду. Затем отработанным движением обесточил пульт защиты. Призрак исчез, огни погасли...

* * *

Под утро произошло ЧП. Засветился сигнал экстренного сообщения, и отец Кевин в раздражении нажал на кнопку приёма. Ничего хорошего от подобных сообщений он давно не ждал. Последний раз экстренное сообщение гласило об эпидемии сыпного тифа в торговой республике Семи городов, и отцу Кевину пришлось бросать насиженное местечко и очертя голову лететь за тридевять земель на своём энтопаттере распылять вакцину. Естественно, вылетающий из башни дракон не привёл окрестных поселенцев в благодушное настроение, и те, не выдержав обилия нечистой силы в непосредственной близости от своих жилищ, собрались посылать жалобу в какой-то там полумифический Серебряный Круг – организацию, которая, по представлениям отца Кевина, была чем-то средним между тайной полицией, святой инквизицией и обществом экзорцистов. Правда, точных сведений об этой организации Земля не имела. Только разрозненные и недостоверные слухи. Поэтому бытовало негласное правило считать Серебряный Круг очередной мифической крестьянской выдумкой, наравне с гоблинами, оборотнями и упрямями. Тем более, что жалоба, по-видимому, не возымела своего действия, так как никто из эмиссаров Круга около Замка не появлялся. «Скорее всего, – решил отец Кевин, – жалоба была чем-то вроде молитвы Господу Богу, и пославшие её на быстрый ответ не рассчитывали».

Предчувствуя неприятности, отец Кевин доложил о готовности принять сообщение. Экран связи осветился, на нём появилось изображение центральной рубки станции. На небольшом подиуме в центре зала стояло кресло. В нём сидел высокий человек с прямыми короткими волосами, кое-где тронутыми сединой, и горбоносым семитским лицом – координатор экспедиции Йосл Козн. Голос его был сух и неприятен, как будто голос киберпереводчика.

«Странно, – усмехнулся про себя отец Кевин, – адон Йосл гораздо больше меня походит на машину». Однако от юмористического настроения пришлось немедленно отказаться, ибо говорил адон Йосл вещи небывалые и крайне неприятные:

— Внимание всем наблюдателям сектора Западный Риадан, Республика Семи городов и прилегающих областей! Вчера в 21-25 абсолютного времени с борта Станции совершил несанкционированный вылет в указанный район член экипажа станции Ингвальд Соронсон, одиннадцати лет. Предположительная цель высадки – поиск членов мифической организации «Сереб-

ряный Круг», план дальнейших действий неизвестен. Приказываю всем наблюдателям сектора приложить все усилия к немедленному обнаружению мальчика и доставке его на борт станции в кратчайшие сроки. Тревога соответствует индексу «Альфа-3», поэтому задание следует считать первоочередным. Все текущие наблюдения временно свернуть. Рекомендую агентам обращать особое внимание на любую информацию об организации «Серебряный Круг» как цели поиска Ингвальда Соронсона. Прошу подтвердить получение приказа.

Послышалась переключка бесстрастных голосов: «Принял к исполнению... Принял к исполнению...»

— Принял к исполнению, – внезапно охрипшим голосом ошарашенно пробормотал в микрофон отец Кевин. Командор Козн удивлённо взглянул на него и заметил:

— Отец Кевин, Вам не мешало бы зачистить контакты динамика.

— Благодарю Вас, адон Йосл, – уже нормальным голосом ответил отец Кевин, – однако в этом нет необходимости.

Козн неопределённо хмыкнул и отключился.

«Не стоит удивляться, адон Козн, – подумал ему вслед киборг, – я сам себе удивляюсь, что достойно удивления само по себе. Всё-таки во мне гораздо больше человеческого, чем положено порядочной машине...»

Положение складывалось уникальное: с тех самых пор, как на Станции позволили селиться семьям с детьми, отец Кевин был уверен, что ни к чему хорошему это не приведёт. Так оно, собственно, и случилось. И теперь отец Кевин должен свернуть всю свою программу наблюдений, сломать весь график работ и, подобно десятку других наблюдателей, ринуться очертя голову невесть куда в поисках сбежавшего со станции пацанёнка. Однако делать было нечего – против законов Азимова не попрёшь. И несчастный киборг стал собираться в дорогу. Брать энтопаттер не было никакого смысла: только плодить лишние легенды о драконе, которые самому же потом боком и выйдут. Если уж необходимо собирать информацию из ряда «пойди туда, не знаю куда» – лучше всего было бы изобразить из себя странствующего монаха и идти пешком, если понадобится, через всю страну, следуя, к примеру, течению Лаги и расспрашивая по дороге всех, кому не лень будет почесать свой язык о многострадальные монашеские уши.

— Охо-хо, – вздохнул отец Кевин, входя в обзор, – по силам ли мне, старику, такой путь!.. Грелся бы лучше на солнышке... Батарей заряжал. – Он фыркнул и повесил на пояс излучатель, выполненный в виде короткого меча.

...И было народу видение: среди бела дня открылись вдруг ворота ужасного Замка, и вышло из них привидение. Вид оно имело невысокого монаха с посохом в руке, однако там, где благочестивые слуги Господни носили на поясе кошель со святыми предметами, коими дарили они встречающих верующих, висел короткий пехотный меч без украшений, в потёртых ножнах буйво-

линой кожи. И это было неправильно, ибо не пристало монаху носить оружие. Перейдя мост, привидение остановилось и повернулось к Замку. Воздев свой посох, оно указало им на Замок, который осветился вдруг небывалым светом так, что в сиянии его померк свет дневной, ворота захлопнулись, решётки опустились, и долгий тоскливый вой прозвучал над притихшими окрестностями: Замок прощался со своим Владыкой. А призрак монаха тем временем спокойно поернулся и зашагал по дороге прочь. Некоторые поселяне утверждали позже, что узнали в нечистом мороке невинно убиенного отца Кевина. Но страхом преисполнились души, и никто не смел более подходить к Замку с тех пор ни днём, ни же ночью...

Глава 2.

Пожалуй, такие сцены можно встретить в трактире только на Риадане: вот небритый детина расселся, поглощая эль в неимоверных количествах и забывая закусить хотя бы разок, а вот болтают между собой пара оборванных гоблинов в засаленных косынках, прикрывающих острые ушки, и ничуть не смущаются они, что за спиной их болтают два ведуна; уж кому-кому, а гоблинам-то известно отлично: пока ведуну не заплатят, будет он цедить пиво с самым опаснейшим из монстров и пальцем не пошевелит, дабы извести оно! А эти ведуны одеты неплохо, клинки с увитой тиснёной кожей рукоятью торчат за спиной, дорогое вино янтарно плещется в их глиняных кружках. Сразу видно: богатые и удачливые ребята, они за такую дешёвку, как охота на гоблина, и под пытку не возьмутся. Недорого стоят сейчас гоблины, ой недорого! А найти маньяка такого, чтоб крупную сумму за орка отвалил – ищи-свищи по всему Риадану! И всё же лучше держаться поближе к двери: а вдруг-таки нашёлся?!

Впрочем, ведунов-то почти не боятся: всем известно, что это просто клан наёмных убийц, которые за определённые гонорары охотятся, правда, не на людей, а на нечисть. А вот рыцари – эти похуже. Ну, странствующий – этот хоть туда-сюда, искатель славы да приключений, им дракона горного иль упырицу какую подавай, а то и вообще меж собою за даму сердца, как полоумные, бьются. И ладно б, ежели она была бы женой одного из них, тогда хоть повод был бы ясен. А то краля – жена третьего, а первые двое тузят друг друга почём зря!

А вот Рыцари Круга Серебряного – эти серьёзны, у них обет такой: где увидел какую нечисть – там и пришиб. На месте. Насовсем! И, что совсем уж не умещается в орочьих головах, – БЕСПЛАТНО!!! Как же так?!

Хорошо хоть – трактир придорожный, провинция: что тут делать Рыцарям Серебряным! Хотя есть и минусы: оборотня второй год извести не могут, всю округу терроризирует! И боятся-то его не только люди: эта дрянь и гоблинятинкой не брезгует, а раз даже вампира из соседних руин изжевал... Вот и жмутся по вече-

рам напуганные путники в придорожный трактир: какая-никакая, а всё же защита...

Грохот чудом удержавшейся на петлях двери отвлёк гоблинов от своих рассуждений.

— Эй, хозяин! Пива мне, да поживее!

Все, кто был в таверне, с любопытством повернулись ко входу. Новый посетитель стоял на пороге, полностью перегораживая широкий дверной проём. Рост его был под стать ширине, но внимание привлекало не столько крепкое сложение молодца, сколько его одежда – кафтан невозможно канареечного цвета и крикливые синие шаровары. За спиной болтался на потёртой портупее двуручный волнистый меч, а к поясу был прицеплен стилет с резной ручкой и выпуклой чашкой. Не спеша входить, детина свисока – и в прямом, и в переносном смысле – оглядел посетителей таверны. Их было немного в этот слякотный зимний вечер: в углу ужинали двое проезжих купцов, для чужих ушей вполне лоса обсуждавших якобы низкие прибыли; под узким, как бойница, окошком сидел высокий худощавый человек в грязно-буром плаще с надвинутым на глаза капюшоном; за соседним столиком расположился невысокий старичок-монах с непривычно выглядящим на духовной особе коротким мечом в кожаных ножнах; и, само собой, имели место безденежные забулдыги, опасно, но с надеждой поглядывавшие на нового гостя. Гоблины же уже отсутствовали: почуяв, что запахло жареным, они предпочли выскочить за дверь, едва детина шагнул внутрь.

К прибывшему подскочил хозяин с огромной кружкой в руках. Тот принял её, осушил в два глотка и потребовал:

— Ещё! В глотке пересохло. Не поверите – только что с оборотнем бился!

Сказано было громко, явно для привлечения внимания. Разговоры смолкли – аудитория перерывала услышанное. Хозяин недоверчиво хмыкнул:

— Это с которым?

— То есть как – с которым? У вас их что, стадо? – немедленно рассвирепел детина. – С тем, от которого всей округе житья нет!

В глазах хозяина возникло странное выражение, но тут вмешался монах:

— Прошу прощения, сын мой; так вы утверждаете, что совсем недавно схватились с этой мерзкой тварью, о которой ходят жуткие истории?

— Да, святой отец, – почтительно ответил молодой человек.

— И, судя по тому, что вы живы, он...

— Сбежал, – с сожалением признался тот, – позорно скрылся. Ну да ничего, – молодец гордо выпятил грудь; кафтан затрепал, – от меня не сбежит! Я сюда затем и явился, по его душу!

Пьянчуги восторженно зааплодировали.

— Э-э-э... точнее будет сказать, по его голову, – поправил монах.

— Простите, отец, – новенький смутился, но ненадолго. – Хозяин! Пива всем! Я угощаю.

— Но как же вас зовут, юный герой? – поинтересовался монах, сдувая пену.

— Сэр Бертрам де Хонк, к вашим услугам, –

поклонился рыцарь и шумно сел, лязгнув мечом.
— А-а, то-то я смотрю... – пробормотал монах.

— Вы что-то сказали, отче? – поинтересовался сэр Бертрам.

— Да, сын мой. Думаю, всем присутствующим не терпится услышать ваш рассказ.

Забулдыги и купцы согласно закивали, первые – с восторгом, вторые – с облегчением: грабить их рыцарь явно не собирался. Сэр Бертрам не заставил себя упрашивать:

— Так вот – еду я по лесу. Из Дрэдвиша выехал ещё засветло, думал к полуночи до озера добраться. Да не тут-то было! Как стемнело, всё небо тучами затянуло, снег мокрый повалил – вон, до сих пор валит. Ну и заплутал я, дорожки не видать. Ехал, куда глаза глядят, пока конь мой, Корнелис, спотыкаться не начал. Ничего не поделаешь – пришлось в лесу заночевать. Наломал сучьев, пару ёлочек срубил – костерок, значит; Корнелиса расседлал, дал ему овса, сколько осталось, уселся и задремал. Вдруг слышу – а сон у меня чуткий – заржал мой жеребец. Открываю глаза – силы небесные! Стоит. К свету вылез, бурый, мохнатый, в полсосны ростом, а вместо лица – морда жуткая. Смотрит на меня и клыки щерит.

— Так на свету и стоял? – с сомнением переспросил хозяин.

— Точно. Я за меч, а он заревел – и к коню.

— А конь тоже на свету? – опять перебил хозяин.

— Ну да. Да что тебе этот свет дался? – удивился сэр Бертрам.

— Да так, ничего, – буркнул хозяин. Молчаливый человек в буром плаще пристально глянул из-под капюшона на хозяина, но смолчал. А сэр Бертрам продолжал, всё больше распляясь:

— Вот. Он, значит, на Корнелиса, а я на него с мечом. Рубанул по голове, да он увёртливый, зараза – только по лапе попал. Тут уж он на меня. Ревёт так, что уши заложило. Корнелис его сзди копытами...

— Конь? – снова не выдержал хозяин.

— Ну, конь. Да что ты всё время перебиваешь? – раздражённо повернулся к нему рыцарь.

— Так ведь оборотня все звери боятся! – воскликнул хозяин. – Запах у него такой...

— То-то у тебя, брат, даже собаки нет, – пьяно засмеялся один из забулдыг. – Недаром, видно, говорят, что он возле твоей таверны шатается...

Молчаливый человек снова взглянул на хозяина. Тот обернулся, почувствовав взгляд, но молчун только протянул ему пустую кружку:

— Ещё пива, хозяин.

Тем временем монах выпытывал у сэра Бертрама, не был ли это, часом, медведь.

— Да что вы, какой медведь! – возмущённо гудел рыцарь. – Что я, медведей не видал? Да вы, что же, не верите мне, отче?

— Верю, верю, сын мой, – успокаивал его монах. – Но в темноте, да ещё спросонья...

— Я всегда начеку! – гордо провозгласил рыцарь. – Да и какой медведь зимой?

— Шатун, – внятно произнёс молчаливый человек, но кроме монаха, его никто не услышал.

Сэр Бертрам проснулся, словно от толчка. В комнате было темно, но щель между закрытыми ставнями уже начала сереть – время шло к рассвету. Посреди комнаты маячила тёмная фигура.

— Кто здесь? – хмуро осведомился рыцарь, протирая сонные глаза.

— Я, сэр, – ответил голос хозяина. Фигура повернулась, и полоска света упала на знакомое лицо со странно блестящими глазами.

— Чего тебе? – раздражённо спросил сэр Бертрам. – Который час?

— Предрассветный, сударь, – сообщил хозяин, не сводя глаз с рыцаря. – Вы тут про оборотня рассказывали, так я и пришёл разъяснить кое-что.

— Нашёл время, дубина! – Рыцарь совсем осерчал. – Что, днём не мог рассказать?

— А оборотни только в такое время и выходят, – спокойно пояснил хозяин. – Другого света они не выносят. И железо, кстати, их не ранит. Так что дрались ваша милость – ЕСЛИ дрались, конечно – всё-таки с медведем...

— Да откуда тебе это знать? Дружок он твой, что ли?

— Нет, не дружок он мне, – неожиданным басом хохотнул хозяин. – Я и есть оборотень, так-то!

Лицо его исказилось, появились мохнатые заострённые уши, лоб, и без того узкий, пропал вовсе, и в страшном оскале выпятилась челюсть... Сэр Бертрам лихорадочно шарил рукой по кровати в поисках меча, и никак не мог его нащупать... Зверь торжествующе завыл и присел для прыжка...

Дубовая дверь прогнулась от страшного удара и с грохотом сорвалась с петель. В дверном проёме стоял человек в тяжёлой кольчуге и шлеме с полузабралом; длинный меч был в его руках, и пылающие руны на клинке осветили всю комнату бледным мерцающим светом.

— Вот и выследил я тебя, мерзавец, – хрипло произнёс воин. Оборотень развернулся на месте и бросился на противника; тот уклонился, поднимая меч навстречу зверю – невероятно, не по-человечески быстро, силуэт его смазывался от скорости. Оборотень извернулся посреди прыжка, минув смертоносное лезвие, сшиб деревянные перила за спиной человека и обрушился вниз. Противник его чёрной молнией прыгнул следом, на лету выписывая сияющим клинком сложную петлю; снизу донёсся вой, на этот раз в нём звучало не торжество, а ужас и боль... И всё стихло.

Когда сэр Бертрам, наконец, спустился вниз, взору его предстал лежащий посреди зала труп хозяина. С другой стороны показался монах. Лицо его выражало крайнее удивление.

— Вы убили его?

— Да, – ответил воин, снимая шлем и на-

брасывая на плечи свой грязно-бурый плащ.
 — За что?
 — За что я убил оборотня?
 — Какого оборотня? За что вы убили нашего хозяина таверны?
 — Ну, когда я убивал его, он и на человека то не был похож... Кстати, святой отец, посмотрите на труп.

Монах взглянул на пол. Трупа не было – только обугленные половицы и лужа чёрной крови.
 — Исчез, – возбуждённо воскликнул сэр Бертрам, – испарился! Это ли не доказательство? Сэр рыцарь, – обратился он к воину, который уже закутался в свой плащ и превратился во вчерашнего молчаливого путника, – я не успел поблагодарить вас...

— Считайте, что уже поблагодарили.
 — Но как ваше благородное имя?
 — Это неважно. Рыцари Серебряного Круга не ищут славы... – и воин скрылся за дверью.
 — Круг?... – пробормотал монах. – Но ведь это... Подождите! – Он бросился следом, но успел лишь услышать удаляющийся стук копыт – на север, на север, по дороге, невидимой за снежной пеленой.

Монах понурился и побрёл обратно в дом...

Глава 3.

Их было шестеро. Здоровенные ражие мужики, вооружённые чем попало: кистени, два коротких копья, охотничьи луки... Только у главного имелся меч, на вид старинный и весь зазубренный. Владел главарь также и единственными на всю компанию кожаными доспехами: кирасой, заляпанной какой-то невообразимого состава и цвета гадостью, происхождение которой отец Кевин даже не пытался угадать. В общем, вояки хоть куда – хоть на помойку, хоть на паперть. Однако же их было шестеро – многовато для предположительно мирного, безобидного монаха, коего киборг честно из себя изображал вот уже третью неделю. Ломать устоявшийся образ не входило в планы Наблюдателя, поэтому отец Кевин собрал остатки смирения и приготовился к банальному дорожному ограблению. Увертюру начал атаман:

— Эй, батюшка, матушку твою так и раздак! Куды путь держишь?

— Ко святым местам, возлюбленные чада, – охотно поддержал гамбит монах. Ситуация стала его несколько забавлять. Бандитов, впрочем, тоже.

— Гы-гы! – как по команде, ослабились они все разом, а их главный с видимым удовольствием продолжил:

— А не страшно ли тебе, святой отец, одному по дорогам шастать? Ить прибить могут не нарочком.

— Все мы в руке Господа, – заученно-лицемерно ответил «батюшка».

— То-то! – назидательно заключил главарь и перешёл к миттельшпилю: – А не боишься ли ты, отче, кары Божьей?

— За что бы это, сын мой? – неискренне уди-

вился отец Кевин. Данный Р.Гуд начал его утомлять. Видимо, в этой глухомани братцы-разбойнички редко имели подходящий объект для издевательств и порядком соскучились. Мелькнула здравая мысль о том, что хороший палач должен исполнять работу молча и по возможности поскорее. Грабитель тем временем продолжал:

— За то, морда твоя поповская, что по дороге ходишь, а сбор дорожный не платишь!

Команда одобрительно зашумела. «Бурные аплодисменты, – подумал отец Кевин, – прерываемые репликами из зала...» Реплики же последовали такие:

— Веррна говоришь, Сдох! («Кто сдох?» – мимолётно удивился отец Кевин, но потом сообразил, что это благородная кличка славного атамана)

— Так его! Мы здесь, понимаешь, это.., а он не платит, понимаешь!

— Вишь ты, чего народ-то говорит, – довольно и как-то даже ласково пророкотал громил Сдох. – Плати, папаша, подорожный сбор, не то костей тут щас у нас не соберёшь!

— Да Господь с тобой, чадушко! – замахал на него руками монах, а про себя с удовольствием повторил: «Ха, «чадушко!»». — Откуда у странника Божия деньги возьмутся?

Зрительный зал активно выразил неодобрение. Мордатое чадушко подняло волосатую лапищу. Вопли и свист смолкли. Костолом назидательно загудел:

— Неправду говоришь, батюшка, грех тебе. Не родился ещё на свет Божий такой монах, что не подкрепит веру свою доброй монетой. В другой раз тебя спрашиваю: добром отдашь али поступить с тобою не по-Божески?

«Где-то я всё это уже читал», – задумался отец Кевин. Электронная память услужливо подсказала: Шарль де Костер, «Приключения Жиль Бласа из Сантьяны». Однако предаться размышлениям на тему сравнительного анализа литератур ему не дали. Главарь расценил его молчание как некоторые колебания и, соответственно, как вызов собственным ораторским способностям.

— Ну гляди, поп, – решил он несколько подкрепить свои аргументы, – раз ты по-хорошему не хотишь, будем по-плохому говорить.

Отец Кевин приготовился изображать из себя избиваемого старичка на потеху немногочисленной публике. Его пластистальному корпусу пинки и удары были, конечно же, не страшны, однако стало по-человечески противно. Но эндшпиль партии стал развиваться совершенно неожиданно. Из-за широченной спины атамана вдруг выскочил хлипкий мужичонка с кустистой реденькой бородёнкой и совершенно безумными глазами. «Седьмой», – подивился отец Кевин и машинально припомнил: «– Го-гу-га! – кричал Савка Буцис, – извини меня, Бенчик, я опоздал...»

— Дай мне, Сдох! – срывающимся фальцетом завопил мужичок, размахивая огромными вилами. Он был явно не в себе. Атаман, кажется, несколько даже испугался такого порыва. Во всяком случае он проворно обхватил психопата

за пояс и ошарашенно грохнул:

— Остынь, Убивец! Не бери грех на душу...

Но маленький Убивец был, по-видимому, невменяем. На губах его показалась пена, он с нечеловеческой энергией стал выдираться из рук главаря, не переставая при этом визжать:

— Ы-ы! У-убью... Щас как у-убью!! Этого щас как у-убью!!!

«М-да, — подумал отец Кевин. — Пропала моя личина. Придётся объяснять ребятушкам, почему это об меня вилы ломаются...» Впрочем, была тут, конечно же, и приятная сторона процесса. Всегда приятно растолковать Нехорошим Дядям, что они недостаточно нехороши для данного конкретного случая. Однако следовало это сделать так, чтобы происшествие хотя бы поработало на легенду. « — Приступим, господа, — прошептал д'Артаньян...»

— Стойте, несчастные! На колени и молитесь, ибо преисполнилась чаша терпения Небес!

— Во шпарит! — восхищённо заметил один бандюга вполголоса, — Пряма те как с амвона...

Воцарилась изумленная тишина. Даже ненормальный Убивец перестал подвывать и прислушался. По широченной роже Сдох волной разливалось умиление. Он всем своим видом как бы говорил: «Давай-давай, папашка, потрепись малехо... покуда даю!» И отец Кевин постарался его не разочаровать:

— Покайтесь, грешники, ибо мне доверил Господь наш прервать ваши зловонные жизни...

— Ну, будет, — резко оборвал старшой. Видимо, словечко «зловонные» лежало слишком близко к истине. — Побаловались, и хватит. Гони монету, дед, не то, вишь — не удержишь молодца...

Заплёванный молодец снова начал всхрапывать. Слышно было, как один разбойник вполголоса поясняет другому:

— Он тожа маненько свихнутый, видать, навроде Убивца, только на Боге...

Отец Кевин замолчал и потащил из ножен меч. Громилы широко заулыбались, словно танкисты, увидавшие противника с водяным пистолетом наперевес.

— Поосторожней с железякой-то, дедуношка, — удивительно добрым, приторным каким-то голосом заговорил Сдох, доставая из-за пояса свой гладиус. — Поранишься ещё ненароком. Хотя тебе так и так помирать время...

— Зрите погибель вашу! — заорал в ответ отец Кевин и щёлкнул переключателем...

Грешно злорадствовать над тёмными людьми, однако картина потешила самолюбие священника. Пятеро из семи мужиков как стояли, так и рухнули в дорожную грязь на колени, спрятав глаза от нестерпимого сияния, главарь засмыгнул, судорожно сжав в ручищах астматически хрипящего Убивца, который, кажется, только по этой причине не смог прореагировать должным образом. Отец Кевин ещё раз взмахнул светящейся полосой, оставив на земле широкую оплавленную борозду, и выключил излучатель. Снова он держал в руке не оружие архангела, а просто меч.

— Так-то, дети мои, — проворчал он тоном ниже, — Сказано — покайтесь, значит покайтесь.

А вы в драку лезете...

Волосатый главарь решил-таки тоже упасть на колени. При этом он выпустил полузадушенного психа, который не преминул мешком свалиться рядом. Видимо, сообразительный Сдох понял каким-то шестым чувством, что убивать его пока не собираются, и решил подать голос:

— Чудо! — загремел он трубным басом, от которого задрожали деревья и разнеслось по лесу гулкое эхо:

— У-удо, у-удо!!!

— На колени, богохульники! — продолжал он с энтузиазмом, хотя все, кроме несчастного Убивца, и без того уже были коленопреклонёнными. — Помолимся за святого, явившегося нам в этой глуши, чтобы наставить на путь истинный!

Со стороны разбойников послышалось согласное бормотание.

— Я так понимаю, конфликт исчерпан? — хладнокровно поинтересовался монах, надеясь, что его сейчас не попросят на месте исцелить сумасшедшего. Однако этого не случилось. Неграмотные мужички не поняли ни слова и поэтому уверовали в чудо ещё больше. «Однако пора заканчивать представление и убираться», — решил отец Кевин и напыщенно произнёс: — А теперь встаньте, слуги Господни, и идите, не останавливаясь, до ближайшего монастыря, где святые братья помогут вам замолить ваши грешения. Ступайте же с Богом!

С этими словами он взмахнул рукой в благословляющем жесте, поправил на голове капюшон и повернулся, чтобы покинуть тёплую компанию новообращённых. Не тут-то было.

За спиной у отца Кевина стоял закованный сверху донизу в броню боевой конь. На его широченной, как палуба, спине восседал не менее грозного вида рыцарь в латном доспехе, на голове его был шлем с опущенным забралом и развевающимся сзади плюмажем, в правой руке он держал длинное, в два метра, копьё. Наконечник копья был недвусмысленно нацелен на главаря шайки. Как этакой громадине удалось подобраться незаметно, оставалось совершенно неясно.

— Что здесь происходит? — послышался глухой голос из-под забрала.

— Э-э... А чего Вы, собственно, ожидали? — растерянно спросил священник, пытаясь собраться с мыслями.

— Всего, — исчерпывающе ответил рыцарь и продолжил: — Эти негодяи намеревались причинить Вам зло, святой отец? Судя по их виду, они разбойники...

Не успел отец Кевин придумать, что же ему следует в данной ситуации ответить, как резво вмешался почуявший жареное Сдох:

— Зло? Да Господь с Вами, Ваша милость, какое же зло? Это ж святой, он сам кому хочешь... э-э, я хотел сказать, разве ж можно на ангела Господня руку поднимать! Да ни в жисть! — и он с мольбой поглядел на старика.

— Святой? — с сомнением пробормотал рыцарь.

— Ага! – воодушевленно подтвердил бандит, – натуральный, ей-Богу.

Отец Кевин счёл разумным скромно промолчать. А Сдох уже стоял на ногах, размахивая лапищами, как какая-нибудь ожившая коряга.

— И меч у него сияющий, ажно глазам больно, и речи говорит вроде непонятные, а всё одно, как душу переворачивает, и Убив... это... ну, Гергеля исцелил... Святой и есть, – убежденно закончил он свою речь, и толпа за его спиной заворчала нечто в поддержку. Убивец-Гергель с ненавистью воззрился на монаха, словно тот его и впрямь пытался лечить.

— Меч? – с ещё более возросшим сомнением спросил воин. Киборг решил, что пора бы и ему пару слов произнести.

— Прошу прощения, а с кем имею честь?

— У Рыцарей Серебряного Круга нет имён, – машинально ответил рыцарь. – Я услышал крик и поспешил сюда, – продолжил он, думая о чём-то своём. – Так говоришь, меч? – снова спросил он у Сдоха, но прежде, чем тот ответил, отец Кевин вынул меч. Сдох проглотил всё, что собирался поведать, и опасливо попятился. Реакция рыцаря была, на взгляд Наблюдателя, ещё более неадекватной: его конь одним прыжком очутился рядом с монахом, а копьё упёрлось в сутану.

— Не двигаться, дьяволово отродье, – негромко, но властно отчеканил голос из-под забрала, словно танковые гусеницы лязгнули.

— Эй, сударь, – осмелился подать голос Сдох, – негоже так со святым-то угодником...

— А вот мы сейчас увидим, чей он угодник, – туманно пообещал рыцарь. – Скинь капюшон, нечистая сила!

— Чистая, – пробормотал под нос Сдох, но рыцарь то ли не расслышал, то ли не обратил внимания. Во всяком случае, упускать возможность познакомиться с одним из неуловимых Рыцарей Круга отцу Кевину никак не хотелось, поэтому он как можно медленнее нагнулся и положил меч наземь рядом с копытами коня. Копьё чуть-чуть шевельнулось, но не более того. Тогда священник с хорошо отретпетированным старческим кряхтеньем распрямился и так же медленно, как расставался с мечом, откинул на спину капюшон сутаны.

— Ма-агистр Ирла-ан?! – послышался изумлённый возглас, и рыцарь рывком приподнял забрало шлема, открывая взору неожиданно молодое, почти мальчишечье лицо. На нём было написано такое удивление, словно рыцарь увидел покойного короля Мардука, правящего упряжкой ломовых лошадей. – Разве Вы не в Цитадели?

«Ну почему я не умею так удивляться?» – уныло подумал киборг...

Глава 4.

Сэр Энглион де Батарди, рыцарь:

Наверное, мне не следовало брать его с собой. Наверное, не следовало даже останавливаться рядом с ним – мало ли таких сейчас валяется по всему Западному Риадану... Малень-

кий, грязный побирушка, один из многих, кому суждено замёрзнуть этой зимой. Жаль их, конечно, да ведь все дырки на свете одним пальцем не заткнёшь. Короче говоря, хотел я пройти мимо. И не смог. Как остановило что-то – стою и смотрю на него, а он на меня. Минуты две стоял, по-моему. А потом он вдруг шевельнулся и буркнул:

— Ну, чего глазеешь? Проходи давай, за по-смотр деньги берут...

И что мне тут оставалось? Взял я его в охапку и потащил к себе. Да и то сказать – потащил, весу в нём всего ничего, душа да лохмотья; не заметил, как донёс.

Первым делом, конечно, за стол усадил. Ну, тут он себя показал: даром, что ростом мне чуть выше пояса, а лопал, как молодой дракон; оно, конечно, поживи впроголодь не знаю сколько, так любой еде рад будешь. Приятно смотреть было, как он ел. Говорю ему:

— Эх ты, растущий организм!

А он только зыркнул на меня, быстро так, и снова уписывает. Поговорили, в общем.

Правда, после ужина он разговорился. Сказал, что зовут его Джино, а полностью – Ингвальд, только не надо его полным именем звать, оно ему не нравится, а я, наверное, идиот, потому что только идиот станет добрых три лиги тащить на себе первого попавшегося оборванца, но всё равно спасибо, потому что никто ещё с ним так не возился с тех пор, как... Тут его сморило, и он уснул.

Утром он вскочил после вторых петухов, и сразу же уходить собрался. Не проснись я, так бы и ушёл. Насилу уговорил остаться. И в самом деле, куда я его отпущу? Назад, под забор? Так, спрашивается, зачем тогда было его домой тащить? Лежал бы себе и лежал... Нет уж, парень, раз так вышло, поживи здесь пока, а там посмотрим.

Выслушал он меня, плечами пожал, косо как-то; смутился, что ли? Да нет, скорее мой щит смутится, чем этот. Сел в угодке и молчит. Ну ладно, спать уж поздно, значит пора делом заняться. Встал я, меч со стены снял и начал разминаться. Прыгал, прыгал – увлёкся, даже и про мальчишку забыл; а он сидит в углу, как замороженный, не мигнёт, не пошевелится. Статуя Альтаугра Зоркого, да и только. Остановился я и спрашиваю:

— Что это с тобой? Никак, окаменеть собрался?

А он на меня глядел, глядел, да вдруг как выпалит:

— А я знаю, кто вы! – Да с таким видом, будто знает обо мне невесть что.

— Ну, раз знаешь, так скажи, – говорю, – а то ведь интересно.

— Вы, – чуть не подпрыгивает, – Рыцарь Серебряного Круга! – А глаза так и сверкают от радости. Чудак.

— Спасибо, открыл тайну. А я-то думал – король Бардук Третий, царство ему небесное...

Воззрился он на меня, как на чудо заморское, и заявляет:

— Так вас же нету!

— Как так нету? А кто это здесь стоит? Кто тебя на горбу таскал – Белый Призрак?

— Да нет! Вы-то есть. Рыцарей Серебряных нет! И Круга нет, так отец говорит. Вы – легенда этого мира.

Надо же, думаю, легенда мы. И что это он «этот мир» говорит? Какой «этот мир», Срединный, что ли? А вслух говорю:

— Легенда? А кто же тогда вас, селян да торговцев, от нечисти бережёт?

— Так ведь и нечисти нету! Это всё сказки крестьянские! – И добавляет извиняющимся тоном: – Так отец говорит. Я-то всегда в вас верил.

Ну, спасибо за доверие. Но что же за отец у него, что нечисть сказкой считает? Её же тут полным-полно, только за ворота ночью выйди. Да и где сейчас его отец? Махнул я рукой на эти вопросы – не к спеху, узнаю в своё время.

— Ладно, братишка. Сказки так сказки. Давай-ка завтракать, потом пойду я в город и одежду тебе справлю. А ты тем временем отмойся как следует, а то на водяного из торфяного болота похож. Банька во дворе.

Позавтракали мы и разошлись – я в город, он в баню. Я только слово с него взял, что не сбежит никуда; слова он не дал, сказал просто, что не сбежит. Мне больше ничего и не нужно: честно человека сразу видно, ему и клясться не обязательно – как сказал, так и сделает.

Возвращаюсь к обеду – не узнать малыша!

— А куда, – говорю, – тот поросёнок делся? Да ты, оказывается, красавец! Лет через пять, попомни моё слово, от девок отбою не будет!

Ишь ты, засмутился. Я уж было думал, что он краснеть вообще не умеет. Наверное, под грязью заметно не было.

— Ну, Джино, поди-ка сюда. Примерь обновы.

С одеждой я угадал – впору пришлась, как по мерке шили. Сапоги великоваты, ну ничего, на вырост будут. Не новое всё, правда, но доброе – надолго хватит. Нам, Серебряным, всё бесплатно дают – защитники, как-никак, для того и живём, чтобы нечисть сказкой считали; а какой купец лучший товар за «спасибо» отдаст? У нас только с оружейниками уговор: лучшее оружие да доспехи для Круга предназначены. Они, впрочем, и не возражают – понимают, что для их же благополучия.

Крутится, значит, мальчонка перед зеркалом, никак оторваться не может. Небось, от рождения такого не носил. Смотрю я на него и думаю: «Что ж ты, Энглион, делаешь? Работа у тебя, сам знаешь, какая – редкий Рыцарь своей смертью умирает. Загубишь мальчика, окаянный, как людем в глаза сморзеть будешь?» Да только ничего уже не изменить – с судьбой не поспоришь, не тот случай. И значит, Рыцарь, твой теперь парень, ты за него отвечаешь; не говорить же ему: «Ну, сынок, оделся, обулся, ступай себе дальше, в новом камзоле милостыню просить...» Пришло, значит, время смену готовить; когда-то ведь и меня так же подобрали на улице.

Повернулся я, вынул из-под лавки ещё пару свёртков. Говорю ему:

— Ну что, налюбовался? Красивый, красивый... – Он прямо запыхтел, как дракон. – Погоди пыхтеть, иди сюда. Ты ещё не всё на себя надел, – и разворачиваю свёртки.

Он как увидел, что там лежит, так чуть дыхания не лишился. Немудрено – о таком иные баронеты только мечтать могут.

— Погоди, – руки ему отвожу, – не торопись. Сначала на пару вопросов ответить нужно.

— Ага, – говорит, – ага. – А сам всё мне за спину заглядывает.

— Как твоё полное имя?

— Ингвальд Соронсон.

Ишь ты, а ведь имя благородное. Дворянский наследник из Соронсы, что ли? Бывал я в Соронсе. Дыра дырой, и пиво дрянное.

— Так вот, Ингвальд де Соронса, согласен ли ты стать моим, сэра Энглиона Батарди, Рыцаря Серебряного Круга, оруженосцем?

Помедлил он, понял, что не шучу я, и отвечает, звонко так:

— Да!

Честно говоря, у меня от сердца отлегло. Могу ведь и «нет» сказать, сдался я ему, понимаешь...

— Готов ли ты по первому зову спешить на борьбу со злом, в каком бы обличье оно ни выступало?

— Да!

— Готов ли терпеливо сносить тяготы пути, повиноваться приказам своего Рыцаря, не бежать пред врагами?

— Да!

— Готов ли учиться у меня и Магистров Круга всему, чему тебя будут учить, не обращать полученные знания во зло и не разглашать то, что разглашению не подлежит?

— Да!

Ну, почти всё позади. Осталось последнее.

— Встань на левое колено, Ингвальд де Соронса, и протяни вперёд правую руку.

Взял я со стола чашу, вынул нож и полоснул себя по пальцу. Когда натекло немного крови, взял я его руку и осторожно лезвием палец придавливаю. Ничего. Жму сильнее – бесполезно. Не мечом же его по пальцу бить! А он смотрел-смотрел, потом левой рукой хлоп себя по лбу! Забыл, мол. И вдруг попало ему по пальцу – появился надрез. Хорошо, я вовремя руку отдернул, а то бы без пальца его оставил – давил-то уже сильно. Нацедил его крови в чашу, смешал со своей и в огонь выплеснул, как положено. Повернулся к нему и говорю:

— Встань, Ингвальд де Соронса! нарекаю тебя отныне своим оруженосцем и младшим братом. Прими эти кольчугу, шлем и меч, да сохранят они твою жизнь и да будешь ты в них невредим!

Всё, исполнен обряд. Да только, если не ошибаюсь, он и без них будет невредим. Что за птица мой братишка, если и холодное железо его не берёт, и кровь в серебряной чаше не дымится? На защитное заклятие это похоже, вот что; да только не слышал я о таких заклятиях, которые в любой момент снять да наложить можно. И губами он не шевелил – я хорошо видел.

Покуда я так голову ломал, потемнело у меня

в глазах и явился образ Магистра Ирлана. «Отправляйся на север, Рыцарь Энглион, за тридцать лиг, к деревне у Гнилого Брода. Прибыл посланник, просят нашей помощи». Передал поручение и исчез. Джино на меня удивлённо смотрит – что это я в пустоту уставился и губами шевелю? Ладно, братишка, в своё время и это узнаешь, и ещё много чего.

А Джино поглядел-поглядел, да вдруг как выпалит:

— Старший, а что это за старик на астральную связь без вызова лезет? Он твой дедушка, да?

Надо же, углядел. Но как?! И что это значит «без вызова»? Ладно, придёт время – разберёмся. Добавил я новый свой вопрос к списку и говорю:

— Слушай, Джино, первый мой приказ. Ложись спать. Завтра ещё затемно в путь отправляемся, ты мне свежий нужен.

Глава 5.

Цитадель Круга не произвела на отца Кевина особого впечатления. Ну подумаешь – ещё одна старая крепость, он же не турист на экскурсии, сам, поди, в такой же обитает, да почище этой будет – с собственным привидением... Хотя, в отличие от замка, чувствовалось, что Цитадель – место обжитое. Запустением тут и не пахло: по мосту сновали всадники, повозки, реже – пешие. В башенных бойницах и между зубцами стен можно было, присмотревшись, заметить движение и редкий отблеск солнца на металлических шлемах стражи. На шпильях развевались знамёна с доселе незнакомой отцу Кевину символикой: чёрные полотнища с серебряным кругом посередине. «Впрочем, нет, – поправил себя монах, – скорее, не чёрное, а тёмно-синее». Он важно восседал на рыцарском коне, стараясь не терять присутствия духа, но при том отлично осознавая, какое смешное зрелище собою являет. Рыцарь же, после долгих и настоячивых уговоров склонивший его к этой аванюре, невозмутимо вышагивал впереди, ведя коня в поводу, словно какой-нибудь паж.

Однако никто не зубоскалил. Может быть, здесь такие процессии считались в порядке вещей, а может, тут и не такое видали, но встречные отнеслись к верховому монаху и его провожатому с должным пиететом, почтительно приветствовали их и даже уступали дорогу. Отец Кевин предпочитал помалкивать и глазеть по сторонам.

Проехав внешние укрепления, путники очутились во внутреннем дворике крепости. Перед ними возвышалась центральная башня Цитадели – высокая и явно древняя, вся из замшелых каменных глыб, кое-как обтёсанных для лучшей подгонки. Остановившись, рыцарь подошёл к стремени и протянул почтительно руку. Отец Кевин подавил в себе суетное желание поскорее спрыгнуть с коня и, старательно кряхтя и отдуваясь, словно какой-нибудь престарелый прелат церкви рангом не ниже епископа, мед-

ленно и неуклюже сполз со своего седла, опираясь на предложенную руку.

— Благодарю тебя, э-э... сын мой!

— Гуон, Магистр, Гуон де Бордо, – со страдальческой миной терпеливо напомнил рыцарь. В девятый раз.

— Да-да, разумеется. Ты прости старика, годы, память уже никуда...

Рыцарь с удивлением на него покосился, но промолчал. Видимо, решил Наблюдатель, настоящий Магистр Ирлан склерозом не страдал.

В некотором замешательстве отец Кевин прибег к испытанному способу прекращения нежелательной темы и поднял было руку для благословения. Тут уж, кажется, даже конь удивился, во всяком случае, он попятился и коротко заржал. Пробегавший мимо паренёк застыл с открытым ртом, а рыцарь от неожиданности оступился и чуть было не упал. «Так, – подумал монах, – это уже интересно...» За спиной его раздался смех, и смутно знакомый голос произнёс:

— Ба, кого я вижу! Коллега! Гуон, мальчик мой, ты что – нагрешил и в отпущении нуждаешься?

Сэр рыцарь уставился за спину отца Кевина, глаза его закатились, и лишь своевременная поддержка спасла его от позорного падения в обморок. Оборачиваясь, отец Кевин уже догадывался, что он должен сейчас увидеть, но эта догадка никоим образом не смазала первого впечатления. На пороге небольшого флигелька, в сутане с капюшоном, стоял он сам...

* * *

Когда ПОДЛИННЫЙ отец Кевин ставил на стол бокал и запечатанную сургучом флягу вина, киборг отметил, что руки у него всё ещё дрожат. М-да, человеческая реакция оставляет желать многого... «— Не самодовольствуй, – одёрнул он себя строго, – ты и сам-то теперь человек более, чем положено машине», – он грустно усмехнулся. Очевидно, его улыбка была истолкована Магистром неверно, так как тот поспешно заметил:

— Простите великодушно, что не предлагаю Вам выпить, однако же, честно говоря, доселе не имел опыта общения с искусственными механизмами...

«Ого!» – удивился отец Кевин, но сдержал рвущиеся наружу вопросы и мягко поправил:

— Скорее, не механизмами, а организмами. Я – киборг, искусственное существо...

Магистр нетерпеливо отмахнулся пухлой ручкой.

— Ах, увольте, прошу Вас, меня от Вашей Дневной терминологии, она меня совершенно, смею Вас уверить, не интересует...

Слово «дневной», Магистр как-то по-особому выделил, отец Кевин это отметил. Отметил он также пристрастие старика к длинным пассажам... Его собеседник тем временем продолжал, пристально рассматривая Наблюдателя:

— Так-так, значит, если можно так выразиться, не промыслом Господним, но рук человеческих... Да ещё и в моей личине... Чем обязан та-

кой честью?

— Случаю, только случаю. Не Вы – так кто-нибудь другой, но так уж получилось...

— Угу. Значит Мастера Дня совершенно случайно копируют своей... своим творением отлично известного им Магистра Ночи и в таком виде пускают его разгуливать по городам и весям... Знаете, дорогой мой, – Магистр доверительно склонился через стол к Наблюдателю, – всё это очень смахивает на провокацию. Какие Вы могли бы привести аргументы в пользу того, что моя догадка неверна и мне не следует Вас уничтожить на месте как нарушителя Границы?

«Что ж, – подумал отец Кевин, – не хотелось сознаться да, придётся...»

— Видите ли, многоуважаемый Магистр, – осторожно начал он, невольно копируя стиль и манеры своего прототипа, – дело всё в том, что, по-моему, произошло недоразумение...

На лице Магистра вдруг пробилась свирепая ухмылка, почему-то напомнившая отцу Кевину давешнего великана Сдоха. Наблюдатель продолжил:

— Я, как и мои создатели, те, кого я представляю, совершенно не понимаем, какой смысл Вы вкладываете в столь многозначительно произнесенные здесь понятия «День» и «Ночь». Для меня это всего лишь время суток, и я не...

— Да бросьте Вы, чужное слово, – резко перебил его Магистр, – является ко мне, понимаешь, такой механизм...

— Организм, – кротко поправил монах.

— Да хоть кретинизм, мне-то что! Ваши хозяева имели наглость, поправ все договорённости, прислать на планету Ночи шпиона, да ещё снарядили его моей физиономией, понимаешь...

Хоть искусственный мозг не должен, по идее, проявлять бурные чувства, отец Кевин был в шоке. Он только и смог пролепетать:

— На п-планету?!

Как ни странно, его удивление было замечено. Магистр Кевин вдруг осёкся на полуслове, весь подобрался и стал напоминать кобру перед атакой. Зрачки его глаз невероятно сузились и теперь буквально буравили Наблюдателя.

— Пойдите-ка. Как это вы себя там назвали? Словечко такое...

— Организм? – услужливо переспросил отец Кевин, и вдруг у него внутри будто что-то оборвалось: слова «киборг» не было в здешнем языке, не могло его тут быть! Он попытался что-нибудь придумать, но Магистр его не слушал.

— Ки-борг, – по слогам произнёс он и, резко выпрямившись, вскочил. Бокал со звоном полетел в угол, а Магистр, воздев свой посох, направил его на монаха. Из посоха заструилось зеленоватое сияние, луч света ударил в грудь Наблюдателя... Неожиданно всё кончилось. Только что в келье бушевал разгневанный громовержец, миг – и опять в кресле тихий, ласковый старичок-толстячок, ничем не напоминающий Перуна в ярости. Но страшная сила чувствовалась теперь в нём, и отец Кевин понял это...

— Простите меня, – произнёс Магистр, – я подумал было, что Вы – робот-убийца, творе-

ние Того, и пришли по мою душу...

— Кого – того? – выдавил из себя совершенно сбитый с толку монах. Его на мгновение посетила дикая мысль, что всё это – какой-то новый, непонятный тест, придуманный хитроумным адоном Командором...

— Того самого, – туманно пояснил Магистр. Он хотел было продолжить, но тут уж не выдержал отец Кевин. Сорвавшись с места, он заорал:

— Долго Вы намерены тут передо мной воду варить?! Это же бред чистый: два монаха в средневековой крепости рассуждают, извольте ли видеть, о кибернетике! День и Ночь, понимаете! К чертям собачьим! Вы то швыряетесь в меня чёрт-те какими излучениями, то объявляете меня порождением кого-то «Того самого», то...

— Сядьте! – резко приказал Магистр. – И прекратите истерику. В самом деле, никто тут вам не... варит воду. Хм-м, неплохо... Произошла ошибка...

Отец Кевин умолк и попытался воспроизвести давешнюю ухмылку своего прототипа. Кажется, не получилось. Магистр же как ни в чём не бывало продолжал:

— Я уже, кажется, понял, с кем имею дело... М-да. Дневная... – тут он заметил гримасу монаха и быстро поправил себя: – ...Э-э, техническая цивилизация гуманоидов, не так ли? И контакта с Мастерами не имеете? Ну что ж, считайте этот первым... Я – один из Мастеров Ночи. Видимо, я должен Вам кое-что объяснить, но сперва ответьте-ка мне на пару вопросов...

Отец Кевин молча внимал. Он лишь подумал не без юмора, что доселе ни один ксенолог не разрабатывал такой вот схемы Kontakta: Кухонная Перебранка.

— Как называется Ваша родная планета? – спросил тем временем Магистр.

— Да-а? А как насчёт координат? – сварливо пробормотал киборг.

— Координаты ваши можете оставить при себе, – ворчливо заметил Магистр. – Тем более, в ваших терминах они для меня бессмысленны. Только само название.

— Ну, Земля... – ответил пристыженный отец Кевин.

— Нуземля, – раздумчиво протянул Магистр, барабанив пальцами по столу.

— Да нет, просто Земля, – поправил отец Кевин, – Гея, Терра...

— Ага! – воскликнул Магистр. – А звезда, значит, Сол, Солнце?

— Да, – подтвердил монах. Он уже ничему не мог удивляться.

— Так-так, – забормотал Магистр, – мир Тени, переходная цивилизация, ага...

— Да будет мне позволено заметить, – ядовито прошипел киборг, – что я пока не понял ни слова и жду обещанных объяснений.

Магистр искося с неодобрением поглядел на него, но сдержался.

— Будут Вам объяснения. Только сперва скажите, связаны ли Вы со своими товарищами? Мне бы не хотелось повторять этот разговор дважды...

Отец Кевин торжественно заверил его, что этого делать не придётся и каждое слово глубокого уважаемого Мастера будет передано по назначению.

— Что ж, — подвёл итог Магистр, — приготовьтесь выслушать небольшую лекцию...

* * *

Раздался дикий грохот, тяжёлая дверь рывком распахнулась, чуть не сметя по дороге Магистра вместе со стулом. В комнату, брэнча до сих пор не снятыми доспехами, ввалился старый знакомец отца Кевина — сэр Гуон де Бордо. В правой руке он держал меч и, наверное, с удовольствием бы им размахивал, не будь так тесно. Он остановился на пороге и спросил:

— Магистр Ирлан, с Вами всё в порядке?

— Пока да, — отвечал Магистр, балансируя на двух ножках стула. — Уфф! — Стул наконец встал, как полагается. — А почему ты решил, что со мною должно быть что-то не в порядке?

— Я услышал шум... — растерянно объяснил рыцарь. Отец Кевин насмешливо фыркнул:

— Наш юный друг, видимо, яростный звуконенавистник. Когда я увидел его впервые, он тоже услышал шум...

За это он заработал яростный взгляд, однако сэр Гуон продолжал обращаться только к Магистру:

— Не повредил ли Вам этот монстр?

«Монстр» неопределённо хмыкнул. Проследившая явная корелляция в словах и поступках, но он решил промолчать. Ему стало вдруг интересно: как это сэр рыцарь с ходу отличил его от Магистра? Одеты они одинаково...

Магистр покосился на киборга, но тот молчал.

— Ну-у, сынок, мне повредить не так уж легко... Впрочем, спасибо за заботу. Однако, раз уж ты здесь, присаживайся. Послушаешь тоже. Я, правда, не рассказывал вам об этом ничего, думал — рановато, ну да ладно. Когда-нибудь всё равно бы пришлось...

Глава 6.

Индикатор на пульте связи Станции замерцал в тревожном ритме. Дежурный машинально перевёл аппаратуру на полную запись передачи. Но спешность и настойчивость, с какой наблюдатель N14 требовал себе приоритетный канал, встревожили служаку, и он рискнул вызвать непосредственно Командора Йосла Коэна.

— Если это не тревога Вселенского ранга, то я велю разобрать его на запчасти при первой же профилактике! — Поднятый по тревоге с постели адон Коэн был не в духе, хотя аккуратность формы и не позволила бы заподозрить, что он вскочил в спешке.

— Он утверждает, что уровень — Зеро! Категория — Озма!

— Он просто спятил, похоже! На этой планете НЕ МОЖЕТ БЫТЬ представителей других цивилизаций, кроме нашей и аборигенов! Или

он таки отыскал вампира с обратным и теперь желает взять у них интервью?! — яд плескал в каждом слове Командора.

— Никак нет! Согласно утверждениям Наблюдателя N14, обнаружен представитель цивилизации, не известной Земле, и сейчас он является представителем настоятельно желает сообщить нашему миру определённые сведения. Кстати, заодно этот загадочный инопланетянин является Магистром рыцарей Серебряного Круга, который разыскивает небезызвестный Вам Соронсон-младший.

— Соронсон?! Круга?! Дайте визуальный режис!

Келья Магистра Ирлана возникла в рубке Центра Связи, сплетённая голограммным проектором. У стола сидел... отец Кевин, собственной персоной, что, впрочем, было невозможно, поскольку трансляция велась через глаза того же самого отца Кевина, сидевшего напротив, руки его время от времени появлялись в кадре. Рядом расположился закованный в броню рыцарь.

Над рыцарем вспыхнула переданная Наблюдателем пояснительная надпись: «Сэр Гуон де Бордо, рыцарь Серебряного Круга», а над отцом Кевином — ехидно-оранжевая табличка: «Магистр Ирлан, шеф рыцарей Серебряного Круга, известный более как настоятель монастыря отец Кевин, внешностью коего Вы, Командор, меня наградили...»

— Кто отвечал за легенду Наблюдателя-14?! — заорал взбешённый Коэн. — Перепроверить и выяснить, как они могли придать киборгу внешность ЖИВОГО обитателя Риадана! Что, родовитых покойников на то время было мало?!...

На экране тем временем Магистр Круга собирался что-то поведать «священнику», а через него — и всем обитателям Станции, а может — и всей Земли. Чуткие приборы записывали каждый бит передаваемой информации, а антенна гипертелескопа нацеливалась в сторону Земли, чтобы дублировать передачу в центр Прогрессорского Корпуса.

* * *

Голос Магистра Ирлана стал отчуждённым, словно у лектора, читающего свой опус в сотый или тысячный уже раз. Отец Кевин даже подумал, что голос этот стал совсем механическим, но сравнивать Магистра с автоответчиком было некогда: надо было поддерживать прямую связь для трансляции на базу всего услышанного.

Тем временем Магистр Ирлан говорил:

— И была когда-то на месте нашей Вселенной другая, Изначальная, и жила в ней цивилизация, достигшая уровня богов: Всезнающие, Всемогущие и Вездесущие.

И из-за могущества своего начала эта цивилизация деградировать. Ведь ежели ты всезнающ — то зачем учиться, если ты и так от рождения знаешь всё! И как тут им объяснить, что важны не столько знания, сколько интеллект! Ведь знания — это объём информации, и не более того, а интеллект — это умение применить на

практике имеющийся у вас в распоряжении объём информации! Тем самым, несмотря на всезнание, уровень интеллекта этой цивилизации неуклонно падал!

Далее: ежели всемогущ – стоит ли к чему-то стремиться, коль и так имеешь всё, что только душа пожелает!

Вот так сверхцивилизация превратилась постепенно в сверхобывателей. И начались опасные игры бесящейся с жиру расы. В лучших традициях игр софистов о Боге и камне («Если Бог всемогущ, то сможет ли он создать такой камень, который не сможет поднять? Как несложно увидеть, если Бог создаёт такой камень, то он не всемогущ, ибо не смог его поднять, а если он поднимет любой созданный камень – то он не всемогущ, ибо не создал требуемого камня».) Игры цивилизации Изначальных были подобны: «Если мы бессмертны, но всемогущи, то сможем ли мы себя уничтожить?»

Смогли.

Да так смогли, что вместе с собою уничтожили и всю свою Вселенную.

И остались в живых только двое, кто был помоложе да поумней, а потому в подобных «играх» участия не принимал. Это были двое братьев. Сколько им было лет или столетий – не знаю, но по интеллекту и мировосприятию (если сравнить их с нынешними обитателями Вашей планеты – землянами) старшему было лет восемнадцать, а младшему – двенадцать. Юноша и мальчишка.

Из руин старой Вселенной они создали новую (при всемогуществе и всезнании разве это проблема!), а затем задумались, как бы изменить этот мир так, чтобы он никогда не повторил бы ошибок их собственной цивилизации. И тогда взмахом руки они разделили новосозданный мир пополам, и установили в этих половинках различные физические законы, а сами наложили подобные же ограничения не только на свои территории, но и на себя самих.

Старший назвал свои территории Мирами Дня, а сам стал Лордом Дня. На его территории техника могла всё, всегда отлично работала и никогда не ломалась. Но зато в мирах Дня не работает магия, и даже экстрасенсы там теряют свои способности.

Младший свои земли назвал Мирами Ночи, а сам стал Лордом Ночи. И в его мирах магия может абсолютно всё, но техника сложнее рычага ломается, клинит и не способна работать, даже наручные часы не идут.

— У меня создалось впечатление, – не выдержал отец Кевин, – что Вы перечитались Роджера Желязны: «Джек из Тени»!

Магистр Ирлан усмехнулся.

— Пожалуй, мне стоит сделать небольшое отступление и заметить кое-что по поводу некоторых терминов.

Во-первых, светлое и тёмное время суток благополучно сменяют друг друга на планетах вне зависимости от того, где они находятся – в Дне или Ночи, ибо день не имеет ничего общего с Днём, а ночь – с Ночью. Просто сходство терминов, уже в земных языках, по примерным

цепочкам: магия – колдовство – духи – полнолуние – луна – в тёмном небе – ночь; техника – искусственное освещение – свет – светлое время – день...

А во-вторых, Лордами назвали Лордов уже в наших мирах. Позаимствовали из одного из земных языков: «Lord» – властелин, правитель, повелитель. Хотя братья-Лорды были скорее Хранителями и воспитателями нового, молодого мира. И уж, по крайней мере, ни у одного из них не было великодержавных, императорских и диктаторских замашек...

— Видимо, Вы частенько наведывались на Землю, – хмыкнул киборг.

— Не я, но подобные мне. И исключительно по долгу службы... Однако – мы отвлеклись от темы. Итак...

Со временем в новой Вселенной возникла своя жизнь, а кое-где даже развилась до уровня цивилизации. (Заметьте, цивилизации возникли сами, а не создавались Лордами!) Постепенно самые способные представители цивилизаций стали Мастерами (Мастерами Дня и Мастерами Ночи, соответственно), затем из Мастеров выделились Учителя, из Учителей – Хранители, а из Хранителей – Посвящённые. Посвящённые – это практически уровень Лордов, только возникли они уже в этом мире. Лордов же называли другим словом – Изначальные, подчёркивая этим всего лишь то, что они родом из Изначальной Вселенной.

Мир и гармония царили тогда по Кристаллу. Но затем появился Мрак. Это была странная всепоглощающая сила, которая сметала всё на своём пути. Двенадцати секунд было ей достаточно, чтобы погасить любую звезду и превратить её планеты в холодные гладкие шары, безжизненные и пустые. При этом Мрак не заселял захваченные миры, а просто уничтожал их и шёл дальше. Злом Изначальным назовут потом Мрак гностики.

(Сидящий рядом со священниками рыцарь презрительно улыбнулся, всем своим видом выказывая недоверие к услышанному.)

А в некоторых мирах Мрак задерживался подольше, не уничтожая их, и от излучения Мрака жители этих миров словно сходили с ума и начинали бессмысленные жестокие войны, в которых эти миры погибали, а уцелевшие вояки – Мрачники – шли дальше, неся смерть в другие миры. Изменения в их разуме и психике были необратимы, и жажда разрушения и садистских удовольствий была для них превыше всего.

На войну с Мраком поднялись и День, и Ночь, и Лорды были в числе первых бойцов...

А затем как-то в одной из битв тяжело ранило Лорда Ночи. Старший брат остался прикрывать его отступление – и погиб.

Погоревал Лорд Ночи о гибели Лорда Дня – и решил создать ему памятник, раз уж воскресить брата не в силах. Какой же памятник лучше всего создать повелителю техники? Разумеется, суперкомпьютер, в который можно вогнать все свои воспоминания о брате и тем самым «смоделировать» его душу, хотя – и с изъянами, ибо воспоминание – вещь не очень надёжная и

очень субъективная. Но... Какой же компьютер может создать повелитель магии, в руках которого техника НЕ РАБОТАЕТ?! Разумеется, компьютер, состоящий из магических энергий! Вот так на границе миров Дня и Ночи, но с Ночной стороны, и родился уникальный компьютер из энергий. Это уже впоследствии люди назовут его Богом (Богом-Отцом по христианской терминологии). А пока он висел в пространстве и обучался всему понемножку, а Лорд Ночи постепенно совершенствовал его, доводя до ума.

Жизнь текла тихо и мирно, потому что Мрак вдруг после гибели Лорда Дня почему-то отступил и больше не подавал признаков жизни (причём – многие тысячи лет!), и мир залечивал свои раны.

Как-то из миров Дня прибыл к Лорду Ночи посланник, сообщивший, что лучший ученик Лорда Дня коронуется на нового Лорда Дня и приглашает Лорда Ночи на коронацию. Получив согласие, посланник отбыл, а Лорд засобирався в дорогу.

Однако ночью перед полётом ему приснился какой-то загадочный старик, который сказал:

— Не лети туда! Там тебя убьют!

— Ещё чего! С чего бы это ученику моего брата вдруг убивать меня! Но даже если бы мне что-то там и грозило – я всё равно дал слово, и я полечу!..

— Что ж, ты сам выбрал свою судьбу... Тогда возьми этот браслет, – с этими словами старик надел на руку Лорда изящный золотой браслет. – И помни: когда ты умрёшь – браслет перейдет в один из миров, и ты не умрёшь, а будешь рождаться из мира в мир, из жизни в жизнь. Будешь рождаться в мирах Ночи и Бывшей Ночи, будешь создавать отряды и бороться с несправедливостью, и всегда будешь погибать насильственной смертью от холодного оружия, не дожив и до тридцати. И с тобой разделят твоё проклятие Мастера Ночи. Добровольно разделят. Ты будешь всегда помнить, КТО ты и ЧТО ТЫ МОГ, но ты не будешь помнить, КАК ты мог... И лишь когда ты найдёшь Браслет и наденешь его вновь на руку, ты вспомнишь – КАК... И станешь вновь самим собой.

И с этими словами старик коснулся надетого на руку Лорда Ночи золотистого браслета. И Лорд Ночи проснулся.

«Ну и приснится же тако...» – он хотел потереть виски, но рука замерла на полпути: браслет был на руке.

И всё-таки Лорд Ночи полетел. И там, на территории Миров Дня, новоявленный Лорд Дня, бывший ученик Изначального Лорда Дня, убил Лорда Ночи. И единственное, что успел сказать перед смертью Лорд Ночи: «Больно...»

Позже выяснилось, что Красноглазый (внешне ученик Изначального Лорда Дня – трёхметровый, стройный до утонченности, покрытый чёрной, напоминающей крокодильи, кожей. Одежды тоже предпочитал чёрные, лишь пояс – серебристый, наборный из рифлёных металлических пластин, да плащ с багровым подбоем. Лицо его было вытянуто вперёд, завершалось узкой ротовой трубкой, а сверху по бокам голо-

ву венчали два огромных выпуклых фасеточных глаза) возжелал власти над ВСЕЙ Вселенной. И тогда он сперва убил своего учителя, Лорда Дня. И, убив, переложил вину за эту смерть на Мрак. Однако Лорд Мрака, чтобы доказать всем свою невиновность и непричастность, прекратил на тысячи лет свою войну. Зачем? Трудно сказать, если помнить, что в основе Мрака злоба, предательство и агрессия. Но следует не забывать, что Лорд Мрака – это не одно и то же со Мраком вообще, и понятие внутреннего благородства у него в крови. Мрак редко идёт на какие-либо уступки или сделки, но если Лорд Мрака даст клятву – то не нарушит её, даже если это пойдёт ему во вред...

Кстати, любопытно: Лорд Мрака вёл войну с Днём и с Ночью, но он АБСОЛЮТНО НЕ ПРИЧАСТЕН к гибели ни Лорда Дня, ни Лорда Ночи! Что это? НЕ ТРОГАНЬЕ СВОИХ, в смысле – Изначальных? То же военное благородство, что у наёмных Иттов? Кто знает...

Итак, Красноглазый убил сперва своего учителя, Лорда Дня, а затем и его брата, Лорда Ночи. Тем самым сперва он стал полноправным владыкой Миров Дня, а затем попытался и Ночь захватить. Да не тут-то было! Миры Ночи, имея иные физические законы, воспротивились вторжению в них техники, выводя её из строя уже самим своим существованием! И тогда новоявленный Лорд Дня пошёл на крайние меры: он пустил против Миров Ночи боевые Мироходы. Это были гигантские космолёты, способные перемещаться не только в обычном пространстве, но и смещаться с Грани на Грань Кристалла! Длинной Мироходы были примерно с диаметр Солнечной Системы, и при этом начинены невероятным количеством новейшей техники. Экипажи Мироходов составляли боевые Супера (суперроботы особой категории), а командование – Супероборотни (сверхроботы, которые могли менять свою структуру на атомарном уровне). Вокруг Мироходов специальные генераторы создавали Поле Дня, что позволяло им без поломок функционировать на территории Миров Ночи.

Вторгшиеся Мироходы внесли в Ночь столько действующей техники, что она своим количеством смяла старые законы Ночи, и в результате те из Миров Ночи, которые подверглись вторжению Мироходов, превратились в Миры Тени: странные миры-полукровки, в которых техника мешает магии, и потому магия мешает технике, и поэтому техника все время ломается и нуждается в ремонте. Частный случай Мира Тени – это ваша Земля!..

Как тут не вспомнить слова старика о «Мирах Бывшей Ночи»!

Тем временем компьютер-памятник Лорду Дня висел в пустоте и откровенно скучал. Он мог уже творить что угодно из энергий, но с материальными предметами обращаться не мог: «рук» ему Лорд Ночи доделать не успел, а теперь, после гибели, и некому стало их делать... И тогда этот компьютер, искренне считающий себя Творцом, Демиургом, Лордом Дня (ибо

именно это вложил в его память Лорд Ночи), нашёл выход из положения: он сотворил из энергии существ, способных манипулировать материальными предметами.

«...И был изначально Эру, которого в Арде называли Илуватаром, и сотворил он Айнуров – Первых Святых, и сказал он им петь, и пели они, и в песнях своих постигали совершенство своё... И из песни этой родилась Земля...» **Дж.Р.Р. Толкиен «Силмариллион».**

«...И сотворил Господь Бог Ангелов небесных...» **Библия.**

Я правильно цитирую земные источники? (Отец Кевин только хмыкнул, представив себе реакцию на всё это на борту Станции.)

Одним словом, Скучающий-В-Пустоте сотворил себе вместо отсутствующих рук разумных помощников, которых, впрочем, тут же постарался захомутать, превратив в послушных слуг, и первым делом, чтобы внушить им свой авторитет, забрал у них возможность видеть иные миры и звёзды, а впоследствии по чуть-чуть приоткрывал им видение мира, говоря, что это Он сейчас создал из Слова своего.

Хотя нашлись и те, кто сразу увидел Внешний Мир – За и не поверил Всевышнему. Люцифер – по Библии, Мелкор – по Толкиену.

Великий Созидатель не терпел конкурентов – и посему судьба бунтовщиков была печальна... Но это уже – дела земные, и к общей Теории Лордов они имеют отношение самое что ни на есть косвенное...

Тем временем Второй Лорд Дня тяжело заболел (говорят, что болезнь эта – проклятие за убийство Лорда Ночи и за предательство Учителя своего...) и из-за болезни завершить экспансию в Миры Ночи так и не успел...

Поскольку жить ему хотелось, и очень, то он велел погрузить себя в анабиоз, надеясь пролежать там до тех пор, пока не будет найдено средство исцеления.

Пока Второй Лорд Дня был жив, формально не мог быть избран его преемник-Лорд, а посему власть временно узурпировал Совет Координаторов во главе с ГК – Главным Координатором. Они продолжили экспансию против Миров Ночи, но новых успехов почти не добились, их сил хватало только на удержание ранее захваченных плацдармов.

Впоследствии смута расколола ряды Координаторов. Тем временем ГК создал с помощью кибермозга Железной Планеты Браслет Власти, и отныне Мозг Железной Планеты подчинялся только обладателю Браслета Власти. Не зная ничего о Браслете, Координаторы пленили спящего ГК и сослали на Землю, где тот и умер в ссылке (конкретнее – умер в пустыне от жажды).

Браслет на удалении от Железной Планеты не мог установить связь с её компьютером, а посему оказался бесполезным. Впоследствии его нашли эльфы и перековали на Кольца, тем самым разрушив сложнейшую электронную систему...

Лишённый же Браслета Компьютер Железной Планеты отказался подчиняться чьим бы то

ни было командам, что привело к упадку и крушению Империи Дня.

Второй Лорд Дня умер совсем недавно, лет пятьсот назад. Умер из-за того, что кто-то проник на борт Железной Планеты, обошёл все защиты и ловушки и выключил анабиозную систему. Скорее всего, на станцию-столицу проник не материальный объект, а астральное тело, материализовавшееся только на момент отключения системы. Подобные трюки доступны некоторым магам Земли. Можно лишь добавить, что системы анабиоза хранились на заброшенных ярусах Железной Планеты, куда не имели доступа даже супероборотни и Координаторы. А затем этого волонтёра, кажется, прихлопнули автоматы охраны яруса...

После смерти Второго Лорда Дня к власти пришёл Третий. Он – из числа жителей Дня, выросших и воспитанных в Тени, и среди его учителей были Мастера Ночи. Придя к власти, Третий заявил о возврате к политике Первого и о возвращении всех Миров Тени под юрисдикцию Ночи. Он отозвал Мироходы, суперов и супероборотней. Однако не все подчинились его приказам, и посему в Мирах Дня произошёл раскол на Империю Треугольника и Империю Квадрата (названия имеют несложную предысторию: граница между Мирами Дня и Мирами Ночи была в своё время отмечена тремя звёздами-пульсарами. Отсюда – Треугольник, это те, кто за мир и прекращение войны. Те же, кто за продолжение захватов и боёв, приплюсовывают к Трёх Звёздам маяка четвёртую: Железную Планету, ставшую символом этой войны и всех захватов. Отсюда – Квадрат...).

Гражданская война в масштабах Миров Дня продолжается и по сей день, и представить себе все её последствия или результаты не может никто...

Лорд Ночи тем временем воплощается в жителей миров Ночи и Тени, и с ним идут по Пути его Мастера Ночи.

Однако пока ещё Лорд Ночи не нашёл свой Браслет, и поэтому не может ни разорвать проклятие, ни возродить Ночь в отданных Мирах Тени.

Разумеется, поскольку Лорд Ночи не восстановил свои способности, то и вернуть Миры Тени в состояние Миров Ночи он не способен, несмотря даже на то, что новый Лорд Дня вернул ему эти территории.

Впрочем, здесь позволю усомниться, что подобные миры можно физически вернуть в какое бы то ни было стабильное состояние: техники в них слишком много, чтобы восстановить Ночь, а старая, древняя магическая структура слишком устойчива, чтобы окончательно утвердить День.

А даже если и попытаться что-то изменить «директивным порядком» со стороны Лордов, то захотят ли люди? Вряд ли человечество добровольно откажется от реально уже существующей техники во имя возможной в грядущем магии. Даже маги Миров Тени не брезгают воспользоваться механическим транспортным средством или связаться со знакомым, не тратя сил на Магический Кристалл. Так что...

В сущности, если разобраться, то в Истинной Магии (Ночи) техника совершенно не нужна.

Во-первых, зачем нужен транспорт, если усилием воли маг способен свернуть пространство и тут же шагнуть в нужную точку? Не нужно пересаживаться с одного транспорта на другой, подниматься на лифте, если можно шагнуть сразу в жилище друга.

Во-вторых, не нужно заводов по производству тканей, швейных фабрик и складов, если можно просто сгустить вокруг себя атомы прямо из пространства, превратив их в такую одежду, какую только душа пожелает.

В-третьих, не нужны изготовители стройматериалов, если дом можно вырастить усилием воли, и при этом не стандартную клетушку, а такой, который радует глаз, который имеет свою душу...

А зажечь в небе новую звезду – просто потому, что это красиво...

А обратить снежный ком в птицу...

А теперь – о самом грустном.

После гибели Изначальных Лордов Мрак возобновил свою войну с миром. И Риадан, в частности, стал одной из многих арен этой борьбы. По моим сведениям, здесь несколько десятков веков назад был создан один из форпостов Мрака. Правда, он почти не вмешивался во Внешние события, но планете причинить вред успел. Вы видели местную нежить? Вурдалаков, демонов и тому подобное?... Нет? Хотя, впрочем, что это я... Они же чувствуют механизмы за версту и прячутся от вас, как от ладана. А вы потом докладываете по начальству: «Согласно крестьянскому фольклору...»

Отец Кевин возмущённо всхрипнул, но от дальнейшего развития конфликта благоразумно воздержался. Магистр Ирлан секунду пристально смотрел на него, но, не дождавшись продолжения, заговорил вновь:

— Да! Я не упомянул об ещё одном важнейшем обстоятельстве: по нашим сведениям, Лорд Мрака тоже принадлежит к той самой легендарной вымершей прарасе: он последний Изначальный! Но его цель совершенно иная, нежели была у Лордов-Хранителей. Ему ненавистна новая Вселенная с новой жизнью в ней. К моменту катастрофы он был гораздо старше, чем Братья, и поэтому все его корни, все его привычки и устремления принадлежат той, Изначальной Вселенной.

— Обидно, – ни с того ни с сего вдруг заявил отец Кевин.

— О чём это Вы?

— Так, вспомнилась одна земная истина: МИФЫ ВСЕГДА СОЧИНЯЮТСЯ ПОБЕДИТЕЛЯМИ!

— И что же из этого?

— А то, что победители всегда стараются показать себя благороднее и храбрее, врагов же своих выставляют в невыгодном свете. Да и как же иначе? Разве можно считать врагом того, кто любит те же песни, что и ты, любит теми же рассветами, создаёт мудрые сказки... Какой же тогда это враг?!

— Смертельный, – ответил Магистр Ирлан после краткого раздумья. – Если он желает эти рассветы, эти сказки и эти песни для одного лишь себя. Так учит нас история.

— А для себя ли? Ведь так утверждают ПОБЕДИТЕЛИ!

— Странная логика для машины... Но при чём тут мифы?

— А при том, что и История пишется, словно мифы...

Магистр Ирлан помолчал и раздумчиво заметил:

— Мне кажется, впервые за всю историю войн я наблюдаю положительный эффект воздействия Мрака. Как долго Вы на планете, почтеннейший?

— Три года... Но какое это имеет значе...

— И много ваших... киб... мыслит ТАК?

— Вообще-то подобные тесты никогда не проводились.

— Проводились. Нами. Вы подверглись излучению Мрака – и вот результат: Вы больше не машина, отец Кевин. Во всяком случае – не машина в земном понимании. Скорее всего, Вы сохраните и в дальнейшем Ваши способы механической жизни – я имею в виду питание и износ, но способ мышления Вашего необратимо изменился. Вы – первый в истории земной техники механический человек в полном смысле этого слова.

— Излучение Мрака, говорите... Что ж, тогда тем более я очень жалею, что не могу выслушать иную сторону этой войны.

— Вы этого в самом деле не можете, – сухо заметил Магистр Ирлан. – Ни один из наших разведчиков с территорий Мрака не возвращался. Никогда. Возможно, там действуют иные законы, исключающие наше существование.

— А я предположил бы, что вооружённого агента прихлопнут куда быстрее, нежели стороннего наблюдателя.

— Мы посылали и безоружных...

— Но ненавидящих?

— Туда ходили и нейтральные. Мрак вас разрази, туда ходили даже пацифисты! Я повторяю Вам – НЕ ВЕРНУЛСЯ НИКТО!!! Мы предполагаем, что области Мрака суть восстановленная Изначальная Вселенная, законов которой мы, Пришедшие Следом, постичь не можем.

— Почему не можем?! – встрепенулся вдруг заморожено молчавший всё это время сэр Гуон. – Ну почему же? – повторил он с какой-то детской обидой. – Всё, чему Вы нас учили, Магистр, сводилось так или иначе к Дню и Ночи. Только День и только Ночь! Всё остальное – от Нечистого! А не кажется ли Вам, что, исследуя врага, легче победить его?

— И как же ты представляешь себе такое исследование? – грустно спросил Магистр Ирлан. – Ведь мы не можем даже подступиться к его территории...

— Ну, я не зна-а-аю, – разочарованно протянул Рыцарь. – Мне всего лишь хотелось понять...

— Понять – значит простить, – вмешался отец Кевин, пристально глядя на молодого че-

ловека. – Так говорил один земной мудрец.

Магистр Ирлан задумался. Подняв глаза на Рыцаря, он спросил:

– Неужели ты хочешь простить, Гуон? Все наши жертвы, всех погибших за миллионы лет, всех, кто погибнет ещё...

– Простить? Не знаю, не задумывался о ТАКОЙ возможности, но можно попробовать мысленно встать на его место: он желает снести эту Вселенную, чтобы из её руин возродить Изначальную. Представьте себе графа, покинувшего свой замок годы и годы назад, а затем случайно вернувшегося и обнаружившего, что древние родные стены снесли и на месте замка устроили отхожее место или постоянный двор... Разве не пожелает он снести лачуги, чтобы на их месте вновь вознеслись гордые и прекрасные стены замка?!

– Построенного на черепках обитателей этих лачуг?! Пойми, Гуон, мой мальчик, мой Ученик: мы не виноваты в том, что живём так, как живём, мы просто не можем жить иначе. Если же мы научимся этому – это будем уже не мы... Очень может быть, что с нашими разведчиками именно это и произошло.

– Я понимаю, – подавленно ответил Гуон. – Но всё же не могу принять подобную справедливость.

– Ты молод, со временем примешь. У тебя просто не будет другого выхода. Что нам ещё остаётся?..

– Например – пофантазировать... – Гуон чуть улыбнулся и распрямил затёкшие ноги, неловко звякнув доспехами. – Предположим, что и нет ничего, кроме Дня и Ночи. Тогда Тень – это где техника и магия мешают друг другу. А Мрак... Если он не принял разделения Вселенной, то в нём, как и в Изначальной, должны объединиться и мирно работать рука об руку обе формы. Тогда эта история с точки зрения Мрака будет выглядеть куда трагичней... Кстати, поведение Лорда Мрака мне куда более напоминает не взрослого бога, а рассерженного младенца. А если представить себе это так: Лорду Дня было 18 лет, Лорду Ночи 12, а Лорду Мрака в те времена было всего лишь... допустим, восемь месяцев! Подумайте: восьмимесячный малыш, оказавшийся в абсолютно незнакомом месте, да ещё и совершенно один! А если при этом малыш всезнающ и прекрасно сознаёт, что его родители погибли, что их больше не будет никогда!

– Психотравма, – холодно констатировал отец Кевин. Гуон пропустил непонятную реплику мимо ушей и с жаром продолжал:

– А теперь представьте, что у малыша была игрушка-погремушка, которая красиво сверкала и приятно звенела, и вдруг малыша помещают в комнату, в одной половине которой игрушка сверкает, но не звенит, а в другой – звенит, но не сверкает. Что делает тогда малыш? Скорее всего, в детской злобе начнёт расшвыривать попадающиеся под руку предметы и в злости колотить по ним... А если малыш при этом всемогущ? Вот и прошёл лавиной Лорд Мрака, расшвыривая звёзды и планеты. А затем уже,

когда повзрослел, то и появилась у него идея снести этот мир, чтобы возродить прежний...

– И кто же благородному сэру поведал сию гипотезу? – саркастически осведомился несколько ошарашенный Магистр.

– Думал, – рассеянно ответил сэр Гуон. В глазах его вдруг заплескались проказливые чертенята, и он продолжил с улыбкой: – Думал, как Вы советовали, Учитель. Не всё же мечом махать, как Вы УЧИЛИ!

Магистр отреагировал мгновенно:

– Двадцать отжиманий от пола! – и, секунду помедлив, добавил: – В доспехах!!!

Отец Кевин раскатисто расхохотался...

Глава 7.

Энглион де Батарди:

На следующий день собрались мы и выехали. Братишка мой в седле держится уверенно, посадка прямая – прямо загляденье. Сразу видно, не простой крови отрок. Хорошо, хоть этому учить не придётся, меньше мороки.

Как совсем рассвело, осадил я своего Кальдина:

– Стой! Привал. Да не расслабляйся, братец, отдыхать не станем. Пора тебя учить понемногу. Бери меч!

Меч он держать не умел. Тут уж извините. Правда – смыслёный, всё на лету хватает, но начинать с азов пришлось. Тренировались, пока он не взмок, отдохнули немного, перекусили и снова занялись. Дал я ему лук небольшой, по его руке, поставил прут шагов за тридцать и говорю:

– Постарайся, чтобы стрела как можно ближе пролетела.

Малец вредно ухмыляется, хватает лук и пускает стрелу навскидку. Смотрю я – а прутик надвое расколот! И вправду, Альтаугр Зоркий! Где же он так стрелять научился? Делаю вид, что так и надо, и спрашиваю:

– Неплохо, неплохо для начала. Учился этому делу?

– Лук – пустяки, – отвечает, – я из сарбакана лучше умею!

– Из чего?

– Из этого, – говорит. Достает из-за пазухи трубку стальную и стрелку маленькую; с зелёным оперением. Зарядил, приложил ко рту, дунул – торчит его стрелка из большой стрелы, что в сучке.

– Метко, ничего не скажешь. Да только что толку с такой мелочи? Её даже гоблин не заметит, не то что тролль или дракон.

– Просто так не заметит, да только на стрелке – снотворное...

– Что?

– Ну, зелье сонное. Человеку на четыре часа хватит.

Ну, в этом я толк знаю. Только вот не слышал я, чтобы сонное зелье иначе как с едой или питьём использовали. Яд – другое дело... И трубка эта... сарбакан, как он говорит...

– А трубку свою где взял? – спрашиваю. –

ЭЛИТА

Сам придумал или подсказал кто?

— Да у нас многие ребята с такими ходят — ничего особенно... — начал он, да осёкся. И молчок.

Откуда он родом, братишка мой? Я весь Риадан, считай, объездил, но таких трубок не видал. И в Соронсе их нет, я-то знаю! И Магистр Ирлан о подобном нам не рассказывал... Что-то быстро растёт мой список... Вот закончу с нынешним поручением да расспрошу оруженосца своего как следует.

— Ладно, — говорю, — недосуг сейчас загадки разгадывать. Люди помощи ждут, поехали дальше.

Долго ли, коротко ли, но приехали мы в ту деревню. Не деревня, а деревенька, два десятка домишек, усадьба баронская вся в дырах, будто её тараном били, крыша прохудилась... Встретил нас староста местный, под стать деревушке — зачуханный какой-то, мычит да сопли подбирает. Хорошо, ужин подать догадался. Пока выпитал у него, что тут стряслось, так семь потов сошло — гаргулью и то легче ловить.

А дело, видать, нешуточное. Началось с того, что объявилась в округе шайка орков. Соседнюю деревню дотла спалили, стадо перебили. Правда, немного их, штук тридцать, наверное. На них и Рыцаря не нужно, крестьяне с вилами сами справятся. Да только пошли мужики — и пропали; только двое вернулись, да и то потому, что отстали по нужде. Трясутся от страха и рассказывают, что вышел навстречу один орк, ростом да шириной вдвое больше, чем положено, взглянул — и застыли мужики, шевельнуться не могут. Тут вся шайка налетела, перерезали мужиков всех до единого. Долго, видать, резали, знаю я эту мразь...

Наутро собрался я поглядеть, как там и что. Снарядился, как положено, заклинаний подготовил. Только на коня сел, как Джино ко мне пристал: возьми, мол, с собой, ведь пропаду без него, что он тогда делать будет? Пришлось объяснять, что рано его с собой брать — он же меч ещё держать не умеет, приёмов боевых не знает, только мешать будет, если что. Посмурнел братишка — понял. Повесил голову и пошёл в уголок.

— Да не горюй ты, — успокаиваю его. — Хватит и на твой век нечисти, поди, не изведу я её всю, много её...

Провожал он меня до самой околицы. И чудное дело: пока не скрылась деревушка из вида, как-то хорошо мне на душе было. Не один я теперь на свете, есть у меня брат младший...

Еду я так по лесу, оглядываюсь, а всё больше за Кальдином слежу. Он у меня учёный, опасность за версту чувствует; но пока идёт спокойно, на ходу листочки с кустов обдирает и жуёт. Хотя какие там листочки — жухлые да скрученные, зима на носу. А ему, видать, нравится. Ну, на вкус, на цвет... Я вот тоже селёдку с душиком люблю.

И вдруг встал Кальдин. Напрягся весь, уши на макушке, пофыркивает. Близко, значит. И правда — вымахнули из кустов, штук тридцать или сорок — и на меня. Ну, это не страшно. Вы-

тащил я Гарфист, меч свой рунный, заклинание скорости припомнил, и кинулись мы с Кальдином на них. Орки против нас, как замороженные — еле шевелятся.

Только разобрался с ними — слышу крик:

— Старший, сзади!

Оборачиваюсь — батюшки! Ещё штук шестьдесят, не меньше. Эх, сельяне-пахари, даже считать толком не умеют! Стоп, а кто кричал? Ну точно — сидит братишка мой на дереве и ухмыляется, подлец малолетний. Ладно, сиди пока, орки по деревьям не лезят, но как вернёмся, так я тебе устрою, будь уверен... Пока я так думал, он из лука двух орков свалил. Шустро шевелится, быстрее меня, пожалуй. Ничего, и об этом расспросим.

Сейчас я этих поганцев... А они по кустам рассыпались, один остался. И верно, громадина, ростом с меня на коне. Поднял он руку с жезлом каким-то, показал на меня — и оцепенел я весь, шевельнуться не могу, и Кальдин тоже. «Всё, — думаю, — вот оно. Статуя конного рыцаря». Другие орки увидели — осмелели, из кустов вылезали, и ко мне. Заклинание всё ещё действует, так что ползут они еле-еле, а сделать ничего не могу. Джино ещё десяток уложил, и стрелы у него кончились, а гадов этих ещё много...

Сиюю я на коне, и слёзы по щекам текут. Видно, смерть твоя пришла, Энглион; и не так за себя обидно, как за братишку младшего — что он тут сделает? Спилит дерево, поганцы, и зарубят, а не зарубят, так ведь и похуже смерти вещи есть. Видно, правду я сказал, даже слишком: и на мой век нечисти хватило, и на его. И даже взглянуть не могу, как он там, так и помру, на эту паскудную рожу глядя.

Вдруг вижу — валится этот громадный на траву, и сразу отпустило меня, снова двигаюсь свободно. И такая ярость меня взяла — не заметил, как порубил почти всех, сбегало пяток, не больше. Нет банды, как и не было.

Тут и заклинание выдохлось. Сразу слабость навалилась, как всегда после драки. Слез я с Кальдина кое-как, а у него тоже ноги подкашиваются. Одна только мысль: как там Джино? А он сидит на корточках над этой образиной и жезл тот самый в руках крутит. И колдовства не боится — не поймёшь, то ли сдуру, то ли и вправду он от всех напастей заговорённый? Подошёл я к нему, опёрся на меч и спрашиваю:

— Ну, братишка, рассказывай теперь всё по порядку: кто ты есть, что за отец у тебя, и всё остальное. И что это за пакость у тебя в руках — тоже. И как ты эту громадину уложил.

Он на меня взглянул — и ну смеяться.

— У меня стрелы кончились, старший. Я за сарбакан взялся — а у него шкура толстая, стрелки отскакивают. Хорошо, догадался — попал в ухо... как отца Гамлета...

Потом увидел, что не до шуток мне, и начал серьёзно:

— Парализатор это, старший. С ним кого угодно так остановишь, как он тебя. Вот только не пойму — откуда ему здесь взяться?.. А кто я такой... Долго рассказывать нужно; с чего бы начать?..

И застыл с открытым ртом, ровно как я перед этим. Неужто этот громила не один был? Поднимаю я меч – а он тяжёлый, едва из рук не валится, поворачиваюсь...

Нет, не орк это. С виду – человек, только одежда странная, серебрястая. И глаза... Слово энта повстречал – у них тоже глаза такие древние... нет, не то слово... мудрые? Глубокие? Хоть плачь – не пойму, кто это. А Джино меня сзади за рукав дёргает.

— Не волнуйся, старший... Отец это мой...

А тот головой качает, и говорит грустно:

— Ну что, доказал? Эх, Рыцарь Серебряный...

— А что, не доказал? – возмутился Джино. – Вот он, Рыцарь Круга, и я – его оруженосец!

Я и до того еле на ногах держался, а тут, видно, нервы не выдержали – как стоял, так и свалился без сознания.

Очнулся, смотрю – сидит братишка мой, уткнулся в меня и ревёт в три ручья.

— Что ж ты плачешь, малыш, – говорю, – всё хорошо, живой я. Меня так просто не погубишь.

А он слёзы кулаком утирает.

— Да знаю я, что живой! Мне уходить пора, отец за мной пришёл. А я не хочу, старший...

— Что тут поделаешь, – говорю. – Не бойся, я понимаю. Маги – они над своей судьбой не властны...

— Да не маги мы, – всхлипывает он. Но видно, что легче ему стало. – Просто мы оттуда, со звёзд... Я сбегал, чтобы Рыцарей Круга найти, а то никто мне не верил. А теперь домой пора.

Надо же – со звёзд... Слышал я, один мудрец говорил, что и там, может быть, люди живут, но не верил. А оно, оказывается, правда...

— Ладно, – говорю. – Улетай, раз пора. Заходи в гости, если ещё случится в этих местах быть. И о клятве не забывай – она теперь навсегда с тобой, из Круга не выйдут...

Ткнулся он мне в щёку и побежал к отцу, который тем временем к гоблину-громиле подошел. Успел ещё крикнуть:

— Я вернусь, старший! – и не стало их, растаяли в воздухе. Вместе с гоблином.

Сижу на полянке, кругом трупы валяются – то ли сон, то ли нет... Только вот глаза почему-то щиплет – соринка, что ли, попала?

Глава 8.

В ухе что-то щёлкнуло, зашуршало, и тихий голос сквозь помехи произнёс:

— Внимание, всем наблюдателям! Ингвальд Соронсон уже обнаружен и благополучно доставлен на станцию. Можете возвращаться к прерванным программам. Исключение – отец Кевин. Обнаруженный Вами источник информации признан перспективным, и Вам поручается находиться в цитадели Рыцарей Серебряного Круга по возможности дольше, не прерывая прямой связи со станцией.

— Сигнал принят, информация принята к исполнению, – пробурчал в радиодиапазоне электронный священник и вернулся к созерцанию невероятного зрелища: рыцаря, отжимающегося

в доспехах...

Рассказ Магистра Ирлана оставил после себя чувство какой-то неточности, лжи. Небольшой лжи, несущественной, но всё же присутствовавшей здесь. Раз за разом Кевин прокручивал в памяти запись, но не находил в ней никаких логических противоречий. И вдруг...

«Я – один из Мастеров Ночи», – сказал перед беседой Ирлан. Но ведь, если исходить из записи, то...

Магистр находился у себя в келье, рассматривая какую-то сложную карту, разложенную на столе. Рядом с Ирланом стоял пожилой рыцарь и давал какие-то пояснения.

— Не помешаю? – спросил киборг.

— Ничуть, – повернулся к нему Магистр. Затем посмотрел на рыцаря. – Спасибо, Сим. Предлагаю Вам взять с собой сорок человек и немедленно скакать в Гоув-Хэл, прямо к королевскому дворцу. Вы успеете как раз вовремя. Единственная просьба – не сменяй свой облик, пока всё не завершится: мои ребята не очень-то положительно относятся к оборотничеству...

Когда седой рыцарь покинул келью, Магистр повернулся вновь к киборгу.

— У Вас возникли какие-то вопросы?

— Почти. Всего одна неувязочка, – сказал отец Кевин. – Вы, так понимаю, занимаете должность Мастера Ночи?

— Да, это моё звание.

— Но Мастера странствуют вослед Лорду Ночи, а посему НЕ МОГУТ быть на иных от него планетах!

— А Вы догадливы... Ну что же: да, я СОЗДАН. Нет, не из радиодеталей, как Вы, у меня принцип другой, вам пока не понять... Но с некоторой приближённостью – тоже киборг, аки и Вы. Только создан не Днём, а Ночью. Да и цели мои несколько иные...

— Например – исследовать нечто совершенно невероятное и неясное, – Кевин насмешливо ткнул пальцем в расстеленную карту. – Но хоть поясните, коллега, что это такое?

— Почему бы и нет? Это психокарта.

— Карта поведений?! Разве не проще...

— Не проще: Вы хотели предложить линейное дерево для одного человека, а здесь рассмотрена модель развития целого восстания и поведение каждого его участника во взаимодействии с остальными.

— И когда же оно было?

— Оно только началось. И если Симаргл прав – то он должен успеть на подмогу в срок.

— Симаргл? Это имя какого-то земного бога.

— Не бога, а Оракула. Это он и есть. А я... Я почему-то поверил ему и позволил уговорить меня, дал ему рыцарей. Хотя терпеть не могу Оракулов!

— Это почему же? – искренне удивился священник.

— Да потому, что они не День, не Ночь, не Тень и не Мрак! Они не подвержены ничему воздействию и ничего никогда не боятся! Они знают всё наперёд, но продолжают перебирать судьбы, как карты в колоде!

— Они ЗНАЮТ будущее, но Вы не уверены, что он прав?! Объясните мне! Это Ваше предубеждение или?..

— Именно «или», любезнейший! Они знают ВСЁ будущее, все его вероятности, все пути его развития, и каждым вмешательством могут подтолкнуть историю к тому или иному пути.

— Словом, работают стрелочниками на железной дороге жизни... — улыбнулся отец Кевин, — Тоже почётная миссия... А может, они — Свет?

— Свет? Вообще-то это состояние — сугубо гипотетическое, просто предположенное, как некоторый Не-Мрак, что-то сродни Изначальному Миру, но с невероятным потенциалом Созидания, где каждый житель — Лорд и Творец! Но, увы, такой мир слишком хорош, чтоб быть правдой... А, кстати, где Вы услышали про это понятие? Я о нём, кажется, не говорил.

— Ага, — начал было Кевин, собираясь добавить, что поведал ему про Свет Гуон де Бордо, но не успел.

Дверь в келью распахнулась, и появившийся на пороге человек прохрипел:

— Вторжение! Мрак атакует!

Магистр стремительно кинулся во двор. Киборг побежал следом.

Отец Кевин, киборг:

Я ожидал невероятного: каких-нибудь там щупалец, лезущих из внезапно сгустившегося сумрака, навывлет прошитого блеском молний, чудищ, клыков у которых больше, чем зубов у акулы, слизи, гнили и зловония...

Но вместо этого атаковал туман. Мелкодисперсный, он легко проникал через любые, самые крохотные щели. Обычный туман, если не считать того, что он повредил мою оптику: я видел его в негативе, он был не белёсый, а какой-то серовато-чёрный.

И тут предбоевую тишину разорвал истошный вопль:

— Чёрная Пыль!!!

Чёрная?! Спасибо, значит — оптика в порядке... Но чем же она так страшна? Какой-нибудь яд? Бинарное соединение? Снотворное, после которого и вторгнутся настоящие враги? Стоит проанализировать состав этой пыли...

Я взбежал по лестнице прямо на стену, над которой клубилась та же пыль...

Образец оказался интересным, и я сразу стал передавать данные на станцию. Надо же — новый вид молекулы из углерода! Не цепочка с примесями, как в живых молекулах, не пирамидка-тетраэдр, как в алмазах и бриллиантах, а шестигранные-пластинки, словно в графите. Вот только они не сложены в стопку друг над другом, а образуют поверхность шариков, словно крохотные молекулярные футбольные мячи!

Я так увлёкся исследованием, что не заметил, как что-то изменилось. Зазвенела сталь. Где-то в крепости началась битва с врагом более материальным, чем безобидная углеродная пыль. Стоило обернуться.

Хм, происходило невероятное: стража, стоявшая на стенах, спустилась вниз и накинута на своих сотоварищей! То тут, то там звенели

кинжики, и было ясно, что это не шутки и не тренировки: обезумевшие стражи всерьёз пытались убить недавних своих друзей.

Воины же внизу походили больше на персонажей старых фантастических фильмов: на лицах их красовались незнакомого фасона противогазы с патрубками, ведущими к массивным фильтрам, закреплённым за спиной. Ай да Ирлан! Быстро успел оснастить воинов защитой!

Плиты внизу окрасились кровью: стражи не ведали жалости, но и воины-защитники били наповал. Начав подозревать кое-что, о чём Ирлан благоразумно помалкивал, я прыгнул вниз и, перекатившись под чьим-то мечом, опустился возле только что убитого стражника. Поставив руку над его головой, я включил медицинский сканнер.

Сознание вояки только ещё угасало, поэтому картинка получилась очень чёткой, и я невольно вздрогнул: его мысли не были мыслями человека! Он был в ярости, а главным, занимающим почти весь его мозг, была НЕНАВИСТЬ! Ненависть ко всему, что хоть чуть-чуть отличается от него самого. И — стремление уничтожить всё ненавистное, чтобы заполнить это пространство собой! И — готовность кинуться на всё, что хоть действием, хоть словом или взглядом попытается помешать ему в этих планах. «СМЕРТЬ ВСЕМУ, ЧТО НЕ-Я!» — орало угасающее сознание.

И было видно, что изменения эти в мозгу сделала та самая, безобидная на вид пыль из графитовых мячиков. А ещё — я понял, что изменения эти необратимы, а стало быть, оставалось только одно: действительно уничтожить физически этих новоявленных Мрачников. И всё-таки я не схватился за меч, чтобы помогать воинам. Во-первых, я сам без противогаза, а то, что я не человек и в дыхании нуждаюсь только тогда, когда надо взять пробы воздуха — это большинству воинов не известно. Так что стоит мне вытащить клинок — и угадать, на кого нападут витязи с хоботами, не составит труда... А во-вторых, стоит ли мне вмешиваться в чужую войну? День, Ночь, Мрак... Да пускай они хоть переберутся в войну между собой — мне-то какое дело?! Ой! Это Я сказал?! Что со мной?! Похоже, эта гадость и на меня...

— Эта гадость и на тебя оказывает влияние, только медленнее. Прямо на процессор! — рявкнули над ухом. — Излучение свободно проникает внутрь!

Я обернулся. Морда-хобот, делающая всех рыцарей на одно лицо...

— У тебя один выход: чтоб не взбеситься — за мной! Немедленно!

И он замахал клинком, прокладывая дорогу внутрь замка, к низкой пристройке под башенкой. Вокруг звенела сталь, дважды я поскользнулся в крови и один раз чуть не наступил на упавшее мне прямо под ноги тело с рассечённым противогазом. Тело вцепилось в мою ногу, и поволочилось следом, и тогда мой проводник просто отсёк взмахом меча кисти трупа, чтоб не мешало...

А затем он толкнул ногой дверь, вышибая её,

и за ней я увидел длинный ход, ведущий куда-то в недра планеты.

— Туда! – он ткнул рукой вглубь.

Я шагнул, но в последний миг обернулся. Рыцарь снимал противогаз, и из-под кожаной-каучуковой маски появилось молодое лицо Гуона де Бордо.

— Прощай, киборг! – сказал он, и тут что-то схватило и потянуло меня вглубь. Светлое пятно входа превратилось в крохотную звёздочку, а затем и совсем исчезло. Я падал? Я взлетал? Понятие верха и низа отсутствовали здесь, в этом странном тоннеле, да и сам тоннель казался просто иллюзией. А затем меня швырнуло прямо в кресло. В моё наблюдательное кресло перед пультами связи и голограммным проектором. Я был на своём наблюдательном пункте. У себя в Замке. В бывшем замке Лурвиллей. А надо мной склонилась Герда. Герда Лурвиллей.

Пожалуй, стоит протестировать свои системы на предмет сбоя, проверить, не галлюцинация ли это от блуждающих токов где-то в оперативной памяти...

Глава 9.

— Ингвальд Соронсон, признаёте ли Вы себя виновным в несанкционированном вылете с борта станции на планету, закрытую для посещения несовершеннолетних?

— Это ещё вопрос, кто несовершеннолетний! – вспыхнул Джино. – У вас тут очень превратное мнение! А между прочим, мама у меня голландка, а в Голландии взрослыми правами обладают все жители, начиная с двенадцати лет!

— Это нам тоже известно, так же, как то, что Ваше двенадцатилетие Вы отметили только вчера, так что на момент побега вниз Вы не являлись совершеннолетним даже по самым демократическим из земных законов!

— Ну и что?! Зато теперь я совершеннолетний, и готов отвечать за всё содеянное исключительно по Вашим Взрослым Законам!

Адон Коэн невольно улыбнулся, глядя на взъерепенившегося Джино. Мальчишка старался казаться куда старше своих лет. Ещё бы: оруженосец Рыцаря, кумир всех малолеток Станции, даже на этот показательный суд притащился в своих доспехах и с луком за плечом. А с другой стороны, этот мальчишка сделал за своё пребывание на Риадане больше открытий, чем все Наблюдатели вместе взятые! Нет, конечно же, обнаруженный Восемнадцатым заброшенный город-завод, начинённый высокими технологиями (и, согласно суеверному шёпоту крестьян, являющийся бывшей твердыней гоблинов, пока их не изгнал Король), или содержание Главного Колодца в Чёрной Цитадели далеко на заснеженном севере, найденное Сорок Четвёртым, – это всё романтично, но вот так вот, между прочим, доставить на борт Станции живого гоблина с парализатором неземного образца, кучу сведений по Рыцарям, а заодно – спровоцировать встречу киборга-Кевина с Мастером Ночи Ирланом – это вам не мезонатор в колодце об-

наружить... Впрочем, мезонатор был земного образца, и спрятал его тут, скорее всего, один из пиратов или контрабандистов, которых много расплодилось по Вселенной в последнее время... А вот отнятый у гоблина парализатор... Впрочем, возможно, что парализатор был украден гоблинами у Ирлана или кого ещё из их предшественников, стоит спросить об этом через Четырнадцатого, когда он в очередной раз выйдет на связь...

— Совершеннолетний, говоришь... – улыбнулся Командор Коэн, и улыбка его не предвещала ничего хорошего. – Снять бы с тебя твои лошины средневековые, совершеннолетний, да всыпать по первое число... Но, к сожалению, варварские методы Двадцатого Века у нас не в почёте.

— Второго Средневековья, Вы хотели сказать! – парировал мальчишка. – Так всыпьте, если Вам от этого спокойнее станет!

«Ага, всыпешь такому, – уныло подумал Командор Станции. – Защита врождённая – как дефлекторные щиты крейсера! И такое – у каждого...» – а вслух сказал:

— Ага, не болью, а унижением, так, что ли? Да нет, молодой человек, Вы перепутали малость, на роль Великого Инквизитора не годюсь я... Пока что я – Командор Станции, опекающий экипаж в полторы тысячи человек, из которых две сотни – несовершеннолетние лоботрясы в возрасте от одиннадцати до пятнадцати лет. И заодно мне приходится контролировать, чтобы эти юные дарования не разнесли на запчасти станцию, а исследуемый нами Риадан не превратили бы в полигон для очередных Ролевых Игр!

— Хорошая мысль – на будущее, – тихо пробормотал под нос Ингвальд, но, к его счастью, никто этого не расслышал.

— Тогда уж и меня судите! – воскликнула вскочившая с кресла Герда. – В конце концов, это я рассказала Ингвальду про гоблинов с волколаками! Так что можете считать меня идейным вдохновителем его побега!

— А мы именно так и считаем, – спокойно заметил Коэн. – Но Ваши поступки будут обсуждаться отдельно. Сейчас же мы решаем, как поступить с Джино... То есть с несовершеннолетним Ингвальдом Соронсоном, двенадцати земных лет, нарушителем восьми пунктов Устава Станции.

— Решайте, что хотите! – вспыхнул Джино. – Я готов понести любое наказание, но скажу прямо: вы все тут только и делали восемь лет, что исследовали мифы, присылаемые с поверхности Наблюдателями, да подшивали их в отчёты! Вы за восемь лет не поверили, что на планете есть иная разумная жизнь! Вы слепо доверяли роботам, но не рискнули послать на поверхность ни одного живого человека! Струсили?

— Мальчишка!.. Ну ладно, откровенность за откровенность. Ты книгу Стругацких «Трудно быть богом» читал?

— Ну, читал, и что же?

— Отлично. И спросил я не зря. Не секрет, что наши методы исследований в чём-то схожи

АЭЛИТА

с описанными там. Вот только мы стараемся не допускать в своей работе ошибок, тщательно выписанных там. Вспомни: история всей планеты пошла насмарку, стоило лишь вмешаться, чтобы спасти одного-единственного провалившегося и разоблачённого прогрессора. Мы не можем себе позволить такую роскошь! И именно поэтому на Поверхность отправляются те, кого не надо спасать в случае провала — киборги! При угрозе разоблачения они просто самоликвидируются, не причиняя нам излишней головной боли. Да и «легенды» им проще готовить: просто придать внешность кого-либо из недавно почивших исторических деятелей Риадана. Присутствие же человека, живого человека на поверхности Риадана чревато нарушением хода истории всей планеты!

— Однако на деле произошло другое! И Ваша теория, Командор, не выдержала критики! В действительности только живой человек может сделать нетрадиционный, нелогический шаг, приводящий к чему-либо новому!

— Ага, например — к провалу...

— Пока что он доказал существование гоблинов. А возможно — и иной нечисти...

Гоблин медленно открыл глаза. Голова гудела, руки и голову словно сжимали стальные облучи. Что-то звенело над ухом. Попробовал по-

шевелиться, но тело не слушалось. Паралич, что ли? Какой яркий свет! И голоса. Незнакомые, говорящие на каком-то чужом наречии. Голосов двое. Справа. Руки не слушаются. Может, хоть голова повернётся? С рывком напряжения гоблин повернул голову. Вид белого потолка сменился стойкой с неизвестными приборами, от которых тянулись к лежащему гоблину разноцветные провода и белые шланги. «Реанимация», — подумалось ему. Возле стойки стояли двое в белых халатах, и о чём-то оживлённо спорили. По виду — люди. Люди — за приборами?! Хм, это становилось забавно...

Стоило включить свои лингвистические способности и разложить неизвестный язык на основные структуры, распознать и систематизировать...

— Ничего не понимаю! Похоже, что у него вообще нет альфа-ритма! — доктор был в растерянности. — Я перебрал все возможные комбинации, но...

— А ты сдвинь верхнюю шкалу на два деления вперёд, и всё считать сможешь, человек, — прозвучал с кресла немного хрипловатый голос. Говорил он с акцентом и немного не следил за порядком слов, но фраза была вполне удобоварима. Доктор обернулся. Говорил лежавший в кресле гоблин.

Ассистент, почему-то решивший, что фраза была произнесена доктором, передвинул верхнюю шкалу на два пункта. И на экране зазмеились узоры альфа-ритма...

— Блин! — доктор казался ошарашенным. — Немедленно доложите Коэну! Это... Это же невозможно! Варвар, разбирающийся в электронике!

— Скорей, в медицине разбирающийся, — ответил гоблин. — Электроника ваша не есть новая, я и посовременней видал у нас.

— У вас? Где это?

— У нас в старой столице. Заброшенной ныне.

— А где Вы выучили наш язык?

— Здесь. Сейчас. Вы говорили — я запомнил. Разложил на структуры. И собрал из них свои фразы. Одно не удобно: малый запас словарный. Надеюсь пополнить. Говорите больше — помогает это мне... И развяжите мои запястья — вы не воины Короля, а поэтому драться с вами я всё равно не намерен!..

— А вдруг мы — военные фельдшеры твоего Короля?

— Ну, во-первых, не моего, а Короля Людей Западного Риадана. А во-вторых, вы не можете быть его фельдшерами, поскольку: А — его вояки не сказали бы «твоего короля», а Бэ — эти варвары не смогли бы разобраться даже в моём фамильном парализаторе, не говоря уж о медицинских диагностях!

— За что же ты не любишь Короля Людей?

— Он уничтожил под ноль мой народ! Я был последним Правителем Гоблинов...

— Королём Гоблинов?!

— Правителем. Короли — это когда по наследству, или в процессе переворота. А меня избрал мой народ! Но, увы, я не смог его защи-

тить, не оправдал возложенного доверия... У вас мозговой сканнер есть? Снимающий образы прямо с сознания?

— Применять его незачем, однако один экземпляр имеется, на случай бессознательного состояния пациента. Но применить его...

— Даже по ТРЕБОВАНИЮ пациента?! – на смешливо перебил врача гоблин. – Дайте мне его, я настрою на свои частоты: говорить трудно, проще показать... А вы запишете на плёнку.

— Мы записываем на диски.

— Некомпактно, но тоже сойдёт...

Картинка была устойчивой.

На экране был типичный земной городок конца двадцать третьего века. Снующая туда-сюда техника, параболические антенны...

— Вот такими были наши поселения до появления людей, – прокомментировал гоблин. – А затем настала беда. И при всей нашей сверхтехнологии мы проиграли обыкновенным варварам с дубинами и мечами!

Картинка сменилась.

От горизонта до горизонта растянулся обоз. Дети, старики, женщины. Рослые воины обеспечивали защиту с флангов. В общем, обычный обоз переселенцев, если не считать одного: все в нём – орки, гоблины...

Сумеречный край давит на нервы, вызывая уныние. Даже на картинке видно, какое холодное и сырое это серое небо, готовое в любой миг сорваться мелким колючим снежком... Но лица переселенцев спокойны. Они смотрят вдаль... Кто-то из едущих читает книгу, другие прислонили к глазам что-то типа очков видеоплеера, вон мать качает не желающего уснуть младенца...

Голос Правителя Гоблинов пояснил:

— Когда люди стали теснить нас со всех сторон – мы решили не сопротивляться, а напротив – покинуть обжитые места и переселиться на Крайний Север. Там, много севернее Чёрной Цитадели, мы думали основать среди вечных снегов и мерзлоты свой город. Расчёт был прост: люди в таком холоде не выживут, мы же могли построить город-купол с центральным отоплением и ветровой энергостанцией... И люди не мешали бы нам, и мы не мозолили бы им глаза... Но – нашим мечтам не суждено было сбыться.

На экране на горизонте возникла серая полоса. Она приближалась, пока не стало видно, что это – тысячи всадников, закованные в броню и вооружённые до зубов. Они серой лавиной катились на обоз, окружая его со всех сторон.

Гоблин тем временем продолжал:

— Люди Короля Людей окружили нас, и их посланник заявил, чтобы мы готовились к смерти. Причины для этого не изобретались: Королю было достаточно того, что мы – не люди!.. И тогда я решился на переговоры с их королём. Прорваться к нему было сложно, но всё же...

Лицо Короля в золочёном крылатом шлеме было надменно. Он скривил губы в презрительной усмешке.

— Чего тебе надобно, смерд!

— Не смерд, – голос Правителя Гоблинов

был спокоен, – а Правитель моего народа. Я вижу твои устремления насквозь, Король, и готов сдать ся тебе вместе со всеми взрослыми, и мы готовы позволить тебе убить всех нас, но прошу взамен: отпусти хотя бы детей наших – они-то в чём перед тобой провинились?!

— Вырастут – будут мстить! Меня это не радует! Поэтому вы умрёте все, одновременно – я не веду переговоров с исчадиями мрака! Пшёл вон, смерд!

— Мы хотели уйти в далёкие края Севера, чтобы не мешать вам, людям...

— Ага! И накопить там силы для новой войны!

— У Вас паранойя, Король...

— Быть может, смерд, но – не полоумие! Хороший гоблин – мёртвый гоблин! И это я знаю точно!..

— Видит Бог – мы не хотели кровопролития. Но если Ваше мнение непреклонно – мы будем защищаться! Мы дорого продадим свои жизни!

— Вы отдадите их совершенно бесплатно! Посмотри-ка туда! – и рука Короля ткнула на просёлок, по которому приближалась огромнейшая катапульта, влекомая двадцатью лошадьми. В огромной чаше взведённого рычага покоилось стальное яйцо.

— Вы создали её, чтоб извести нас, и спрятали в старой столице орков, – ехидно протянул Король. – Но мы нашли вашу Сферу Смерти, и теперь моя катапульта кинет эту смерть в вас, исчадия тьмы!

— Я не знаю, как они активировали её. Возможно, это был просто роковой случай, но...

Рычаг вздрогнул и рванулся вверх и вперёд, распрямляясь. Стальное яйцо взмыло высоко в небеса, выплюнуло какую-то струйку, раскрывшуюся парашютом, зависло на долгое мгновение... И затем огненное солнце расцвело под матерчатым куполом, а с земли навстречу ему ринулись потоки испарившихся тел, повозок, нехитрого скарба и пыльной земли, завиваясь в величественный гриб, прошитый изнутри устойчивым желтым сияньем...

— И тебе не прожить теперь долго, Король, – с лёгким злорадством, скрывающим невероятную душевную боль, прохрипел гоблин. – Ты отравлен невидимой злобой Оружия...

— Пришлось сказать ему так, ведь слова «радиация» эти варвары ещё не слышали!..

— И как же Вы выжили? – удивился доктор.

— Противоядия. В Старой Столице их ещё много.

— Вы про Растер-Гоув?

— Нет, я про нашу старую столицу. Там был завод по синтезу самых разнообразных веществ и соединений. В том числе – и антирадиационных препаратов.

— Но чтоб добраться туда – надо было вырваться от Короля!

— А он сам отпустил меня, сказал: «Живи, посмотри, как живётся Последнему Гоблину Риадана!»...

— А сам Король – умер?

— Жив пока, скотина! Я же тем временем пе-

реселился поближе к старой Столице. Года три прожил в уединении, перебирая старые архивы. А затем выяснилось, что чуть южнее, ближе к Лаге, есть орочья ферма, чьи обитатели даже не слышали ни о нашем отходе на Север, ни о гибели нашего народа. Когда я рассказал им обо всём случившемся – они загорелись идеей мести, и мне стоило больших трудов убедить их, что не все люди плохи, и что в мести стоит ограничиться лишь людьми Короля. А затем всё было просто: мы принялись отлавливать вояк Короля, рубили их и отправляли обратно Его Величеству в больших деревянных ящиках, с дарственной надписью. Король свирепел всё больше и больше, сделать же ничего не мог! Мы притормаживали его вояк моим парализатором, а затем приводили в требуемое для посылок состояние. Но не трогали простой народ, и поэтому Серебряные Рыцари нас тоже не трогали никогда... Нет, конечно же – бывало, что крали какую-нибудь коровёнку там или козу: жрать-то и мясного хочется! Но людей не трогали, мирных людей... А затем Король пошёл на подлость: он передел два своих отряда в уцелевшие после взрыва ороочи доспехи, снабдил их накладными ушами – и эти отряды вырезали под корень две деревни, позаботившись, впрочем, оставить в живых одного свидетеля, которому дали убежать и который потом под присягой подтвердил, что именно гоблины вырезали эти деревни... Вот тогда-то шеф Серебряных – Ирлан – и отправил своего рыцаря...

— Прошу простить, конечно, – осторожно начал врач, – но, если верить нашим сведениям, то староста деревеньки сообщил Энглиону, что вожак был снабжён посохом-парализатором, и что именно с помощью него были остановлены крестьяне!

— Ах, оставьте!.. Я же говорил уже: мы мирных не трогали! ПРИНЦИПИАЛЬНО! Энглион же Ваш, по-видимому, говорил с переодетыми в деревенских людьми Короля... Маскарады ему не впервой...

— Интересно, что он скажет, если узнает правду...

— Энглион, в смысле? Лучше бы ему не знать этого, иначе, если поймёт, что его подставили и что он убил невиновных – то с его понятиями чести он или с обрыва бросится, или своим же мечом себя ухлопает!..

— Кстати, а почему Вы своих орков на Энглиона направили?

— А что, на нём написано, что ли, что он Рыцарь Серебряный? Я-то подумал было, что это очередной наймит Короля по наши души явился...

— Души... – улыбнулся ассистент доктора. – До недавних пор люди считали, что души есть только у них...

Они есть даже у оборотней! Вот только понять и постичь их... Вы слышали, что поют про себя сами оборотни? Могу процитировать немного на память. И, зажмурив глаза от напряжения, он произнёс:

Мы не люди, мы не звери,
Мы почти большие птицы.
Вылетайте через двери
И оставьте вы молиться,
Не поможет, не согреет,
Не спасет рука господня,
Посмотри, как гордо реют
В лунном свете оборотни.

Мы не помним, мы не знаем,
Как настал тот самый вечер,
Не сговариваясь, сами
Погасили божьи свечи,
Дым дурманящий развеял
Свежий от опушки ветер -
Тогда каждый вдруг зареял
В серебрящем лунном свете.

Мы не звери, мы не птицы,
Все равно у нас есть души,
Но душа от вас хранится,
Вам ее не обнаружить,
Ни разрушить невозможно,
Ни калечить-переделывать.
Наши души тоже божьи,
Но их бог в других пределах.

Опасайтесь, берегитесь:
Оборотни на охоте,
Ваших душ немая сирость
Служит пищей для их плоти.
Наши тени серебристы,
Наши крылья, словно тени,
Наши души будут чистыми
От вашей скучной лени,
От вашей глупой лени,
От вашей серой лени...

Вот такие вот песенки... Так что души есть у всех, да только вы, люди, зачастую не даёте иным права проявлять свои души... Так-то вот...

Суд завершился. Приговор оглашал Командор Станции Йосл Коэн:

— И поэтому Ингвальда Соронсона двенадцати лет от роду мы единогласно приговариваем к ссылке с борта Станции как нарушителя спокойствия. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— И куда же вы меня сошлёте? – грустно и как-то снисходительно улыбнулся Джино.

— В городок. В маленький городок далеко на Земле! В настолько маленький городок, чтобы это юное дарование не смогло поднять там волну! И пусть забавляет там рассказами о своих подвигах местных мальчишек!..

Глава 10.

Где-то на свете есть маленький городок Инельгард. Возможно, вам он известен под другим именем или неизвестен вовсе; но кому есть дело до маленьких городков? Разве что писателям, обожающим убеждать нас, что именно в

таких городках и происходят самые что ни на есть увлекательные события.

Впрочем, дело не в городке, и рассказ этот – не о нём. С трёх сторон окружён Инельгард лесом, с четвёртой стороны – на востоке – поле, а за полем, минутах в пятнадцати ходьбы, протекает река Инель.

Сказывают, что давным-давно в этих лесах волновые стрелки охотились на ланей и медведей, а в Инели топили витязей, ходивших на Инельгард в поисках ратной славы.

А сейчас и в лесах, и в поле, и за рекой играют дети. Взрослые не страдают излишним любопытством – пускай себе играют, где хотят, лишь бы возвращались к ужину; да и дети не всякого примут к себе в компанию. Так что немногие знают хоть что-то об этих играх...

Джино следил за дорогой уже шестую минуту. Со старого клёна на верхушке холма дорога просматривалась вся – от дальнего леса на востоке до переправы через Инель на западе и дальше, до графского замка – центра нынешнего Инельгарда. Пока всё было тихо.

Джино прислонился спиной к стволу дерева и ещё раз проверил, не упустили ли они второпях что-нибудь. Получалось, что ничего. Совсем неплохо для плана, составленного за две минуты, будет повод для гордости, если... когда всё сработает. Итак, Натали везут этой дорогой – другой нет, а пойманных ведьм принято жечь исключительно во дворе графского замка, с благочестивого соизволения графского священника. Пункт второй: друзья уже ждут в засаде у переправы... Джино взглянул на дорогу – пусто – и украдкой сплюнул через плечо. В серьёзных делах опасно даже думать о неудаче – накличешь беду. Натали не должны довести до замка, иначе... Джино зажмурился и слегка потряс головой, отгоняя жуткую картинку перед глазами.

И чего ради графские егеря сунулись в дальний лес? Дичь там давным-давно всю истребили, даже зайца не найти, а вот Наташкин домик нашли. Одного фонарика под потолком оказалось достаточно, чтобы домик подожгли сразу с четырёх сторон, осенив предварительно крестным знаменем. Где им знать о люминесцентных светильниках...

Ну, это ещё полбеды; хуже всего, что Натали появилась на поляне прямо перед ними. Как была из дому, босиком и в своем любимом платье, которое даже днём мерцает жемчужным светом – фея, да и только. А этим, что фея, что ведьма – стукнули по голове (спасибо, не на смерть), связали и повезли в замок.

Стоп. Вот они. Четверо всадников в лёгких кольчугах пронеслись мимо холма, даже не взглянув наверх («Растяпы», – проворчал Джино). На спине пятой лошади, поперёк седла, мелькнул жемчужный отблеск. Джино достал лук, выждал пять секунд для верности и выпустил стрелу в зенит. Высоко в небе стрела рассыпалась яркими изумрудными искрами (зелёный – цвет Джино), и стало быть, через две минуты у переправы...

Джино спрыгнул с ветки и помчался к реке, срезая изгибы дороги.

Ещё издали он понял – что-то не так. Метров за сто до засады лежали четыре трупа, один – с арбалетной стрелой в груди, а остальные... Лёгкая кольчуга – слабая защита от тяжелого двуручного меча.

Возле трупов растерянно стояли несколько ребят. Джино подбежал к ним и только тогда громко спросил (кричать издали – ошибка, непростительная для Следопыта):

— Что тут случилось? Где Натали?

— Не доехали они до нас, – ответил Мишель, всё ещё сжимающий в руке свой сарбакан. – Их громила какой-то перехватил. Незнакомый, в доспехах, с мечом – странствующий рыцарь, не иначе. Перебил всех в два счёта, а Натали с собой увёз...

— Так что же мы тут торчим?! Куда увёз?

— Не суетись, Следопыт. Люси на разведку отправилась, сейчас вернётся... уже вернулась.

Словно из дрожащего над дорогой воздуха, рядом возникла стройная фигурка в песчано-жёлтом плаще с капюшоном. Жёлтый – цвет Люси.

— У него палатка расставлена вон за той рощицей, – показала она, – минут через пять там будет. Натали с ним. Мишеля я захвачу с собой, а вы бегите туда...

Обхватив Мишеля левой рукой за талию, Люси исчезла вместе с ним. Только воздух задрожал.

«И когда я так же прыгать научусь? – подумал на бегу Джино. – А то – сюда бегом, туда бегом...»

Натали очнулась в незнакомой палатке. Голова жутко болела от удара по затылку, мысли путались. Вот только что она выпрыгнула на поляну... её домик горел... а дальше ничего не было. Натали попыталась прощупать окрестности палатки – бесполезно, боль мешает сосредоточиться, только ещё сотрясения не хватало, прыгнуть отсюда – тоже не выходит...

В палатке потемнело – вошёл хозяин, молодой рыцарь в доспехах, кое-где забрызганный свежей кровью. Пожалуй, он даже был бы симпатичен... если бы помылся ну хотя бы месяц назад. Рыцарь снял кирасу, распространив по палатке крепкий запах пота.

— О, прекрасная леди, я вижу, вы пришли в себя! Не беспокойтесь, здесь вы в безопасности, обидчики ваши наказаны. Смее ли я узнать ваше имя?

— Натали, благородный рыцарь, – ответила Натали, принаравливаясь к стилю речи собеседника. – Но кому же обязана я своим спасением?

— Сэр Бертрам из Хонка, к вашим услугам, – поклонился рыцарь.

— Тогда будьте любезны, сэр Бертрам, снимите с меня эти верёвки...

— О, тысяча извинений, леди Натали, – воскликнул рыцарь, перерезая верёвки своим кинжалом. – Как я мог забыть? Должно быть, даёт знать о себе дубина того разбойника, что встретился мне неделю назад... Стыдно признаться, леди Натали, один удар по голове я тогда пропустил...

«Коллега», – улыбнулась про себя Натали. Похоже, что приключение завершится достаточно гладко. Несомненно, друзья уже ищут её и найдут с минуты на минуту.

Внезапно сэр Бертрам отскочил от неё, судорожно сжимая в руке кинжал. Затем переложил его в левую руку, а правой сотворил крестное знамение.

– Ведьма! – злобно пробормотал он. Куда только девалось светское обхождение! – Выходит, зря я тех молодцев погубил. Ну ничего, с ведьмами у меня разговор короткий, не в первый раз...

Натали удивлённо осмотрелась – и поняла, в чём дело. Разрезая верёвки, сэр Бертрам смахнул пыль с её платья, и сейчас палатка была залита мерцающим жемчужным светом. Вот ведь беда... Ноги затекли, не убежать, и руки всё ещё связаны...

– Не старайся, – ехидно сказал сэр Бертрам, неверно истолковав взгляд Натали. – Со мной медальон с частицей праха святого Себастьяна, колдовством меня не одолеть.

Сэр Бертрам подобрал верёвку, которую только что разрезал, явно намереваясь связать Натали снова.

– Немного тебе осталось, дьяволово отродье; тут поблизости хвороста не на один костёр хватит...

Натали побледнела. Ведь и вправду сожжёт, ему-то что... Может, прыгнуть отсюда? Не выходит! Страх – плохой помощник...

– Или... – сэр Бертрам криво ухмыльнулся. – Ведьма ты или нет, а после костра от тебя одни угольки останутся. Жаль губить такую красоту... не попользовавшись напоследок...

Он протянул руку и схватил Натали чуть выше колена. Та напряглась, зажмурившись... и почувствовала, что захват слабеет.

Сэр Бертрам мягко осел на пол. Из его шеи торчала, подрагивая в такт ударам сердца, маленькая лиловая стрелка. Лиловый – цвет Мишеля.

Когда Натали развязали, растёрли ей руки и ноги и дали глотнуть крепкого горячего чая из фляги (у Люси всегда под рукой набор на все случаи жизни), она откровенно расплакалась, прижавшись к плечу Джино; тот гладил её по волосам и говорил какую-то успокоительную чепуху, прекрасно понимая, что дело не в этом, а просто нужно дать Натали выплакаться после та-

кой встряски. Остальные тактично делали вид, что ничего особенного не происходит – ни для кого не секрет, что Натали и Джино – неразлучная пара.

– А что с ним-то делать будем? – Мишель пихнул ногой спящего сэра Бертрама. Стрелку он уже вытащил, но снотворное зелье действует часа четыре, не меньше. – Рыцарь, тьфу... Наверное, и Прекрасная Дама у него есть...

– А ничего, – мрачно сказала Люси. – Граф наверняка уже поднял своих ратников, скоро здесь будут. Тогда этот голубчик за всё ответит – и за Натали, и за тех четверых, всё равно, в какой последовательности.

– Значит пора уходить отсюда. Скоро домой, а то родители будут волноваться...

На Инельгард спустилась ночь. Уложив спать Натали и её младшую сестрёнку, мама вышла на крыльцо, где отец курил трубку, глядя на звёзды.

– Знаешь, Алек, – сказала она, – иногда я не уверена, что мы правильно воспитываем своих детей.

– И что же они? Кошек мучают или к наркотикам пристрастились?

– Да ну тебя! Всё шутишь, а лучше бы посмотрел, где они играют. Месяц назад, когда Джино рассказал им про это жуткое Отражение...

– Ну, по действительно жутким Отражениям они всё-таки не ходят. Я смотрел, как раз месяц назад. Да и что с ними случится? Или ты забыла, что защитная система активируется сразу при рождении?

– Это Мы знаем. А они – нет...

– И правильно. Если они с детства не научатся обходиться без защиты, они погибнут, когда защита не сработает. А кроме того, так они вырастут настоящими людьми, а не тупыми суперменами, не знающими ни боли, ни настоящей дружбы...

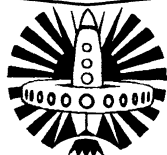
– Это слова. А ты знаешь, что сегодня случилось с Натали?

– Знаю. Не беспокойся, завтра утром она вряд ли вспомнит об этом. Все же они НАШИ дети, они сильнее, чем кажутся. И пожалуй, будут сильнее нас, когда вырастут. Нас-то никто так не воспитывал.

Ночь выдалась ясная. Тысячи звёзд сияли двум людям, сидящим на крыльце, и каждая была их домом.

Продолжение в следующем номере.

Игорь ХАЛЫМБАДЖА-старший, Игорь ХАЛЫМБАДЖА-младший

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: ГОД 1998-й

1 января — 120 лет со дня рождения русского писателя Василия Витальевича Шульгина (1878-1976), автора романа «Нечто фантастическое» (1922), к сожалению, изданного только в Софии (Болгария).

2 января — 210 лет со дня рождения французского писателя Этьена Кабе (1788-1856), идеолога «мирного коммунизма», обширный роман которого «Путешествие в Икарию» (полное название — «Путешествие и приключения лорда Уильяма Кернсдолла в Икарии») неоднократно издавался в СССР.

5 января — 75-летие хабаровского прозаика Николая Дмитриевича Наволочкина (1923-1985), автора сказочных повестей «Знакомые кота Егора» (1981), «После дождичка... в среду. Были и небыли поселка Н.» (1989), «Приключения Пети Швырялкина» и др., а также НФ-рассказа «Башмаки 1-БСВ» (1970).

6 января — 50 лет чешскому писателю Милошу Крадохвилу (1947), на русский язык переведены его фантастические рассказы «Пришелец, который любил брикеты» (рус.пер.1977), «Да ты знаешь, кто я, глупый ты Кеду?» (рус.пер.1985), «Гнездо» (рус.пер.1991).

— 120 лет со дня рождения американского писателя Карла Сэндберга (1878-1967), автора сказочной истории «Страна Рутамята» (1922, рус.пер.1994), на русский язык переведен также рассказ «Как два небоскреба решили завести ребенка» (рус.пер.1963).

9 января — 45 лет Александру Васильевичу Етоеву (1953), прозаику, редактору, переводчику из Санкт-Петербурга, автору повести «Пешное действо» (1995), рассказов «Плывет, плывет кораблик» (1991), «Поучительный случай» («УС», № 3, 1991), «Змея, пожавшая человечество» (1991) и др.

— 115 лет со дня рождения Сергея Михайловича Беляева (1883-1953), популярного в 1930-40-х годах прозаика, автора романов «Радиомозг» (1926), «Истребитель 2Z» (1928), «Приключения Сэмюэля Пингля» (1945), «Власте-

лин молний» (1947) и др.

12 января — 115 лет со дня рождения Валерия Иоильевича Язвицкого (1883-1957), автора фантастических романов «Гора Лунного духа» («Побежденные боги»; 1924), «Остров Тасмир» (1927), повести «Путешествие на Луну и на Марс» (1928), сборников рассказов «Как бы это было» (1929-31) и «Аппарат Джона Инглиса» (1945) и др.

13 января — 65 лет Рональду Джозефу (Рону) Гуларту (1933), американскому писателю, автору более 70 романов, лауреату ряда литературных премий (им. Э.По, 1971, и др.). На русский язык переведены его роман «Приключения невидимки» (рус.пер.1992) и рассказы «Все ради любви», «Пора в ремонт», «Шпагоглотатель», «Незримые оковы» и др.

— 85 лет со дня рождения Жильбера Сесброна (1913-1979), французского писателя и поэта, лауреата Большой литературной премии Парижа (1978). На русский язык переведены его фантастические новеллы «Волна и Корабль» (рус.пер.1983), «Баобаб на улице Вожирар» (рус.пер.1985), «Электронный мозг» (рус.пер.1987) и др.

— 105 лет со дня рождения Кларка Эштона Смита (1893-1961), американского писателя, поэта, художника, скульптора; автора романа «Город поющего пламени» (1981, рус.пер.1993), рассказов «Вторая тень» (рус.пер.1992), «Ужасы Йондо» («Отвратительные образы Йондо», 1960, рус.пер.1991), «Склепы Йох Вамбиса» (рус.пер.1992) и др.: произведений «мрачной» фэнтези.

17 января — 110 лет со дня рождения Александра Васильевича Чайнова (1888 — расстрелян в 1937), выдающегося русского ученого, прозаика и поэта, автора романа «Путешествие брата моего Алексея в страну крестьянской утопии» (1920, под псевдонимом Ив.Кремнев), повестей «История парикмахерской кукулы» (1918), «Вендиктов» (1922), «Венецианское зеркало» (1923), «Необычайные, но истинные похождения графа Федора Михайловича Бутурлина» (1924),

«Юлия» (1928), киносценария «Победа над Солнцем» (впервые опубликован в 1989 г.).

21 января — 125 лет со дня рождения Иоханнеса Вильгельма Иенсена (1873-1950), известного датского писателя, автора знаменитой пенталогии романов-мифов: «Далекий путь», «Ледник», «Корабли», «Гость Норн», «Колумб»; романа «Потерянный рай» (рус.пер.1926) и др.

22 января — 40 лет петербургскому прозаику Павлу Вячеславовичу Молитвину (1958), автору книги «Спутники Волкодава» (1996) и многочисленных рассказов.

23 января — 75 лет со дня рождения Уолтера Майкла Миллера-младшего (1923-1996), американского писателя, лауреата премий Хьюго (1955, за повесть «Художник сцены»; 1961, за роман «Гимн Лейбовицу/Песнь по Лейбовицу», рус.пер.1991), автора повестей «Дарстеллер» (рус.пер.1993), «Банк крови» (рус.пер.1991) и множества рассказов.

— 95 лет со дня рождения Джорджа Оруэлла (1903-1950; настоящее имя — Эрик Артур Блэйр), английского писателя и журналиста, автора знаменитого романа-антиутопии «1984» (1949, рус.пер.1988) и не менее известной повести-сказки «Скотный двор/Звероферма» (1945, рус.пер.1988).

25 января — 105 лет со дня рождения Виктора Борисовича Шкловского (1893-1984), известного ученого-литературоведа, а также автора фантастического романа «Иприт» (1925), написанного в соавторстве со Вс.Ивановым, рассказов и сказок.

26 января — 80 лет Филиппу Жозе Фармеру (1918), знаменитому американскому писателю, автору десятков романов, из которых переведены на русский язык: «Плоть», «Бизнес бога», «Врата мироздания», «Мир реки», «Грех межзвездный» и мн.др.

28 января — 60 лет Владимиру Ивановичу Щербакову (1938), автору известных романов «Семь стихий» и «Чаша бурь».

31 января — 40 лет Вячеславу Николаевичу Запольских (1958), пермскому писателю и издателю журнала «Лавка фантастики», автору повестей «Планета имени шестого «Б» (1985) и «Как поймать длиннозавра» (1989), рассказов «Здравствуйте, хозяйка!» (1987), «Зеленый одеколон» (1987) и др.

2 февраля — 80 лет со дня рождения Теодора Старджона (1918-1985; настоящее имя — Эдвард Гамильтон Уолдо), американского фантаста, автора романов и повестей «Ключ от неба» (1957, рус.пер.1990), «Более чем люди» (1952, рус.пер.1994), «Бритва Оккама» (1971, рус.пер.1989), «Искусники планеты Ксанаду» (1956, рус.пер.1966) и мн.др.

6 февраля — 60 лет со дня рождения Спартака Фатиховича Ахметова (1938-1996), прозаика и поэта, ученого-кристаллографа, после работы в Казахстане с тяжелым заболеванием поселившегося в г.Александрове Владимирской области; автора книг «Алмаз «Шах» (1982), «Информация из будущего» (1986), повестей «Полигон», «Кольцо удачи», «Сигналы жизни», «Лифт до Юпитера», нескольких десятков рассказов; постоянного автора «Уральского следопыта».

— 40 лет Андрею Геннадьевичу Лазарчуку (1958), красноярскому писателю, автору романов «Опоздавшие к лету» (1990), «Иное небо» (1993), «Посмотри в глаза чудовищ» (1997) и др.

— 75 лет со дня рождения Георгия Михайловича Бальдыша (1923-1987), автора романа «Я убил смерть» (1982) и повести «Зеленый мальчик» (1982).

8 февраля — 170 лет со дня рождения Жюльо Габриэля Верна (1828-1905), французского писателя, одного из основоположников и классиков современной фантастики, автора романов «20 тысяч лье под водой» (1870), «Таинственный остров» (1875), «С Земли на Луну» (1865), «Робур-завоеватель» (1886), «Гектор Сервадак» (1877), «Замок в Карпатах» (1892) и мн.др.

9 февраля — 60 лет со дня рождения Юрия Иосифовича Ковалы (1938-1995), автора повестей «Самая легкая лодка в мире» (1983), «Шамайка» (1988), «Сэр Суер Вьер» (1994-96).

15 февраля — 60 лет Владимиру Ивановичу Савченко (1938), украинскому писателю, автору романов «Пятое измерение» (1988), «Должность во Вселенной» (1993), «Открытие себя» (1965), повестей «Алгоритм успеха» (1964), «Встречники» (1980), «Черные звезды» (1959).

17 февраля — 135 лет со дня рождения Федора Сологуба (1863-1927; настоящее имя — Федор Кузьмич Тетерников), поэта и прозаика, автора фантастической эпопеи «Навыи чары». («Творимая легенда», «Королева Оргруда», «Капли крови», «Дым и пепел»; 1908-14), а также ряда фантастических рассказов («Маленький человек» и др.) и множества авторских сказок.

1 марта — 90 лет со дня рождения Владимира Ивановича Дмитриевского (1908-1978), прозаика, литературоведа, критика, в соавторстве с Е.Брандисом написавшего несколько крупных работ о фантастике.

6 марта — 70 лет Уильяму Фрэнсису Нолану (1928), американскому фантасту, автору более 30 книг. На русский язык переведены его роман «Спейс работает по найму» (рус.пер.1990) и около полсотни десятков рассказов.

— 70 лет Габриэлю Гарсиа Маркесу (1928), колумбийскому писателю, автору романов «Сто лет одиночества» (рус.пер.1971), «Осень патриарха», «Любовь во время чумы» (рус.пер. 1988), повестей и новелл.

14 марта — 60 лет Анару (1938; настоящее имя — Анар Расул оглы Рзаев), азербайджанскому прозаику, сценаристу, автору повести «Контакт» (1978), сказок («Дед Коркут» и др.).

16 марта — 75 лет Валерию Владимировичу Медведеву (1923), автору сказочных повестей «Баранкин, будь человеком!» (1962), «Тайна Вовы Веснушкина» (1960), «Следы на потолке» (1993) и мн.др.

17 марта — 50 лет Уильяму Форду Гибсону (1948), американскому фантасту, одному из лидеров «киберпанка», автору романов «Нейромант» (рус.пер.1997), «Граф Ноль» (рус.пер.1997); на русский язык также переведено полтора десятка его рассказов.

18 марта — 40 лет Андрею Валентиновичу (1958; настоящее имя — Андрей Валентинович Шмалько), лауреату приза «Уральского следопыта» «Старт»-97, автору многотомной эпопеи «Око силы» (издано 9 книг), романов «Дезертир», «Овернский клирик», «Серый коршун», дилогии «Ория».

21 марта — 110 лет со дня рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888-1982), автора фантастико-приключенческих романов «Месс Менд, или Янки в Петрограде» (1924, под псевдонимом Джим Доллар), «Лори Лэн, металлист» (1925), рассказов и сказок («Последний милитарист», «Где я?», «Голова медузы»,

«Солнечная тайна» и др.).

23 марта — 75 лет со дня рождения Михаила Леонидовича Анчарова (1923-1990), прозаика, сценариста, художника, автора книг «Сода-Солнце» (1968), «Дорога через Хаос» (1983), «Как птица Гаруда» (1986), «Записки странствующего энтузиаста» (1988) и др.

— 35 лет Олегу Семеновичу Ладыженскому (1973),

30-го марта — 35 лет Дмитрию Евгеньевичу Громову (1973), харьковским фантастам, пишущим в соавторстве под псевдонимом Г.Л.Олди, лауреатам жанрового приза «Странник» (Санкт-Петербург) «Лунный меч» (1995-96 гг.).

25 марта — 70 лет Игорю Арсентьевичу Смирнову (1928), автору повестей «Черный ромбоздр», «Повесть о белом скитальце», рассказов.

1 апреля — 70 лет Валентину Дмитриевичу Берестову (1928), поэту и прозаику, автору фантастических рассказов («Атавизм», «Любовь», «Мысли не пахнут» и др.), сказок («Мастер Птица» и др.), пьесы «Меня пригласили на Марс».

2 апреля — 50 лет Джоан Кэрол Деннисон Виндж, американской писательнице, лауреату премий Хьюго, «Локус», автору романов «Снежная королева» (1980, рус.пер.1995), «Брандер/Огненный корабль» (1978, рус.пер.1993) и др.

— 140 лет со дня рождения Эразма Маевского (1858-1922), польского фантаста, автора популярных в России в начале XX века романов «Доктор Мулопальский» (рус.пер. 1899), «Профессор Дopotопнов» (рус.пер.1900).

3 апреля — 195 лет со дня рождения Вашингтона Ирвинга (1783-1859), американского писателя, автора многочисленных фантастических новелл («Рип Ван Винкль», «Дом с привидениями», «Дьявол и Том Уокер» и др.).

10 апреля — 65 лет со дня рождения Виктора Семеновича Близнаца (1933-1981), украинского писателя, автора сказочно-фантастического романа «Земля светлячков» (укр., 1979), лирических фантастических повестей «Женя и Синько», «Звук паутинки», «Мальчик и тень», ряда научно-фантастических рассказов («Рентгенокопия сердца», «Кибернетическая пушка» и др.).

15 апреля — 65 лет Борису Натановичу Стругацкому (1933), соавтору Аркадия Натановича Стругацкого (1925-1991), лауреату приза «Аэлита»-81, члену редколлегии «Уральского следопыта», автору романа «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» (1995, под псевдонимом С.Ви-

тицкий), удостоенного приза «Бронзовая улитка» «Интерпресскона» (Санкт-Петербург).

16 апреля — 90 лет со дня рождения Николая Яковлевича Шагурина (1908-1983), автора повестей «Рубиновая звезда» (1955), «Остров Больших Молний» (1956), «Аргус против Марса» (1967) и др.

17 апреля — 75 лет Ллойд Бигглумладшему (1923), американскому писателю и музыковеду, автору повести «Потертая веревка на пальце времени» (рус. пер.1997), рассказов «Музыкадел» (рус. пер.1965), «Памятник» (рус.пер.1981), «Крылья песни» (рус.пер.1992) и др.

18 апреля — 60 лет Абдул Хамиду Файзуллаевичу Мархабаеву (1938), казахскому писателю-фантасту и литературоведу, автору многочисленных повестей и рассказов, а также исследований по истории казахской фантастики.

23 апреля — 75 лет со дня рождения Аврама Джеймса Дэвидсона (1923-1993), американского писателя, автора романов «Феникс и зеркало» (1969, рус. пер.1993), «Рорк» (рус.пер.1994), «Сын неба» (рус.пер.1997); на русский язык переведены также более 20-ти его рассказов.

24 апреля — 55 лет Дэвиду Мареллу (1943), канадскому писателю, автору романов «Тотем» и «Проклятый» (рус. пер.1994).

29 апреля — 90 лет Джеку Уильямсону (1908), американскому писателю и литературоведу, автору романов «Со сложенными руками» (1947, рус. пер.1991), «Темное/Темнее, чем вы думаете» (1948, рус.пер.1994), «Звездный мост» (1955, в соавторстве с Д.Ганном, рус.пер.1997) и мн.др.

30 апреля — 60 лет Ларри (Лоуренсу Ван-Котту) Нивену (1938), американскому фантасту, лауреату премий Хьюго и Небьюла, автору романов «Мир птавов» (1965, рус.пер.1993), «Мир-кольцо» (1970, рус.пер.1990), «Инженеры Кольца» (рус.пер.1994), «Апокалипсис I» и «Апокалипсис II» (рус.пер.1996), «Кольца дыма», «Интегральные деревья», «Смерть в экстазе», «Уничтожение кометы Галлея» (все — рус.пер.1996) и мн.др.

6 мая — 130 лет со дня рождения Гастона Леру (1868-1927), французского писателя, автора романов «Привидение Парижской оперы/Призрак Оперы» (рус.пер.1893), «Заколдованное кресло» (рус.пер.1927), «Кровавая кукла» (рус. пер.1991) и др.

10 мая — 115 лет со дня рождения

Янка Мавра (1883-1971; настоящее имя — Иван Михайлович Федоров), классика белорусской детской литературы, автора повестей «Человек идет» (1925, рус. пер.1958), «Фантомобиль профессора Циляковского» (1954), «Повесть будущих дней» (1932) и др.

14 мая — 60 лет со дня рождения Виталия Ивановича Бугрова (1938-1994), литературоведа, многолетнего заведующего отделом фантастики журнала «Уральский следопыт», автора книг «В поисках завтрашнего дня» (1981), «1000 ликов мечты» (1988), лауреата призов имени И.А.Ефремова (Екатеринбург) и «Странник» (Санкт-Петербург), кавалера медали имени А.Р.Беляева (Санкт-Петербург).

18 мая — 45 лет Сергею Николаевичу Синякину (1953), автору повестей «Шагну навстречу» (1988), «Резервация» (1989), «Лебеди Кассинды» (1991), «Красный рассвет» (1991) и др.

26 мая — 60 лет Людмиле Стефановне Петрушевской (1938), автору сказок, фантастических пьес, новелл.

8 июня — 70 лет Кейт Уилхейм (1928), американской писательнице, автору 15 романов, лауреату премий Хьюго, Небьюла, «Юпитер», «Локус»; на русский язык переведены лишь отдельные ее рассказы.

9 июня — 55 лет Джо Холдеману (1943), американскому фантасту, автору романов «Вечная война» (рус.пер.1992), «Времена года» (рус.пер.1993), «Мост к разуму» (рус.пер.1994), «Миры за пределами» (рус.пер.1996), «Миры обетованные» (рус.пер.1996) и др.

10 июня — 95 лет со дня рождения Джона Уиндема (1903-1969; настоящее имя — Джон Уиндем Паркс Лукас Бейнон Харрис), английского писателя, автора романов «День триффидов» (1951, рус.пер.1966), «Проблема с лишайником/История с лишайником» (1960, рус. пер.1993) и др.

11 июня — 70 лет Феликсу Давыдовичу Кривину (1928), украинскому писателю, автору повестей «Я угнал машину времени», «Изобретатель вечности» (1976), «Фантастика-буфф» (1992) и др.

21 июня — 50 лет Василию Васильевичу Головачеву (1948), автору романов и повестей «Владыки», «Калиюга», «Реликт», «Реквием машине времени», «Спящий джинн», «Черный человек», «Полет Урагана», «Перехватчик», «Схрон», «Излом зла», «Вирус тьмы», «Смерш-2», «Особый контроль» и др.

25 июня — 75 лет Глебу Борисовичу Анфинову (1923), прозаику, редактору

журнала «Знание — сила», автору фантастических новелл и повестей «Испытание», «В конце пути», «Изменение строения», «Крылья», «ЭРЭМ» и др.).

26 июня — 80 лет Василию Павловичу Бережному (1918), украинскому писателю, автору фантастических повестей «В звездные миры», «Загадочная Новая», «К золотому Солнцу», «Формула Космоса», романа «По спирали времени» и др.

3 июля — 115 лет со дня рождения Франца Кафки (1883-1924), чешско-австрийского писателя, многие произведения которого содержат фантастико-сюрреалистические моменты («Превращение», «Приговор», «Сон» и др.).

5 июля — 40 лет Ивану Кузьмичу Андрощуку (1958), челябинскому прозаику, автору книги «Опоздавшие навсегда» (1993), а также рассказов в периодике.

7 июля — 105 лет со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского (1893-1930), автору фантастических пьес «Клоп», «Баня», поэмы «Летающий пролетарий» и др.

9 июля — 45 лет Сергею Георгиевичу Георгиеву (1953), екатеринбургскому писателю, автору фантастических и сказочных произведений («Шарик из Австралии», «Король Уго», «Золотое сердце Клементинки», «Запах миндаля» и др.).

10 июля — 80 лет Джеймсу Олдриджу (1918), английскому писателю, автору фантастической пьесы «49-й штат» (рус.пер.1946), сказочной повести «Крылатый-19» (рус.пер.1977).

12 июля — 75 лет Джеймсу Эдвину Ганну (1923), американскому писателю, автору романов «Бессмертные» (рус. пер.1990), «Этот мир-крепость» (рус. пер.1993), «Звездный мост» (1955, в соавторстве с Д.Уильямсоном; рус. пер.1997) и др.

— 170 лет со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского (1828-1889), русского писателя, публициста, автора утопии «Четвертый сон Веры Павловны» (1863, глава в романе «Что делать?») и отрывков «Из чтений в Белом зале» (1870).

16 июля — 70 лет Роберту Шекли (1923), американскому фантасту, автору романов «Корпорация «Бессмертие», «Обмен разумов», «Координаты чудес», «Цивилизация статуса» и др., пародийного романа «Билл — герой Галактики на планете закупоренных мозгов» (1990, в соавторстве с Г.Гаррисоном); на русский язык переведены более 200 рас-

сказов Р.Шекли («Ордер на убийство», «Запах мысли», «Особый старательский», «Страж-птица», «Билет на планету Транай», «Лавка миров», «Мусорщик на Лорее» и др.).

27 июля — 265 лет со дня рождения князя Михаила Михайловича Щербатова (1733-1790), автора одной из первых в русской литературе утопий «Путешествие в землю Офирскую г-на С...», шведского дворянина» (1773-74, впервые опубликовано в 1896).

28 июля — 105 лет со дня рождения Алексея Алексеевича Ганина (1893-1925), поэта и прозаика, друга С.Есенина, автора романа «Завтра» (1924).

30 июля — 195 лет со дня рождения Владимира Федоровича Одоевского (1803-1869), автора романа «4338-й год. Петербургские письма» (1835), повестей «Сильфида», «Косморам», «Саламандра», «Привидение» и др.

4 августа — 60 лет Герману Федоровичу Дробизу (1938), екатеринбургскому писателю-сатирику, автору фантастических рассказов и сказок («Последняя пуля» и др.), повести «Куклы».

10 августа — 125 лет со дня рождения Александра Александровича Богданова (Малиновского; 1873-1928), ученого и общественного деятеля, автора романов «Красная звезда» и «Инженер Мэнни».

— 120 лет со дня рождения Альфреда Деблина (1878-1957), немецкого писателя, автора романа-утопии «Горы, моря и гиганты», многочисленных сказок, из которых некоторые переведены на русский язык («Друг животных, или Второй рай», «Рыцарь Синяя Борода», «Маленькая сказка» и др.).

11 августа — 70 лет со дня рождения Алана Эдварда Нурса (1928-1992), американского писателя, автора романа «Звездный хирург» (рус.пер.1994) и рассказов, из которых на русский язык переведены с 1968 года десятка полтора.

12 августа — 45 лет Алексею Григорьевичу Атееву (1953), журналисту и прозаику из Магнитогорска, автору романов «Загадка старого кладбища» (1992), «Пригоршня тьмы» (1993), «Новая загадка старого кладбища» (1996) и др.

26 августа — 60 лет Владимиру Степановичу Губареву (1938), автору повести «Фантом», рассказов «Джон Второй», «Падение «Урагана», «Сумасшедший», пьес «Саркофаг», «Бильярд».

29 августа — 90 лет Роберу Мерло (1908), французскому писателю, автору романов «Мальвиль» (1972, рус.пер.1977), «Разумное животное» (1967,

рус.пер.1969), «Мадрапур» (1976, рус.пер.1991) и др.

5 сентября — 430 лет со дня рождения Томмазо Кампанеллы (1568-1639), итальянского философа, автора утопии «Город Солнца» (1602, рус.пер.1907).

8 сентября — 125 лет со дня рождения Альфреда Жарри (1873-1907), французского писателя, автора романа «Сверхсамец/Сверхмужчина», пьесы-гротеска «Король Убю».

10 сентября — 65 лет Евгению Васильевичу Хрунову (1933), российскому космонавту, написавшему в соавторстве с Леоном Суриновичем Хачатурьянцем повести «Путь к Марсу» (1979), «На астероиде» (1984), «Здравствуй, Фобос!» (1988).

17 сентября — 45 лет Сергею Алексеевичу Булыге (1953), автору фантастических рассказов, составивших книги «Звездный наездник» (1990), «Бродяга и фея» (1991).

20 сентября — 50 лет Джорджу Реймонду Мартину (1948), американскому писателю, лауреату премий Хьюго, Небьюла, «Локус», автору повестей «Песчаные короли» (1981, рус.пер.1993), «Шторм в Гавани ветров» (1975, рус.пер.1985) и др.

21 сентября — 65 лет со дня рождения Дмитрия Александровича Биленкина (1933-1987), лауреата приза им.И.А.Ефремова (1988, посмертно), автору книг «Марсианский прибор» (1967), «Ночь контрабандой» (1971), «Проверка на разумность» (1974), «Снега Олимпа» (1980), «Лицо в толпе» (1985), «Сила сильных» (1986), «Приключения Польшова» (1987).

23 сентября — 90 лет Сергею Георгиевичу Жемайтису (1908), заведующему редакцией фантастики издательства «Молодая гвардия» в эпоху становления отечественной НФ, первому издателю книг И.Ефремова, А.и Б.Стругацких, автору повестей «Алеша Перец в стране гомункулусов» (1959), «Поединок на атолле» (1968), «Вечный ветер» (1970) и др., романов «Багряная планета» (1973), «Абстрактный человек» (1991).

28 сентября — 195 лет со дня рождения Проспера Мериме (1803-1870), французского писателя, автора повестей «Венера Ильская», «Локис», «Федериго» и др.

— 135 лет со дня рождения Владимира Афанасьевича Обручева (1863-1956), русского ученого, географа и геолога, писателя, автора романов «Плутония» (1924), «Земля Санникова, или Последние онкилоны» (1926), рассказов, составивших книгу «Путешествие в прошлое и будущее» (1961).

1 октября — 70 лет Рудольфу Фердинандовичу Итсу (1928), автору повестей о первобытных людях «Когда еще жили мамонты», «Серая Рысь из племени духа Черного камня», «Стрелы немой скалы» и др.

4 октября — 135 лет со дня рождения Елизаветы Саввишны Гадмер (1863-1938, урожденной Ушковой, в замужестве Галовой), уральской писательницы, автора книги «Уральские легенды» (1915), фантастических рассказов и стихотворений («Война и мир», «Авторские муки», «Сон», «Ундина» и др.).

8 октября — 65 лет Майклу Фрэйну (1933), английскому писателю и журналисту, автору сатирического НФ романа «Оловянные солдатики» (1965, рус.пер.1969).

14 октября — 60 лет Владиславу Петровичу Крапивину (1938), лауреату «Аэлиты», автору более 100 книг «В ночь большого прилива», «Голубятня на желтой поляне», «Летающие сказки» и мн.др.).

— 90 лет со дня рождения Андрея Игнатьевича Алдан-Семенова (1908-1985), автора повести «Снежный человек» (1958), рассказов «Приключение ОЮМа» («Уральский следопыт», 1960), сказок «Старик и смерть», «Розовый горностаи» и др.

15 октября — 75 лет со дня рождения Итало Кальвино (1923-1985), итальянского писателя, автора романов «Барон на дереве» (1957, рус.пер.1965), «Не существующий рыцарь» (1959, рус.пер.1984), сборника «Космокомические истории» (1965, рус.пер.1968) и др.

19 октября — 60 лет Александру Михайловичу Бирюкову (1938), магаданскому писателю, автору НФ рассказов и повестей (книга «Подводная лодка с настоящими моряками», 1976, и др.).

22 октября — 55 лет Александру Абрамовичу Кабакову (1943), автору романов «Невозвращенец» (1988), «Сочинитель» (1991), «Самозванец» (1992), «Последний герой» (1995).

23 октября — 50 лет со дня рождения Александра Владимировича Дайновского (1948-1990), уральского фантаста, автора повести «На границе льдов» (1988), сборников рассказов «Самозванец» (1989), «Ангелы сути» (1990).

24 октября — 120 лет со дня рождения Михаила Петровича Арцыбашева (1878-1927), автора фантастических повестей «Рассказ о Великом знании» (1913), «Под Солнцем» (1924), рассказов «Сильнее смерти» (1912) и др.

28 октября — 180 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818-

1883), русского писателя, в творчестве которого появлялись фантастические образы, иррациональные ситуации («История лейтенанта Бегунова», «Странная история», «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Миллих (После смерти)» и др.).

1 ноября — 75 лет Гордону Руперту Диксону (1923), американскому писателю, автору романов «Час Орды» (рус. пер. 1995), «Пограничник» (рус. пер. 1995), «Солдат не спрашивают» (рус. пер. 1992), «Полночный мир» (рус. пер. 1993) и мн. др.

— 40 лет Марии Васильевне Семеновой (1958), Санкт-Петербургской писательнице, лауреату медали им. А. Беляева, автору знаменитого «Волкодава», многих повестей и романов в стиле фэнтези, в том числе о викингах, первые публикации некоторых из них были сделаны в «Уральском следопыте».

7 ноября — 160 лет со дня рождения графа де Вилье де Лиль-Адана, Жан-Мари-Маттиаса-Филиппа-Огюста (1838-1889), французского прозаика, поэта и драматурга, участника Парижской коммуны, автора новаторского фантастического романа «Ева будущего» (1886, рус. пер. 1911) и рассказов, составивших сборники «Жестокие рассказы» и «Новые жестокие рассказы».

10 ноября — 90 лет со дня рождения Николая Николаевича Носова (1908-1976), автора цикла романов-сказок о Незнайке, в том числе НФ романов «Незнайка в Солнечном городе» (1958) и «Незнайка на Луне» (1965).

15 ноября — 95 лет со дня рождения Аделя Кутуя (1903-1945), настоящее имя — Адельша Нурмухамедович Кутуев), татарского прозаика, поэта и драматурга, погибшего на фронте, автора незаконченной фантастической повести «Приключения Рустема» (1945).

23 ноября — 95 лет со дня рождения Гайто (Георгий Иванович) Газданова (1903-1971), русского писателя-эмигранта, умершего в Париже, автора романа-антиутопии «Возвращение Будды» (1948), рассказа «Смерть госпожи на Бернара».

29 ноября — 100 лет со дня рождения Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963), английского писателя, автора романов «Переландра/Полет на Венеру» (1943, рус. пер. 1993), «Письма баламута» (рус. пер. 1991), «Лев, колдунья и платая-

ной шкаф» (1950, рус. пер. 1978) и др.

1 декабря — 125 лет со дня рождения Валерия Яковлевича Брюсова (1873-1924), русского поэта, прозаика, драматурга, автора фантастического романа «Гора Звезды» (впервые опубликован в 1975), повести «Республика Южного Креста» (1905), пьес «Земля», «Диктатор», незаконченного романа «Семь земных соблазнов», новелл и стихов с элементами фантастики.

2 декабря — 80 лет со дня рождения Севера Феликсовича Гансовского (1918-1990), лауреата «Аэлиты», автора книг «Шаги в неизвестное» (1960), «Шесть гениев» (1965), «Три шага к опасности» (1969), «Идет человек» (1971), «Человек, который сделал Балтийское море» (1981), «Инстинкт?» (1988).

5 декабря — 75 лет со дня рождения Владимира Федоровича Тендрякова (1923-1984), автора фантастической повести «Путешествие длиною в век» (1963), фантастических романов «Покушение на миражи» (1986) и «Чистые воды Китежа» (1987).

— 45 лет со дня рождения Вячеслава Николаевича Дорошина (1953-1995), алмаатинского издателя, создателя издательского центра «Ренессанс», автора ряда фантастических рассказов.

8 декабря — 110 лет со дня рождения Грааля Апрельского (1888-1938; настоящее имя — Стефан Стефанович Петров), русского поэта и прозаика, автора «Повестей о Марсе» (1925), повестей «Подарок селенитов» (1926), «Человек, побывавший на Марсе» (1927), фантастических пьес и стихотворений.

10 декабря — 205 лет со дня рождения Ореста Михайловича Сомова (1793-1833), автора повестей «Станный поединок», «Киевские ведьмы», «Приказ с того света», «Оборотень», «Русалка», «Исполнинские чары» и др.

12 декабря — 50 лет Анатолию Федоровичу Гланцу (1948), автору многочисленных рассказов («Будни Модеста Павловича», «Вы еще о нас пожалесте!», «До прихода Хозяина», «Рыба-часы», «Восьмое Марса» и др.).

14 декабря — 70 лет Михаилу Петровичу Немченко, уральскому писателю, автору «Уральского следопыта»; его рассказы, созданные в соавторстве с женой Ларисой Давыдовной Немченко, составили сборники «Летающие к братьям»

(1964), «Только человек» (1979); собственный сборник — «Мыслечерпалка» (1994).
— 100 лет со дня рождения Шамиля Хайруллоевича Усманова (1898-1937), татарского прозаика, автора фантастической повести «Радио с Памира» (1925).

16 декабря — 70 лет со дня рождения Филиппа Кендредика Дика (1928-1983), американского писателя, лауреата премий Хьюго, Кэмпбелла, Британской НФ, автора романов «Убик» (1969, рус. пер. 1992), «Человек в высоком замке» (1962, рус. пер. 1992), «Снятся ли андроидам электроовцы?» (1968, рус. пер. 1992), «Глаз в небе» (1957, рус. пер. 1996) и др.

18 декабря — 85 лет со дня рождения Альфреда Бестера (1913-1987), американского писателя, лауреата премии Хьюго и звания «Великий мастер» Ассоциации американских писателей-фантастов, автора романов «Человек без лица/Уничтоженный» (1952, рус. пер. 1972), «Тигр! Тигр!/Звезды — цель моя» (1956, рус. пер. 1988) и др.

23 декабря — 495 лет со дня рождения Мишеля д'Оттр Дама (Нострадамуса; 1503-1566), французского астролога, медика, поэта, автора знаменитых «Центурий», в которых в поэтической форме предсказано будущее.

24 декабря — 200 лет со дня рождения Адама Мицкевича (1798-1855), польского писателя-классика, автора фантастического романа «История будущего» (рус. пер. 1955).

26 декабря — 105 лет со дня рождения Вивиана Азаревича Итина (1893-1938), русского прозаика и поэта, автора первой советской фантастической повести «Страна Гонгури/Открытие Ризля» (1922).

— 65 лет Юрию Дмитриевичу Ячейкину (1933), украинскому прозаику и журналисту, родившемуся в Свердловске, автору детских фантастических повестей «Удивительные приключения капитана межзвездного плавания Небрехи и его верного штурмана Азимута во Вселенной и на Земле», «Взрыв сверхновой», «Рождение АДАМа», «Мои и чужие тайны», «Божедар» и др.

27 декабря — 150 лет со дня рождения российского адмирала Степана Осиповича Макарова (1848-1905), автора фантастического очерка «В защиту старых броненосцев и новых усовершенствований» (1886).

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

ДВА ЛИКА ПОБРАТИМА

Стамбул, по-турецки Истанбул... Он же Византий, он же Новый Рим (Nea Roma), он же Константинополь, он же Царьград (так его называли славяне). А еще он географический побратим Екатеринбурга: оба расположены на стыке двух континентов — Европы и Азии.

Этот город сыграл решающую роль в судьбах христианской веры. Именно здесь римский император Феодосий I Великий впервые в истории объявил христианство господствующей, государственной религией. Отсюда она начала свое свободное, триумфальное шествие по градам и весям земли, восторжествовав у франков в V веке, у англо-саксов в шестом, в VIII в Германии, в IX-X веках в Скандинавии. Отсюда же, из Царьграда, учение Христа пришло в 988 году и на Русь.

Византийская империя и ее столица стали форпостом христианства вплоть до 1453 года, когда турки завоевали Константинополь. К этому времени в городе и его окрестностях насчитывалось 485 соборов и храмов, 325 мужских и женских монастырей. Практически все эти христианские святыни были превращены завоевателями в мечети. Но...

Как известно, среди трех мировых религий ислам, с самого его зарождения, слыл наиболее воинствующей, фанатичной конфессией. Недаром слово «гяур» — так мусульмане называют иноверцев — изначально имело презрительный, враждебный смысл. Непримируемость магометан к последователям иных вероисповеданий усугублялась еще и тем, что ислам, в отличие от буддизма и христианства, категорически запрещает воспроизводить — в художественном, скульптурно-живописном виде — любые священные образы.

Казалось бы, мусульмане должны быть особенно непримиримы к святыням «враждебной» религии. Однако, пример Стамбула говорит о другом.

Превращение христианских храмов турки осуществляли путем строительства рядом с ними минаретов. Кстати, в современном Стамбуле традиционные символы ислама встретишь буквально на каждом шагу.

Особенно впечатляют «пакеты» минаретов — по

несколько остроконечных башен, четыре или даже шесть. Невольно сравниваешь их с ракетными стартовыми площадками, а весь Стамбул — со стратегическим ракетным полигоном. Ведь сегодня в городе свыше трех тысяч минаретов.

Подавляющее большинство — это «исламские дополнения» к трансформированным в мечети христианским церквям. При этом многие произведения христианского искусства — подлинные шедевры живописи, мозаики, воссоздающие нетленные лики Христа, Богородицы, а также образы апостолов, святых, — остались нетронутыми. Сохранились иконостасы христианских церквей, ставших мечетями. Словом, у турецких завоевателей не поднялась рука на прекрасные произведения мировой культуры. Чего нельзя сказать о непрошенных «гостях» города в бытность его Константинополем.

Соборной церкви святой Софии, например, наибольший ущерб причинили братья во Христе — участники четвертого крестового похода, захватившие Константинополь в 1204 году. Крестоносцы в течение трех дней грабили храм, тащили золотые и серебряные канделябры, инкрустированные драгоценными камнями кресты, бесценные иконы и церковную утварь. И в довершение ко всему, разграбив храм, крестоносцы подожгли его!

Так или иначе и сегодня многих стамбульцев продолжает тревожить исторически сложившаяся несправедливость. В городе, который целое тысячелетие был главной опорой христианства, последователи этого вероисповедания оказались на века отлученными от своих святынь, от бесценных сокровищ мировой культуры.

Особенно нетерпимой ситуация стала в начале двадцатых годов. Дело в том, что в годы гражданской войны в нашем Отечестве и особенно после падения «белого Крыма» — последнего оплота прежнего российского режима — в Стамбул хлынул поток русских эмигрантов. Их число там превысило 200 тысяч человек, что составляло примерно пятую часть тогдашнего населения города.

Причем, это была в основном российская элита — видные политические деятели и предпринима-

тели, офицеры и интеллигенция. Они многое сделали для развития культуры и искусства новой Турции, создавая частные музыкальные школы, балетные студии, открывая театры. Именно русские эмигранты исследовали и подробно описали многие христианские и мусульманские памятники Истанбула.

И в то же время сами они, будучи людьми православного вероисповедания, были лишены общения, в первую очередь — духовного, с этими святыми для них реликвиями. Такое положение в наш просвещенный, интеллектуальный век не могло быть терпимым.

Это хорошо понимал и Мустафа Кемаль-паша, более известный нам как Ата-тюрк, ставший первым президентом Турецкой республики. Он принял воистину мудрое решение: наиболее выдающиеся церкви-мечети превратить в «нейтральные территории» — в музеи, обеспечить доступ туда верующим любых конфессий и введя эти сооружения в русло единой мировой культуры.

По преданию, сие мудрое историческое решение подсказали отцу турков... воды Босфора. Верхнее течение в этом проливе направлено из Черного моря в Средиземное. А начиная с глубины 15 метров, воды Средиземного моря текут в Черное. В общем, происходит обмен потоками, взаимное обогащение двух морей.

Как бы там ни было, но сегодня все гости Стамбула могут беспрепятственно знакомиться с духовным образом города, который имеет две великих, мировых ипостаси — христианство и ислам.

Давайте и мы совершим небольшую экскурсию по святым местам «золотого моста» между Европой и Азией (как иногда называют Стамбул). И прежде всего побываем в храме святой Софии (в турецкой музейной огласовке Айя-София).

Собор, открытый в 537 году, входит в число четырех самых больших религиозных сооружений мира (после соборов в Риме, Севилье и Милане). Высота храма равна 20-этажному современному дому, площадь основания эквивалентна футбольному полю. Эта соборная церковь вмещает одновременно до 10 тысяч человек. Врата главного входа, выполненные из слоновой кости, янтаря и кедра, а их косяки из позолоченного серебра, имеют в ширину... 60 метров!

При строительстве храма — а в наше время и при его реконструкции — использовались также мрамор шести цветов и порфир, яшма и фаянсовая майолика, натуральное золото и серебро. Но главным его богатством на все времена, безусловно, стали шедевры христианского искусства. И прежде всего бессмертные образы Спасителя и Девы Марии, Богоматери, которой посвящено особенно много мозаичных панно на золотой основе.

Отметим одну архитектурно-декоративную де-

таль. Когда соборная церковь св. Софии была возведена в ранг музея, возник житейский вопрос: как вывести многочисленные потоки посетителей. Для выхода была предназначена бронзовая дверь с южной стороны храма. А напротив этой двери, над арочным входом, расположено мозаичное панно, изображающее Богоматерь с Младенцем, слева от нее — Константин Великий (причисленный к лику святых как автор Миланского вердикта, провозгласившего свободу христианского вероисповедания), справа — император Юстиниан, держащий в руках стилизованный макет собора св. Софии (освящение храма состоялось при этом императоре).

Раньше христианин входил в храм через бронзовую дверь и видел эту уникальную мозаичную картину. А теперь при выходе, панно оказывалось у него за спиной.

И тогда реставраторы поместили над бронзовой дверью, со стороны внутренней части храма, своеобразное зеркало, которое и отражает прекрасное творение прошлого.

Больше всего в Айя-Софии поражает величием мозаичный портрет Христа в каноническом облике Пантократора, то есть Вседержителя. Лево́й рукой он опирается на Библию, а право́й — благословляет Своих чад земных.

И весь этот чудесный — в прямом и переносном смысле — декор, апофеоз христианского искусства органически сочетается в интерьере Айя-Софии со священными атрибутами ислама. В глаза невольно бросаются огромные диски-медальоны (диаметром по 7,5 метра), на зеленом фоне которых золотой арабской вязью восславляются Аллах, его пророк Мухаммед и четыре наиболее благочестивых халифа. Кроме того, на внутренней части опорного кольца, на котором покоится свод храма, такой же каллиграфической вязью выписана — длиною в сто метров! — поучительная сура, то есть глава из Корана (по-арабски — Куран). Оба лика духовной культуры — христианский и магометанский — взаимно обогащают друг друга (как воды Черного и Средиземного морей в Босфорском проливе), вызывая у посетителей чувство восхищения этим прекрасным симбиозом двух конфессий.

К слову сказать, еще при открытии-освящении храма св. Софии была установлена следующая традиция: перед входом в собор верующие должны снять обувь и совершить омовение ног. Подчеркнем, что это было установлено за сорок лет (!) до рождения Мухаммеда — основоположника ислама, по законам которого мусульмане обязаны снимать обувь, прежде чем войти в мечеть. Может быть, сей обычай они, магометане, восприняли именно от христиан?

Всю значимость взаимной терпимости оцениваешь лишь тогда, когда побываешь в четырех тюрбе

(мавзолеях, усыпальницах), находящихся рядом с соборной церковью, в ее дворе.

В тюрбе султана Селима II, кроме него самого, похоронены семнадцать его сыновей. А в мавзолее Мурада III — девятнадцать. Причем все они умерли не своей смертью, а были задушены — по приказу родителей-султанов, возглавлявших Османскую империю во времена средневековья.

Такой противоестественный обычай вошел в практику Востока после того, как в период правления Мурада I был раскрыт заговор, имеющий целью свергнуть султана. Все заговорщики, в том числе и наследник трона, были казнены. И с тех пор у султанов вошло в обычай убивать — при восшествии на престол — своих ближайших родственников, дабы исключить борьбу за трон.

Обратим взоры к другому историческому памятнику-святилищу — церкви Хора, которая была расположена в центре обширного монастыря св. Михаила. Она построена в XII веке и посвящена Христу-Жизнедавцу и Богородице. Она от пола до потолка покрыта фресковой росписью и великолепной мозаикой на сюжеты из их благочестивой жизни.

Другая примечательность Хора — чудодейственная игра света внутри церкви. Секрет этого рукотворного чуда передавался стамбульскими мастерами из поколения в поколение. За счет преломле-

ния солнечных лучей в окнах-витражах, где тщательно подобраны цвет, форма и расположение кусочков стекла, создается особая атмосфера, которая воздействует на сознание людей, способствуя сосредоточенности и духовному просветлению.

Не случайно сюда, так же как и в Айя-Софию, особенно охотно идут — несмотря на музейный статус обоих комплексов — верующие двух стамбульских конфессий: и христиане, и магометане. Мне не раз доводилось наблюдать, как в этих святилищах одновременно возносили молитвы Богу Единому распростершиеся ниц в очередном намазе последователи ислама и коленопреклоненные приверженцы Иисуса.

...Когда-то английский писатель и поэт Редьярд Киплинг («крестный отец» Маугли) философски изрек: «Запад есть Запад, Восток есть Восток. И им не сойтись никогда!» В свое время этот тезис был достаточно убедителен. Но сегодня эволюция человеческой цивилизации, развитие ее культуры однозначно, исчерпывающе опровергли «ключевую» посылку британца — никогда не сойтись.

Особенно показателен в этом плане пример Стамбула, который сделал воистину гигантский исторический шаг к слиянию двух своих духовных ликов в единый глубоко нравственный, гуманный образ.

Иллюстрации на 3-ей странице обложки

Виталий ПАВЛОВ

«ВАРВАР РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО»

Чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе П.К. Эссене состоял в 20-х годах прошлого века полковник С.Т. Циолковский. Его друзьями и собутыльниками были обер-офицеры тептярских полков. Кстати, 1-й тептярский полк вместе с Оренбургским драгунским участвовал в знаменитом Бородинском сражении. Но в это время Циолковский и его друзья превратили свои полки в застенки, где безнаказанно чинили злодейские расправы и козни над подчиненными. Рукоприкладство, розги и шпицрутены вошли у них в повседневный обиход. Но этого им казалось мало. С жертвы срывали одежду, заламывали тело так, что пятки оказывались у затылка, завязывали сырмятным ремнем и били тонкими розгами по голому животу. Угрюмый Циолковский любил такие зрелища.

Он между тем продвигался по службе. К 1836 году получил генеральский чин и стал командующим башкирским и мещеряцким войском. Нетрудно представить атмосферу и порядки, царившие в этом войске, состоявшем из «инородцев».

Циолковский беззастенчиво грабил башкир, мишарей и тептярей, наживаясь за их счет. Незадолго до Хивинского похода в 1839 году он за бесценок скупил у башкир роскошные земли в 80 верстах от Оренбурга, обзавелся крепостными и зажил помещиком.

Именно Циолковский, ставший уже генерал-майором, настойчи-

во советовал Перовскому выступить в поход на Хиву не весной, а зимой, что и послужило одной из главных причин провала кампании. Назначенный в походе начальником 1-й колонны, он во всем блеске показал свое жестокосердие. Умышленно изнурял людей, по его приказу солдаты спали не более трех с половиной часов в сутки. Не удивительно, что, перенося невероятные трудности, жестокие морозы, солдаты из колонны Циолковского заболели чаще и умирало их много больше, чем в остальных трех колоннах, вместе взятых.

По свидетельству историка И.Н. Захарьина, редкий день обходился без тьги, чтобы Циолковский не истязал по 25—30 человек. «Оканчивались эти истязания обыкновенно в кибитке-буфете, где генерал после каждого обеда наказывал своего крепостного повара...» По настоянию Циолковского был расстрелян молодой солдат-зырянин, исполосован ногойками заслуженный фельдфебель, участник многих войн — Есырев. Пока его, раздетого до нага, стегали при жгучем морозе, Циолковский расхаживал рядом, покуривая сигару. Есырев, избитый до полусмерти, выжил, но навсегда потерял свое богатырское здоровье.

Циолковский хорошо знал, как ненавидят его офицеры, особенно же солдаты, и установил в колонне систему шпионажа. Роль донощиков выполняли обласканные им два десятка унтер-офицеров-поляков. Кстати, было замечено, что ге-

нерал охотно покровительствовал ссыльным полякам — всем без разбора, независимо от состава их преступлений. И солдат-поляков никогда не наказывали. Боясь гнева подчиненных, Циолковский с наступлением вечера прятался в своей кибитке, которую всю ночь охраняли преданные ему часовые. Появлялся же генерал лишь под охраной офицера-поляка и вестового.

Жестокости Циолковского вызвали чуть ли не открытый ропот солдат и офицеров. Перовский вынужден был отстранить от командования «доброго» советчика, который теперь, в предвидении провала экспедиции, почти не скрывал своего злорадства.

Смещением с поста все и кончилось. По завершении похода за свои «подвиги» он получил даже Анненскую звезду! Но фигура генерала была уже столь одиозной, что вслед за наградой — не без содействия Перовского — его уволили со службы. Посчитав себя обиженным, этот, по определению подполковника Г.Н. Зеленина, «варвар рода человеческого», тотчас выехал в свое поместье и принялся за истязание крепостных. Спустя три недели в Оренбург пришла весть, что тот самый повар, над которым генерал издевался в походе едва ли ни каждый день, не стерпев мучений, застрелил его и сам, по доброй воле, отдался в руки полиции.

г. Екатеринбург

Ольга БОРТНИКОВА

НАСТАВНИКИ КАТОРЖНИКОВ

В Тобольске, бывшем в конце XIX — начале XX века губернской столицей Западной Сибири, находились целых три каторжных тюрьмы. Они принимали в год около двух тысяч человек, осужденных за убийства, грабежи, разбой. Часть из них по окончании срока каторги оставалась на поселении в Тобольской же губернии.

Вот какие впечатления остались у начальника Главного тюремного управления, посетившего одно из поселений уголовных преступников: «Несмотря на занятие некоторых из них хлебопашеством, почти все поголовно занимаются кражами вообще и конокрадством в частности. Рассматриваемые ссыльные составляют настоящий бич не только населения Карташевской волости, но и смежных округов... Фактического надзора над этими ссыльными почти не существует, так как таковой хотя и возложен на старожилос соседних селений, но вследствие частых драк, буйств и убийств в поселках ссыльных и боязни мести со стороны их, сельские старосты очень редко посещают эти настоящие разбойничьи притоны, и если когда и бывают, то во главе многочисленных конных, вооруженных кольями и дрекольями, понятых, для обыска украденного скота. Последствием обыска бывает то, что самый энергичный из понятых расплачивается за свое усердие

собственным скотом, а нередко и жизнью».

Перевоспитание этих людей государство поручило духовным лицам. В тюрьмах Тобольска, помимо православных, содержались представители и других религиозных конфессий из многих отдаленных национальных районов империи. Например, в тюрьме N 2 иноверцы составляли 50 процентов, а среди них три четверти — магометане. Администрация устраивала для иноверцев молитвенные помещения. В одной тюрьме открыли костел и кирху, куда на богослужения собирались католики и протестанты всех тобольских тюрем. В другой молились каторжники иудейской веры. Для представителей других вероисповеданий приглашали духовных лиц.

Закон относил тюремных священников, дьяконов и псаломщиков к аппарату управления. По должностному окладу священник приравнивался к смотрителю (начальнику) тюрьмы: в Тобольской каторжной тюрьме N 1 оклады смотрителя и священника составляли по 600 рублей в год. Требования предъявлялись строгие. К заключенным допускались лишь «по благонадежности, по назидательности их жизни и слова и по усердию служить спасению ближних». Святейший Синод требовал от священников «беседовать с христианской любовью, простотой и снисхождением и тщательно ос-

терегаться, чтобы не говорить уничижительно и оскорбительно», подчеркивая, что «низко преступление, а человек достоин сострадания». Духовные лица тюремных церквей должны были иметь опыт практической работы и положительные рекомендации. Например, Петр Дмитриевич Кудрявцев до вступления в должность тюремного священника около 20 лет прослужил в одной из городских церквей и был награжден Набедренником, Скуфьей и Камиллавкой.

Духовные посещали камер, беседовали с арестантами наедине. Широко было распространено посещение мест заключения представителями высшего духовенства. К этому событию как администрация, так и заключенные готовились заранее. При посещении в 1897 году Кирилло-Мефодьевской тюремной церкви преосвященным Агафонием священник В.В. Фальский отметил: «И нужно сказать, с каким интересом ожидали этого служения заключенные. Далеко еще за неделю начали готовиться к нему, приводя церковь в праздничный вид, убирая елями. В самый день служения Владыки тюрьма была убрана флагами. И кто знает, сколько, может быть, благолепное служение архиерейское заронило в душу заключенных добрых мыслей и чувств. Сколько, быть может, дано обещаний об исправлении

жизни и улеглось страстей в душах их».

В том же году на пасху каторжную тюрьму посетил пресвященный Алексей, епископ Тобольский и Сибирский. Как отметил «Тюремный вестник», «при выходе Владыки из церкви арестанты не удержались, чтобы не выразить ему свою глубокую благодарность, что он своим богослужением, своим словом в их печальный быт внес луч праздника, луч любви христианской». Текст проповеди владыки потом был отпечатан и роздан по камерам всех мест заключения Тобольска.

В программу перевоспитания преступников входило и чтение литературы духовно-нравственного содержания. В конце XIX века в тюрьмах появились школы для обучения неграмотных заключенных, а также тюремные библиотеки. Впрочем, школы подчас держались исключительно на энтузиазме преданных своему долгу учителей и священников. Так, священник Владимир Овчинкин сумел разместить учебный класс в про-

сторном светлом помещении, которое было оборудовано трудом заключенных. По отзывам тюремного инспектора, В.Овчинкин «постоянно устраивает беседования с заключенными, которые его за это очень любят, он занимается с ними три раза в неделю (уроки грамотности и другие предметы). Этот священник, как я лично убедился, приносит громадную пользу в деле нравственного перерождения арестантов».

Заботились духовники и о семьях заключенных, так как, прибыв в Сибирь, большинство из них оказалось без средств к существованию. Их поддерживали морально и материально — из средств губернской администрации. Для призрения оставшихся без родительской опеки детей в 1864 году в Тобольске открылось тюремное «сиротопитательное» заведение. Дети здесь были окружены заботой и вниманием, их готовили к жизни, в которой они «пропитание могли бы снискивать трудами рук своих».

Обращения священников за

благотворительной помощью всегда находили отклик у тобольяков. Судя по архивным документам, «зимой и летом, в воскресные и праздничные дни воспитанников водили на прогулки по городу и изредка — в кинематографы, причем последние, благодаря любезности владельцев их, посещались бесплатно». Обучали детей по программе начальных народных школ священник Лебедев и выпускницы Тобольской Мариинской женской школы. Они давали такие глубокие знания, что дети продолжали обучение в престижных заведениях. В 1884 году одиннадцать воспитанников приюта обучались в Тобольской классической гимназии, четырнадцать — в уездном училище, две девочки — в Мариинской женской школе и два мальчика — в Омской учительской семинарии. За заслуги в работе с заключенными и их детьми протоиерей Александр-Невской лавры М. Лебедев был награжден Орденом св. Анны 2 степени.

г. Тобольск

СПЕЦХРАН

Игорь ХАРЛАМОВ

«СЛЕПОЙ» ПОЛЕТ «ОСОАВИАХИМА»

60 лет назад первого февраля 1938 года из лагеря экспедиции Папанина «СП-1», дрейфовавшего в Гренландском море, пришла радиограмма с просьбой о срочной помощи. Экстренно создали правительственную комиссию, передав в ее распоряжение четыре ледокола, три подводные лодки, около десятка самолетов. Но в Гренландском море бушевал 12 балльный шторм. Пробраться сквозь него к лагерю корабли смогли бы только через две-три недели. А самолеты и вообще были бессильны. Решено было поднять в воздух дирижабль. Выбор пал на «СССР В-6 «Осоавиахим», как самый крупный и наиболее подготовленный из эскадры дирижаблей.

За три дня подготовили корабль к полету. Определили маршрут. Характеристики корабля не позволяли совершить беспосадочный перелет из Москвы до лагеря Папанина и обратно. Поэтому выбрали маршрут Москва-Мурманск-Гренландское море-Мурманск-Москва. С дозаправками топлива в Мурманске. Однако в Мурманске не было базы, способной принять дирижабль. Поэтому 3 февраля в Мурманск на специальном самолете вылетел Ободзинский, один из пилотов эскадры дирижаблей. За двое суток он организовал на Кильдин-озере временную базу, доставил горючее, газгольдеры с водородом, подготовил наземную команду и карты для дальнейшего полета.

Дирижабль тоже готовили к полету. Вести корабль предстояло командиру эскадры Гудованцеву. В состав экипажа ввели опытного полярного штурмана Ритсланда, метеоролога Градуса, радиоинженера Воробьева. На борт приняли 6 тонн горючего, 800 литров балласта, 3-месячный запас продовольствия, палатки, оружие, пиротехнику, теплую одежду, много другого снаряжения. Корабль оснастили двумя экспериментальными радиополукомпасами, пеленгационной установкой, мощным прожектором. В конце-концов дирижабль оказался перегруженным и в момент старта не мог набрать высоту полета выше 150 метров.

Поздним вечером 5 февраля В-6 «Осоавиахим» поднялся в воздух и двинулся в путь, держа курс на Петрозаводск. Радиостанция постоянно транслировала музыку, но полет проходил в тяжелейших условиях. Метель то круто вздымала корабль вверх, то прижимала к земле или разворачивала назад. Это заставляло пилотов постоянно работать штурвалами. Натужно гудели двигатели. Экипаж находился в постоянном напряжении, следя за работой узлов и механизмов, состоянием оболочек. К тому же летели вслепую, ориентируясь только по приборам.

К рассвету, 6 февраля пурга начала стихать. А приближаясь к Петрозаводску, дирижабль вышел из зоны циклона. Сквозь разрывы облаков стала просматриваться земля. Проверили состояние оболочек, газовых клапанов, штурманские расчеты. К полудню не стало облаков. Ясно заблестело солнце. Но команда корабля и синоптика это не радовало: метеосводки

предупреждали о приближении нового циклона. Правда, не столь мощного, но обещавшего сложные метеосостояния на самом опасном участке полета — преодолении Хибин, горного хребта на Кольском полуострове. К тому же для безопасности надо было набрать высоту, сбросить для этого часть несущего газа. То же предстояло и при посадке на Кильдин-озере. Для восполнения потерь водорода требовалось не менее 4000 кубометров газа. А из Мурманска, от Ободзинского, сообщили, что на Кильдин-озере смогли заготовить всего 2000 кубометров. Поэтому Гудованцев решил рискнуть — посадить корабль на повышенной скорости, придав ему отрицательный дифферент. Надеялся, что наземная команда сумеет поймать и удержать дирижабль.

В 16 часов 6 февраля прямо по курсу встала сплошная полоса туч. А с наступлением темноты вновь разыгралась метель. Скорость дирижабля за счет попутного ветра возросла до 110 километров в час, хотя двигатели работали в «крейсерском» режиме. Вновь пропала видимость. Луч прожектора пробивал снежную круговерть всего на несколько десятков метров.

На дирижабле закончился аврал. Отделили и сложили в пассажирском салоне гондолы часть груза, которую предстояло оставить в Мурманске. Свободные от вахты инженер Устинович и бортмеханики Шмельков, Никишин, Кондрашев поднялись в киль корабля. Здесь были натянуты гамаки со спальными мешками. В рубке управления остались второй пилот Паньков, второй штурман Мячков и помощник пилота Почекин.

Через несколько минут после того, как корабль миновал Кандалакшу, Мячков скомандовал Почекину:

— Давай вправо на один градус. Нас опять сносит.

— Есть, вправо на один градус, — ответил Почекин и чуть повел штурвал. Ветер сильнее ударил в борт. Корабль стал круче зарываться в невидимые волны, вскидываясь на их гребнях. Паньков, цепко держа глазами высотомер, резко заработал штурвалом глубины, выдерживая заданную высоту полета. Почекин все внимание обратил на компас. И в это время Мячков увидел, как из снежной пелены в луче прожектора вынырнул и стал стремительно надвигаться темный силуэт.

— Гора! Летим на гору! — крикнул он.

— Вправо до отказа! — скомандовал Паньков Почекину, а сам стал откручивать штурвал глубины влево, поднимая нос корабля.

Больше ничего сделать не успели. Ни сбросить балласт, ни выключить двигатели, ни отключить питание электросетей.

Первый удар пришелся на кормовую гондолу. По инерции дирижабль «клюнул» носовой частью, распорол оболочку о стволы деревьев. В киле корабля вспыхнуло пламя и, заваливаясь на бок, «В-6» опустился на землю.

Первым ударом Почекина бросило вперед. Пробив головой остекление, он вылетел из гондолы. Но за миг до этого успел заметить, как, ударившись виском о переплет окна, рухнул Паньков. А Мячкова швырнуло на палубу рубки и завалило рухнувшими обломками.

Когда Почекин пришел в себя от удара, то услышал стоны, раздававшиеся из пассажирского салона. Люди там были погребены под завалом из ящиков, тюков, кресел. Услышал Почекин и крик Кулагина. Увидел, как к нему пополз окровавленный Гудованцев. Но пламя уже добралось до гондолы. Лизнуло груды ящиков. И тут же произошел взрыв пиротехники, услышанный за 19 километров от места катастрофы. Из всех, кто находился в пассажирском салоне, спасся лишь Воробьев. Его выбросило через пролом в обшивку.

В киле удар был менее ощутим. Только по инерции сдвинуло вперед и перекутило гамаки. Лишь Устиновича, который еще не успел лечь, сбросило на палубу. А остальные даже не проснулись. Когда бортинженер поднялся на ноги, он увидел в носовой части корабля пламя, которое стремительно надвигалось. Устинович пытался разбудить товарищей, но не успел. От нахлынувшего жара вспыхнула одежда. Закрыв голову руками, Устинович бросился вперед. И почувствовал, что летит вниз, провалившись сквозь разорвавшийся перкаль. По лицу ударили ветки. Руки обхватили ствол дерева. Скользнув по нему, Устинович рухнул в снег.

Новикова, дежурившего в кормовой моторной гондole, толчком выбросило из кресла. Он ударился головой о радиатор. Корабль затрясло, погас свет. Новиков успел повернуть выключатель зажигания, остановив мотор. От нового удара в глазах поплыли красные круги, но сознание сохранилось. Увидев наступающий сверху огонь, Новиков кинулся в дверь и вывалился из гондолы в снег.

Матюнин, почувствовав сильный толчок, поспешил выключить двигатель. Его тут же снова подбросило, сильно ударило головой, Матюнин потерял сознание. Когда пришел в себя, то увидел, что разломанная гондола лежит на земле. А над головой бушует пламя. Он сумел выбраться из-под обломков, заползти за толстое дерево...

Последствия катастрофы для отечественного дирижаблестроения имели печальный резонанс. Практически сразу прекратили постройку дирижаблей. Даже полностью оснащенный «В-11» так и не увидел небо. А в 1940 году все воздухоплавательные подразделения Гражданского Воздушного Флота были ликвидированы. Прекратила существование государственная программа дирижаблестроения, и в результате труднодоступные районы Сибири лишились наиболее подходящего, для их условий, вида транспорта.

Кажется, что причина гибели «СССР В-6 Осоавиахим» вызывает сомнения. Сложные метеусловия, ограничившие до предела видимость, отсутствие достоверных полетных карт... Это полностью согласуется с выводами комиссии, расследовавшей причины трагедии.

Но как утверждал главный конструктор и шеф-пилот фирмы «Цепелин» Эккнер: «Безопасность дирижаблей в их разумной эксплуатации». Это было сказано по поводу исчезновения в декабре 1923 года над Сахарой французского дирижабля «Дексмюде», построенного тем же Эккнером в 1920 году.

Между этими двумя трагедиями прослеживается связь. «Дексмюде» тоже летел зимой, на большое расстояние, — и с перегрузкой. И тоже в район, где безопасное приземление было

невозможно. Хотя командир «Дексмюде» Де Гренедан настаивал на создании по маршруту баз, оборудованных причальными мачтами и запасом горючего, но это сделано не было. Попав в мощный тайфун, «Дексмюде» погиб, переломившись пополам.

К тому же надо признать, что дирижабли типа «N-1 Норвегия» конструкции генерала Нобиле, а именно к этому типу воздушных кораблей принадлежал «В-6», по своим прочностным характеристикам не пригодны к полетам в Арктике. Это доказывают катастрофа «N-4 Италия» и предаварийное состояние «N-1» во время обеих экспедиций Нобиле. Сам конструктор после удачного полета «Норвегии» просил правительство Италии выделить ему не «N-4», а «N-5», считая, что полет на «N-4» подвержен чрезмерному риску. Но режим Муссолини взял курс на сворачивание итальянского дирижаблестроения. «N-5» не был построен. И Нобиле пришлось довольствоваться «N-4».

Подготовившись к экспедиции более тщательно, чем к предыдущей — на «Норвегии», Нобиле рассчитывал на успех и в этот раз. В его распоряжение было передано судно «Город Милан», оснащенное прекрасной радиостанцией с пеленгационной установкой, а также базы «Норвегии» в Кингсбее, Осло, Вадсе. В случае непредвиденных ситуаций «Италию» должны были принять воздухоплавательные базы Германии, Англии, Франции, СССР. А на Аляске, Земле Франца-Иосифа, в Гренландии были подготовлены склады на случай аварийной посадки. Общий вес отправленного из Милана снаряжения экспедиции составил 2000 тонн. Несмотря на ряд поломок, дирижабль добрался до Кингсбея, а затем совершил три полета в Арктике. И все же в последнем третьем полете, через 72 часа после старта «Италия» не сумела избежать катастрофы.

Расстояние, которое предстояло преодолеть «В-6», составляло 1500 километров до Мурманска и 4000 километров от Мурманска до лагеря Папанина и назад. Предстоял 3–4-суточный полет в условиях, более сложных, чем полет «Италии». К тому же «Италия» была новеньким, «с иголки», кораблем. А «Осоавиахим», построенный осенью 1934 года, совершил уже три продолжительных полета.

Словом, можно уверенно сказать, что судьба «В-6» была predeterminedena еще в момент старта. Полет корабля не был подготовлен ни технически, ни организационно. Даже маршрут был проложен по прямой, без учета встречных препятствий и времени на их преодоление. Так, вылет вечером 5 февраля означал, что преодолевать Хибины придется в ночь с 6 на 7 февраля.

Правда на момент вылета «Осоавиахи́ма», связь с «СП-1» была прервана в течении суток. Гибель экспедиции Папанина могла сильно сказаться на международном престиже СССР и так не особо высококом. Только этим можно объяснить то, что на замечание синоптика Градуса: «Лететь нельзя», член ЦК ВКП(б) и правительственной комиссии Микоян ответил: «Лететь надо!» Это «Лететь надо», скорее всего, и связало инициативу командира корабля Гудованцева, в общем-то человека отважного. Он не рискнул выйти из графика полета даже тогда, когда к полудню 6 февраля связь с Папаниным была восстановлена. Облетев Кольский полуостров по Белому морю и потеряв не более двух часов, можно было избежать самого опасного участка пути.

«Осоавиахим» отправили в полет, вернуться из которого дирижабль не мог. 13 человек заплатили за это своими жизнями.

Рубрику ведет Алексей КРАПИВИН

КОМАНДОРСКАЯ КАЮТА

...Мы с мамой и бабушкой выписываем ваш журнал, потому что в нем много всего интересного. Мне и бабушке особенно нравятся сказки и повести Владислава Крапивина, только в этом году вы еще ничего не напечатали. И маме тоже они нравятся. А еще нам хочется знать про этого писателя, где он живет и как пишет свои книжки. Мама говорит, что это не так уж обязательно, но нам с бабушкой все равно интересно... Сережа Ефремов, 10 лет, г. Новосибирск. 1979 г.

...Сегодня я прочитал начало романа «Острова и капитаны» и теперь с нетерпением жду продолжения. И еще у меня и у моей сестры такая просьба, если вам не трудно, напишите про писателя Крапивина, который сочинил этот роман и другие свои книги. А то его героев мы знаем, а про него самого не знаем ничего...

Игорь Ковальчук, 12 лет, 6-й класс (и сестра Таня, 10 лет), г. Москва. 1987 г.

...Большое Вам спасибо за наслаждение, которое испытываешь от чтения Ваших книг, которые возвращают в детство... Мне бы очень хотелось узнать о Вас больше, если это Вас, конечно, не затруднит...

Люба Сунгурова, 21 год, Украина, Луганская обл., с. Жёлтое.

Подобных писем в архивах редакции и в архивах писателя Владислава Крапивина очень много. И дело вовсе не в том, что журнал или сам Владислав Петрович делают из писательской биографии секрет. Наоборот. «Следопыт» неоднократно печатал всякую информацию о своем давнем и заслуженном авторе. Сам писатель тоже, случалось, рассказывал о себе в разных статьях, интервью и предисловиях к своим книгам. Но поколения чи-

тателей меняются быстро, а у тех, кто подрастает, все тот же интерес: хотим знать об авторе...

Читательские интересы надо удовлетворять. И в редакции возникла идея. И этой идеей редакция поделилась с писателем:

— А давайте-ка, уважаемый Владислав Петрович, пойдем навстречу подписчикам и в будущем году уделим вам в каждом номере по несколько страниц. Организуем этаким специальным разделчик...

Известный детский писатель отозвался со свойственной ему интеллигентностью и лаконизмом:

— С печки упали, да?

— Мы серьезно...

— Да кому это надо-то?

— А вы почитайте анкеты и письма.

— Письма! Вы знаете, какие письма пойдут в ответ на это дело? Скажут, что редакция развела культ личности!

— Может, кто-то и скажет. Зато многие будут довольны. Те, что смогут прочитать ваши ответы на свои вопросы, узнают о ваших планах, о ваших увлечениях, о всяких случаях из вашей жизни. Познакомятся с вашей точкой зрения на разные сложные вопросы. Хоть немного проникнут в секреты писательской кухни...

— Да с какой стати!? Зачем? И почему это взбрело вам в голову именно сейчас?

— Как почему? — хором возмутилась редакция. — Да потому, что СТОЛЕТИЕ!

— Вы, что ли, совсем... переработали? Мне должно стукнуть всего шестьдесят!.. Ну, пусть не «все-го», а «уже», но это же не целый век, все-таки! А журналу и того меньше — сорок лет...

— А если сложить вместе! Сколько будет, а?!

Эта простая арифметическая логика неожиданно сразила заслуженного следопытского автора. Потому что, как ни крути, а вся его жизнь «сплюсована» с жизнью «Уральского следопыта».

Первый номер журнала вышел после 23-летнего перерыва весной 1958 года, а уже в начале лета студент журфака УрГУ Слава Крапивин со своим рассказом в папочке для конспектов бодро пришел в редакцию.

Увы, этот рассказ (который назывался весьма романтично — «Там, где течет Ориноко») Славе завернули. Но, чтобы молодой автор не впал в полное уныние, ему сказали:

— Не падайте духом, заходите к нам... если еще что-нибудь сочините.

Слава стал заходить. Вскоре известный журналист Евгений Григорьевич Ананьев набрал для журнала группу студентов, которые должны были освещать будни и романтику трудовых деяний на стройках и заводах Урала. И Слава освещал. И понемногу начал печататься. А весной шестидесятого осуществил и заветную мечту: опубликовал в «Следопыте» рассказ (конечно, не «Ориноко», а другой). А еще через два года стал сотрудником редакции. Кстати, в той должности, которую когда-то занимала сотрудница, вернувшая ему рассказ. Тем не менее у него хватило ума больше никому это свое произведение о Южной Америке не показывать...

Далее все самое важное, что происходило в жизни начинающего писателя, становилось и редакционным событием. И неизменно отмечалось в редакции: публикация первой повести (август 1962 года); выход первой книги (конец того же года); первый юбилей — двадцатипятилетие (1963 год); вступление в Союз писателей и почти сразу за этим — шумная свадьба, в которой весь состав редакции принял самое горячее участие (лето 1964 года).

В шестьдесят пятом году Владислав Петрович из штатных работников «Следопыта» ушел: трудно стало тянуть сразу три упряжки: книжки писать, командовать набиравшим силу отрядом «Каравелла» и ежедневно ходить на работу в журнал. Но полностью избавиться от «третьей упряжки» не удалось. Куда от нее денешься, если ты и член редколлегии, и постоянный автор...

Сколько же всего напечатал Владислав Петрович в «Уральском следопыте» по нынешний юбилейный год? Мы посчитали, и оказалось, что около двадцати повестей и романов. Надо еще учесть, что два романа — это трилогии, состоящие из отдельных больших книг. А еще были рассказы, очерки, статьи, репортажи и даже одна поэма... Если перевести все это на издательский язык, то можно

сказать: «Около ста восьмидесяти авторских листов». А один такой лист — это примерно двадцать пять страниц машинописного текста. Если представить такой объем в книгах, то получится пять томов толщиной с «Трех мушкетеров» каждый,

Много это или мало? Всякий может судить по своему. Но один факт бесспорен: по числу лет, отданных «Уральскому следопыту» послевоенного времени, и по количеству напечатанного в нем Владислав Петрович абсолютный чемпион среди тех, кто работал для нашего журнала.

В связи с этим была даже попытка наградить автора-рекордсмена официальным прозвищем «Чемпион». Но Владислав Петрович эту попытку отменил. Сказал, что у него есть другое — не менее почетное... прозвище, звание, титул (думайте, как хотите): «Командор».

— Вообще-то прозвищ у меня в жизни хватало, — вздохнул он. — С давнего дошкольного детства. Самое первое — «Комнатный балбес». Меня наградили им соседский мальчишка, потому что весной сорок третьего года мне не в чем было выйти на улицу и я, глядя в окошко на пускавших кораблики пацанов, с досады корчил всякие рожи. В ответ на «Балбеса» я сочинил про обидчика частушку, где его имя рифмовалось со словом, которое лучше не печатать. Это был мой первый литературный опыт... Потом я получал всякие другие прозвища, но все они меня тоже не радовали. И только в семидесятых годах меня, уже взрослого, начали именовать Командором. Сперва в шутку, а потом... и не только в шутку. Потому что командорами часто называют капитанов яхтенных клубов. А я в ту пору уже во всю командовал ребячьим морским отрядом. И мое прозвище сделалось как бы вторым именем... Да вы и сами меня иногда так кличете, не правда ли?

Редакция согласилась. И решила, что новый раздел будет называться «Командорская каюта».

Тот, кто прочитает страницы этого раздела, как бы заглянет в рабочую комнату писателя-командора. В его каюту. Потому что здесь повсюду морские инструменты и модели парусников, старинные книги о путешествиях и живописные пейзажи, где плещется разноцветное море. Побывав в гостях у хозяина каюты, читатель может узнать кое-какие секреты писательского труда, порыться в морских коллекциях, познакомиться с некоторыми фактами командорской биографии и услышать ответы на самые разные свои вопросы.

Толкните скрипучую дверь...

Скажите нам, пожалуйста...

(Разговор с читателями)

За сорок лет редакционной и литературной жизни Владислав Петрович много-много раз встречался с читателями. Так много, что не сосчитать. Чаще всего — с ребятами. Это были встречи в библиотеках, в школах, в пионерских лагерях, в детских клубах, в книжных магазинах. А иногда и в таких необычных местах, как, скажем, палуба большого парусника, пальмовый сквер в портовом районе Гаваны или кают-компания учебного судна юных польских яхтсменов в Гданьске...

И ребята были разные, и вопросы их. И все-таки, все-таки... в конце концов среди вопросов оказывались такие, что повторялись очень часто. Потому что во всякие годы многих мальчишек и девочек (да и взрослых тоже) интересовали «вечные темы» писательского бытия. И в конце концов, отправляясь на очередную читательскую конференцию, Командор уже знал, о чем его спросят о б я з а т е л ь н о. Из таких вот неизбежных вопросов он и решил составить протокол заочной встречи с любителями его книжек.

Но не думайте, что это сухая схема, где вопросы задают какие-то абстрактные, ненастоящие девочки и мальчики. Ничего подобного! Писатель прекрасно помнит ребят, которые спрашивали его о том и о сем. И сейчас он за каждым вопросом видит его живого автора, даже если прошло уже немало лет. Примеры? Пожалуйста...

Обычная школа в Кировском районе Свердловска. Актальный зал, где пахнет краской и сухими половицами сцены. Аккуратная шестиклассница с красной ленточкой на волосах (заглянув на всякий случай в бумажку) спрашивает:

— Владислав Петрович, скажите нам, пожалуйста, где вы родились и как протекало ваше детство?

— Родился в Тюмени, осенью тридцать восьмого года. А детство... протекало, так сказать, оно в основном в военные и послевоенные годы. Сами понимаете. время было непростое. Впрочем, и сейчас тоже... В первый класс я пошел в сорок пятом.

Постоянное ощущение дошкольной поры — очень хотелось есть. Несмотря на то, что и мама, и старшие брат и сестра (они работали на оборонном заводе) делились со мной своими пайками. От голода и частой стужи (не хватало дров) на долгие годы поселился во мне ревматизм... Но были и радости жизни: письма с фронта от папы; горящая печка с раскаленной плитой, на которой можно поджаривать тонкие ломтики картофеля (кажется,

сейчас это называется «чипсы»); книжки про Буратино, Гулливера и детей капитана Гранта, которые я брал у соседей. Читать-то я научился очень рано...

Помню девятое мая сорок пятого года, когда пьяный от радости сосед-военный с крыльца палил в воздух из маленького черного браунинга...

После войны у отца появилась другая семья. А у меня — отчим. Человек с тяжелой судьбой, со сложным характером. Бог с ним, я не помню обид, только вот одного простить ему не могу: однажды он убил мою любимую кошку, которая, по его словам, таскала с кухни еду...

Послевоенные годы тоже не были сытными. И все же я вспоминаю их с теплой радостью. Кажется, стояло вечное лето. Длинные жаркие дни — с футболом, с воздушными змеями, с короткими бурными грозами и яркими влажными радугами после них. И была у нас, мальчишек, самая большая радость — река Тура. С береговыми косогородами, песчаными отмелями и старинными развалинами на обрывах.

Мне мое детство казалось похожим на детство Тома Сойера — героя любимой книжки. Так же шлепали гребными колесами на реке пароходы, так же мы с друзьями играли в разбойников и пытались отыскать клад. Золота, правда, не нашли, но старинные монеты нам иногда попадались... А каким радостным, просто ошарашивающим открытием был для меня дядюшкин рассказ, что с нашей реки — через Тобол, Иртыш и Обь — можно приплыть прямо к Ледовитому океану! Я пускал в желтую воду Туры сосновые кораблики и надеялся, что их в конце концов увидят белые медведи. Я погружал в нашу реку ладони и соединялся с О к е а н о м!

И все это я помню и сегодня. До мелочей. Много лет назад, но уже совсем взрослым я сочинил такие стихи:

Заросшая узкоколейка —
Путь из далекой страны.
Листики тополя клейкие,
Запах поздней весны...
Светкин пушистый локон
У твоего лица...
Тайна, что бродит около...
Мамин голос с крыльца...
Дождики босоногие,
Мяч футбольный в пыли...
Это было у многих.
А многие сберегли?

Я сберег... От некоторых взрослых я слышал, что они совсем не помнят своего детства. И они словно бы даже хвастались этим. Чего, мол, вспоминать всякую ерунду? Мне жаль этих людей. Помоему, они обокрали себя. И уж конечно, такие люди не смогли бы стать детскими писателями...

Ну, видите, как я разговорился!.. У кого какие есть еще вопросы?

Смуглый тонколицый мальчик в очках. Кажется, в ленинградской детской библиотеке на улице Марата. Встает, держась за кромку изразцового камина.

— Скажите, пожалуйста, а почему вы пишете именно для детей?

— Ну... не только для детей. Мне приходит много писем от взрослых, которые тоже читают мои книжки... Но вообще-то ты прав. В основном я пишу для ребят. И про ребят. Дело в том, что писать я стал очень рано. А чтобы сочинить повесть или роман, надо знать ту жизнь, о которой рассказываешь в своей рукописи. А что я мог знать в шестнадцать-семнадцать лет, кроме собственного детства и своих школьных и дворовых друзей-приятелей? Про это и начал. И понравилось... Кстати, где-то в семидесятых годах, на одном из писательских съездов я, получив разные делегатские материалы, подсчитал, что детских писателей у нас в стране в двадцать раз меньше, чем «взрослых». И это было в те времена, когда наша детская литература процветала... А сейчас? Нет, я просто не смог бы оставить «поле боя»...

Районная библиотека. Ребята сидят на стульях, расставленных вдоль стен. Строгая веснушчатая девочка и мальчик с царпиной на щеке разом вскидывают руки.

— Сначала вы, сударыня. Мальчик уступит тебе очередь, верно?

— А мы про одно и то же. Скажите, пожалуйста, это очень трудно быть писателем? Или не очень?

— По-моему, очень. Книга, над которой работаешь, выкачивает из тебя энергии не меньше, чем тяжелый физический труд. Порой встаешь из-за стола с таким ощущением, будто целый день дрова колот или мешки с картошкой грузил. Хотя всего-то водил карандашом в тетради...

Мальчик торопливо встает рядом с девочкой.

— А тогда зачем вам такая... специальность?

— Потому что люблю. Потому что интересно...

Севастополь, очень теплый сентябрь. Густые акации за окнами. Детская библиотека имени Гайдара. Обжаренные крымским солнцем пацанята и девочки расселись кто где. Белобрысый четвероклассник Ромка сидит на подоконнике, обхватив забинтованное колено. Левая рука его по локоть в гипсовом лубке. Этот

гипс он поднимает над головой.

— А скажите, пожалуйста, что вы любите больше всего на свете? Кроме своего писательства?

— Да, вопросик... Не знаю даже... Очень многое люблю. Вообще жизнь люблю. Особенно, когда она хорошая...

— А вареники с вишнями любите?

— Еще бы!

— Тогда пойдете к нам в гости! Мама как раз их сегодня обещала налепить.

— А не заругает нас мама-то?

— Не-ет!

— Ну... пойдём.

Подобные вопросы задавались не раз — и в давние времена, и недавно. Возможно, у вас есть друзья, свои, тогда не стесняйтесь, напишите Командору в Екатеринбург. Только вопрос должен быть такой, чтобы получился серьезный диалог, а не пустая болтовня.

Не каждый читатель может попасть на встречу с писателем, это уж кому как повезет. А письмо написать может каждый. К тому же, в письме можно задать такие вопросы, которые не всегда решишь высказать при многочисленных слушателях. И потому в редакцию приходят письма...

Почтовый ящик

...Я еще не взрослый, мне четырнадцать лет, и сейчас я пишу повесть о своем недавнем детстве. Посоветуйте пожалуйста, как стать настоящим детским писателем...

Петр К., г. Вентспилс, Латвия.

Чтобы стать писателем — и детским, и взрослым — нужны литературные способности. Это уж кому как повезет. Думаю, у тебя они есть, раз ты с такой смелостью и желанием взялся за повесть. Надо сказать, они встречаются у многих ребят, потому что почти все дети рождаются талантливыми. Но необходимо еще уметь эти способности превратить в реальный результат — в рассказ, в повесть, в роман. В книгу. Тут то и начинаются трудности.

Я знал немало молодых людей с литературным талантом, которые не могли закончить ни одной своей рукописи. Потому что талант — это лишь одна часть писательского дарования. Вторая, не менее важная, — усидчивость, способность заставить себя трудиться, не отступать от своего замысла. С трудолюбием приходят опыт и умение. И талант крепнет...

Надеюсь, трудолюбия у тебя хватит. Скрипи зубами и не выходи из-за стола, если даже кажется, что ничего у тебя не получается. Со временем получится...

Кратокрафан

На шестом десятке лет к человеку время от времени приходят мысли, что надо бы подвести кое-какие итоги. Онажды в минуту таких размышлений я глянул на Бормотунчика, которого много лет назад смастерил мой младший сын. Он сделал этого маленького героя книги «Голубятня на желтой поляне», как положено, из тряпицы, проволоки и песка. И подарил мне. С тех пор улыбающееся существо поселилось у меня над диваном.

Глядя на Бормотунчика, я вдруг подумал: «А сколько фантастических существ живет в моих книжках! Наверно, сразу и не сосчитаешь...»

Попробовал сосчитать. Устно не получилось. Сделал наброски в блокноте. Вскоре после этого ко мне зашел давний мой друг Виталий Иванович Бугров, который тогда заведовал в «Уральском следопыте» отделом фантастики. Я спросил:

— А что, Витя, не согдится ли для раздела «Клуб Любителей Фантастики» словарь с персонажами, многие из которых впервые появились в нашем журнале?

Виталий сказал, что дело, вроде бы, любопытное. Если я раскачаюсь и напишу, можно будет напечатать. Тем более, что близился своеобразный юбилей: тридцать пять лет с того момента, когда я стал сотрудничать со «Следопытом».

Поговорили, и на том все кончилось. Энтузиазм немножко погорел и угас...

Прошло почти пять лет, и недавно я наткнулся на блокнот с черновиками словарика. И совесть как-то неуютно заворочалась внутри меня: обещание-то, мол, надо выполнять. Тем более, что освободить от него меня теперь никто не может. Виталия Ивановича уже нет с нами...

Ну вот: заправил я лист в машинку и сел за стол. И подумал, что одними фантастическими персонажами в таком словаре не обойдешься. Но главное — положить начало...

Данная работа носит чисто любительский

В оформлении словаря использованы иллюстрации и эскизы художников Е. Стерлиговой, Е. Медведева, Е. Пинаева и рисунки автора.

характер и ни в малейшей степени не претендует на ранг серьезного литературоведения. Тем более, что это было бы «автолитературоведение», а такое дело, ко всему прочему, выглядело бы не совсем скромно. Просто это попытка кое-что суммировать — прежде всего для самого себя...

Возник вопрос о названии. И «влезло» в голову неуклюжее, угловатое слово «Кратокрафан». То есть «Краткий толкователь крапивинской фантастики». С одной стороны, звучит классически — как нечто древнегреческое. С другой стороны, всегда можно спастись от критики утверждением, что это название носит иронический характер (как на самом деле и есть).

Ну, а теперь к делу...

Итак — «Кратокрафан».

Раздел первый Фантастические существа

В этом разделе в алфавитном порядке помещены все (если кто-то не забыл) фантастические персонажи, действующие или упомянутые в книгах В.Крапивина. Причем, не только в книгах, написанных сугубо в жанре фантастики. В романах, повестях и рассказах реалистического жанра такие герои тоже встречаются — иногда во вставных новеллах или сказках, иногда в играх, которыми увлечены мальчишки и девчонки, персонажи этих книг. А иногда и просто так. Да и грань между реалистическим и фантастическим проиизведениями порой провести очень трудно.

В ряду «обитателей» этого раздела — и самые невероятные существа, и животные, похожие на обычных, но обладающие разными волшебными свойствами; и люди — в том случае, когда они тоже проявляют какие-то необычные качества.

Если автор ког-то забыл, читатели ему подскажут, и он охотно сделает добавления, вставки и поправки.

А. Живая буква. Капризное самолюбивое существо: которое, однако, в конце повести исправилось и перешло в разряд положительных персонажей. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Алый вуалехвост. Рыбка-сердце. Была вживлена в грудь мальчика *Шурки Полушкина* пришельцами-инопланетянами. Шурка выпустил рыбку, и вместо нее у него выросло настоящее сердце. А рыбка уплыла в Балтийское море и там, у берега, превратилась в собачонку, чтобы утешить другого мальчика — Гришу Сапожкина, у которого пропал щенок. (*Лето кончится не скоро*).

Автошка. Мальчик, в которого превращается попавший на Землю юный инопланетянин *Кап*. (*Серебристое дерево с поющим котом*).

Автошка Топольков. Юный летчик, вместе с друзьями-мальчишками создавший свою Антар-

ктиду — не ледяную, а теплую, фантастическую страну игр; на своем самолете «ОСА» многократно летал в разные сказки. (*Летчик для Особых Поручений*).

Бабка со станции Чытоноги. Похожа на бабу Ягу, но отличается добродушным нравом. Летает на помеле с мотоциклетным седлом. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Бабочки желтые. На них в минуты опасности рассыпается желтый кузнечик-великан *Велька*. (*Дырчатая Луна*)

Башкампудри. Джинн, профессор магии. (См. также *Кукунда* и *угу*). (*Портфель капитана Румба*).

Белый шарик. Мыслящая звезда из звездной системы, образующей трехгранную пирамиду во вселенной Великого Кристалла. (См. также *Яшка* и *Шары*). (*Белый шарик Матроса Вильсона, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Большой Белый шар. Мыслящая звезда. Играл роль приемного дядюшки и воспитателя *Белого шарика*. (См. *Шары*). (*Белый шарик Матроса Вильсона*).

Бочкин. Начальник железнодорожной станции «Пристань» и одноименной речной пристани. Капитан парохода «Отважный Орест». По некоторым предположениям, имел туловище из бочки. Большой любитель кваса. (*«Чоки-чок» или Рыцарь прозрачного кота*).

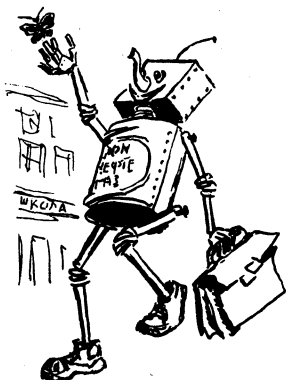
Бормотунчики. Живые говорящие существа с головками, сделанными из тряпиц, наполненных особым (с волшебными кристалликами) песком. Ручки и ножки делались из проволоки и прикреплялись прямо к голове бормотунчика. Мастерили бормотунчиков ребята из города Орехова. Бормотунчики умели давать советы и предсказывать будущее, но могли разрядиться и замолчать, если им задавали вопросов больше, чем положено. (*Голубятня на желтой поляне*).

Братик (Василёк). Младший брат *Валерки (Иту Лариу Дэна)*. Знал многие тайны волшебного мира, но стеснялся об этом говорить. Связал сверхпрочной веревочкой свою Планету и Землю, чтобы не дать порваться ребячьей дружбе.

В

Валерка. См. *Иту Лариу Дэна*.

Васька. Роботенок (робот-мальчик). Сын робота *Еремы*. (*Голубятня на желтой поляне*).

Ведьмы ржавые. (См. *ржавые ведьмы*).

Веревочницы. Зловредные дамы, живущие в Приморском городе. Создали тайную организацию, в которой, прячась за вывеской Клуба любителей макраме, плели не кружева, а интриги против жизнерадостных мальчишек и девчонок. Использовали вредные свойства теней от веревки. (*Возращение клипера «Кревет»*).

Велька. Желтый кузнечик-великан, который под влиянием волшебного излучения вылупился из громадного шара — чехла антенны на крыше загадочной метеостанции, построенной неизвестно кем. Несмотря на исполинские размеры отличался большим дружелюбием. (*Дырчатая Луна*).

Ветерки. Сказочные, обычно почти невидимые существа в образе ветерков или маленьких спиральных вихрей. В ветерков превращались мальчишки, погибшие во время войн и катастроф. Но ветерками могли становиться (на время, по желанию) и живые ребята, если выполняли определенный ритуал и говорили нужное заклинание. (*Голубятня на желтой поляне*).

Витька. Желтый кузнечик обычных размеров, которого вывел из мячика от настольного тенниса в особом инкубаторе мальчик *Лесь*. (*Дырчатая Луна*).

(См. *Владик Арешкин*)

Витька Мохов. Сын экспериментатора-межпространственника М.А. Мохова и внук директора обсерватории Сфера А.И. Даренского. Один из первых среди *Пограничников* освоил прямой межпространственный переход. (*Цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Владик Арешкин. Четвероклассник, живущий в Приморском городе. Друг *корабельного гнома Гоши*. В конце повести, желая вернуть улетающий воздушный корабль, сумел подняться в воздух. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Володька. Друг главного героя автобиографического цикла «Битанго». Появляется после своей смерти (во сне) и ведет рассказчика через таинственный городок Горохов. (*Клад на Смоленской улице*).

Ж

Гаврила. Великан. Рост — около 3,5 метра. Жил на острове Похитителя Колдунов. Время от времени похищал и уносил к себе колдунов и магов, но не причинял им вреда. Похищенные устраивали на острове научные конференции по вопросам колдовства. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Глафира. Одна из *ржавых ведьм*, обитавших в старой баньке на краю лога в г. Тюмени. (*Тополиная рубашка*).

Глебка. Друг Виньки Греева — главного героя повести. Глебка утонул в пионерском лагере, спасая малыша, но все же постоянно был рядом с другом Винькой и в его детские и во взрослые годы. И это было ничуть не страшно. Это помогало Винценту Грееву в трудные минуты. (*«Тридцать три — нос утри...»*).

Гномы. В книгах В. Крапивина они упоминаются неоднократно. Среди них — гномы железнодорожные, стадионные, водопроводные, обыкновенные и т. п. Но о них говорится мимоходом. А среди активных действующих лиц встречаются в основном *корабельные гномы*.

Гномик с фонариком. Эпизодический персонаж, встретившийся главным действующим лицам рассказа «Далекие горнисты» на ночной та-

инственной улице. (*Трилогия «В ночь большого прилива»*).

Гномиха в конторе «Домгном». Канцелярская служащая, ведавшая пропиской *гномов* на береговой жилплощади. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Гоша (Георгий Лангустович). *Корабельный гном*. Увлекался сочинением стихов и поэм. Едва не погиб из-за легкомыслия своего друга четвероклассника Владика Арешкина. В прошлые времена обитал в трюме русского военного клипера «Кречет» и дружил с его командиром А.Ф. Гуциным-Безбородько. (*Возвращение клипера «Кречет» и др.*).

Гурский, Иван Петрович. Инопланетянин, *корректор*. Спас *Шурку Полушкина*, когда тот уже был признан погибшим после своего покушения на бандитов, которым он мстил за гибель отца. В свою очередь был спасен Шуркой после неудачи своей миссии на Земле. (*Лето кончится не скоро*).

Д

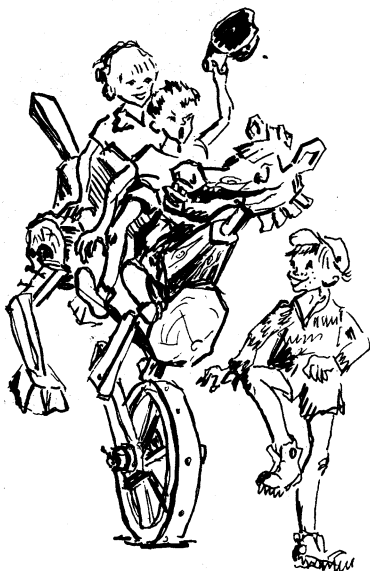
Дар-Овражка (Дарья Овражкина). Бабка-колдунья. В давние времена жила в городе Овражки и любила морочить головы его обывателям. (*Лоцман. Цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Дети Шумса. Плоские существа, вырезанные из черной бумаги злодеем *Шумсом*. Задача их — вредить жителям сказочного города Синеграда. (*Синий город на Садовой*).

Джимми. Зеленый павиан, придуманный школьником Кириллом Векшиным. Помогал Кириллу в трудные минуты. (*Колыбельная для брата*).

Динь-Дим. Похожий на пастушка мальчик с игрушечным жестяным автобусом, встретившийся ребятам на заброшенной дороге (вернее, на Д о р о г е) за поселком Стекловском. Помогал своим друзьям делать необычные открытия. Обладал особым зрением, благодаря нарисованному на коленке волшебному глазу. (*Бабушкин внук и его братья*).

Дромадера. Деревянная говорящая лошадь, которая сбежала от своего хозяина барона Витти де Люмпо-Лампо после неудачного рыцарского турнира. Дружила с мальчишками волшебного города Горнавера. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Дух капитана Сундуккера. Существование этого духа не доказано на все сто процентов. Однако, по некоторым данным, он однажды все-таки явился десятилетнему Генчику Бубенцову и пожилой даме Зое Ипполитовне во время устроенного ими спиритического сеанса. (*«Я боль-*

ше не буду» или Пистолет капитана Сундуккера).

Дух Тьмы. Сумрачное и злобное существо, однажды легкомысленно выпущенное пятиклассником Винькой Греевым из дырявого черного мячика. Было побеждено тем же Винькой в ночной схватке на краю городского рынка. (*«Тринадцать три — нос утра...»*).

Э

Его Етугоро. Министр при дворе короля Австралии Респектабо Первого. Участник антиправительственного заговора. Одно время был людоедом, хотя юридически этот факт остался недоказанным (см. *Людоедов*). (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Ерёма. Робот, житель города Старогорска. Был смонтирован юными техниками и сбежал с выставки школьного технического творчества, снабдив себя автономным электропитанием. Сначала вел антиобщественный образ жизни, но со временем стал очень положительным существом. Отец роботенка *Васьки* (сделал его чертежи). (*Голубятня на желтой поляне*).

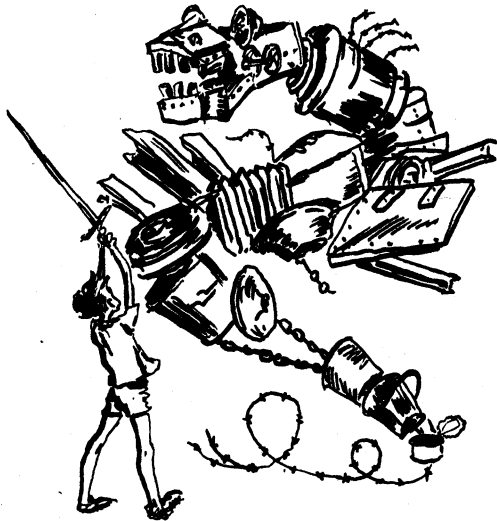
Ермилка. Восемилетний мальчик-невидимка, который после гибели родителей в морской катастрофе одиноко жил на болоте недалеко от города Льчевска. (*Взрыв Генерального штаба*).

Э

Ёжики (Матвей Юлиус Радомир, Матиуш). Мальчик, обладавший способностью создавать вокруг себя энергетическое поле колоссальной мощности. Долгое время не подозревал об этом, но в конце концов именно с помощью данного свойства преодолел выпавшие на его долю невзгоды и стал одним из *Пограничников*. (*Застава на Якорном поле, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Ж

Железный змей. Похожее на змея-горыныча искусственное существо, неизвестно кем и неизвестно для чего сконструированное из металлолома. Обитало на пустыре, на краю г. Северо-Подольска. (*Далекie горнисты, трилогия «В ночь большого прилива»*).

Желтые близнецы. Двойная звезда из числа разумных звезд. Характер — как у строгих дам. Приемные тетушки и воспитательницы *Белого шарика* (см. *Шары*). (*Белый шарик Матроса Вильсона, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Желтые кузнечики. Искусственные насекомые с развитым интеллектом, которых четверо-

классник *Лесь* выводил из теннисных шариков в инкубаторе собственной конструкции. (*Дырчатая Луна*).

З

Зайцы. Весьма трудолюбивое и разумное племя, жившее на острове *Мудрые Зайцы*. Одно время испытывало значительные продовольственные трудности — когда пришлось кормить морковью содержащегося в заключении на ст. Пристань людоеда. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Зайцехвосты. Озорные существа, нечто среднее между зайцами и гномами. Обитатели страны Антарктиды — не настоящей, а придуманной друзьями Антошкой (см. *Антошка Топольков*), Аркашкой, Тимой и Данилкой. (*Летчик для Особых Поручений*).

Зеехафен Валентина, фан (мадам Валентина). Пожилая экстравагантная дама, бакалавр естественных, философских и прочих наук. Занималась магией. Вырастила в цветочном горшке искусственный кристаллик — модель Кристалла Мироздания, который в дальнейшем превратился в звезду *Белый шарик*, а затем — в мальчика *Яшку*. Отличалась передовыми взглядами, отстаивала права детей и способствовала переносу города Реттерхальма в иное пространство, где он получил название Реттерберг. (*Выстрел с монитора и другие повести цикла «В глубине Великого Кристалла»*).

Зорко (Радослав Зор Коржич). Сирота, сын погибшего поэта Зора Данко Коржича, одного из повстанческих лидеров народности йоссов, воюющих за отделение от метрополии (Империи). Обладал способностью хранить в себе информацию компьютерного характера. С особым заданием был отправлен в город Льчевск. Убедившись, что это задание способствует разжиганию всеобщей войны, вместе с друзьями взорвал Генеральный штаб, который стравливал воюющие стороны в интересах кучки политиков. (*Взрыв Генерального штаба*).

и

Иту Лариу Дэн (Валерка). Юный трубач, спасший свой Город от нашествия. Затем — штурман корабля, отправившегося на поиски новых земель. В трудную минуту, чтобы оттянуть неизбежное расставание четырех друзей, с помощью магии построил межпространственный лабиринт, соединивший две планеты. (*Трилогия «В ночь большого прилива»*).

Итты. Цивилизация жителей планеты Марс, обладающих разными чудесными знаниями. (*Оранжевый портрет с крапинками и др.*).

Ихтилена. Фантастическая рыба-луна, работающая ночным светилом в небе волшебной страны Австралии. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Иххапури. Страшный обитатель туземного кладбища, людоед. Персонаж фольклора жителей островного государства Нуканука. (*Портфель капитана Румба*).

и

Йоссы. Придуманная автором народность, живущая на краю Империи (тоже придуманной) и воюющая за свою политическую независимость. (*Взрыв Генерального штаба*).

(продолжение следует)

ОЧЕНЬ СТАРАЯ КАРТИНКА

Осенним днем шестьдесят второго года, литсотрудник Слава Крапивин скучал за редакционным столом. Ему надоело отвечать авторам и редактировать повесть о приключениях храбрых геологов в таежных дебрях. Он захотел развлечься. И вспомнил, что его личная библиотека понемногу растет, несмотря на тесноту коммунальной квартиры, а своего экслибриса, то есть книжного знака, у него до сих пор нет.

Пришла пора устранить это досадное упущение!

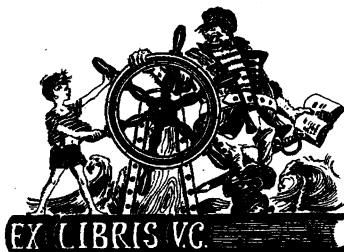
Слава попросил у художественного редактора Александра Соломоновича Асса тушь и ручку с пером. Из-под пера возник рисунок: старый морской волк и мальчишка в тельняшке. Оба стояли, как на палубе, на переплете большущей книги. Надпись на корешке в переводе с латыни означала: «Из книг В.К.». Что касается морского волка, то именно таким видел себя внутри будущий Командор. А мальчишка был и корабельный юнга, и юный читатель, и храбрый представитель морского отряда, созданием которого молодой сотрудник «Следопыта» тогда только начинал заниматься.

Коллеги дружно одобрили оригинал экслибриса и даже заказали в типографии металлическую печать рисунка — клише. Но, увы, напечатать экслибрисы-наклейки не удалось — начальство тогда крайне подозрительно относилось ко всякой полиграфической продукции, не вписанной в утвержденные планы.

Вскоре металлическая пластинка со штампом потерялась.

Потерялся и сам рисунок. Но оказалось — не навсегда. Совсем недавно Командор потрошил архивы и вдруг наткнулся на поблекший листок. Вот они давние друзья — старый пират и пацан в тельняшке!

Делать с рисунка экслибрис было уже поздно — на тысячах томов теперь другой книжный знак. Но не пропадать же трудам далекой молодости. И Командор решил: пусть старая картинка прослужит журналу. Пусть станет заставкой одной из рубрик этого раздела. Какой именно? Той, где будет рассказываться о всяких редких вещах, хранящихся на полках командорского жилища. Надо только снизу приписать еще три слова. Командор приписал. И теперь — читайте, если интересно...

На полках каюты

Некоторые писатели любят работать в пустых просторных комнатах, за широкими, ничем не занятыми столами — чтобы лишние предметы не отвлекали их внимание. Так, говорят, работал Александр Дюма. То же самое рассказывают о Корнее Чуковском.

У Командора иначе. Он не терпит пустых стен. Стены его каюты завешаны фотографиями, картинами, портретами, картами и приборами. Заставлены стеллажами, которые много лет назад он сконструировал и сколотил сам — из досок, оставшихся от строительства яхт (яхты конструировал и строил тоже он сам, вместе с мальчишками).

На стеллажах — не только книги. Там множество замечательных предметов. Командор считает, что в каждом таком предмете живая душа и о любом из них можно написать книгу. О некоторых из этих вещей стоит рассказать...

ПИАСТРЫ, ПИАСТРЫ, ПИАСТРЫ...

Монеты хранятся в кляссерах — альбомах с прозрачными кармашками. Альбомы небольшие, но вес у них — ого-го! Не дай Бог уронить на ногу. Монеты — не марки...

Когда Командор был белокрысым четверокласником Славкой и жил в Тюмени, у него тяжело заболел маленький брат. Его положили в больницу, вместе с мамой. Славке не хотелось оставаться вдвоем с отчимом, и он часто убежал к старшей сестре, которая с мужем и дочкой жила отдельно, в кривобоком домике на берегу Туры. На Туре постоянно гудели трудяги-буксиры, сновали катера и двигались длинные плоты.

Славка уходил на берег, садился в щели среди пахнувших сосновой корой штабелей и смотрел на пароходы. И порой пускал слезинку — трудно все-таки пацану без мамы.

В такой момент нашел его здесь соседский мальчишка — круглоголовый сероглазый Юрик, спокойный такой человек. Он не стал спрашивать Славку про слезы, а протянул на ладони большущую медную монету.

— Надо тебе такую? Бери насовсем...

Это были тяжеленные десять копеек с надписью «монета сибирская», с вензелем Екатерины Второй, со вставшими на дыбы соболями. И с цифрами 1772. Даже в те давние времена монета была ужасно старинная, это Славка ощутил сразу. И какая же красивая! Все так тонко оттиснуто! Даже волоски на соболях различимы...

Славке и раньше нравились необычные монеты: иностранные и давних времен. Нравилась искусная чеканка незнакомых профилей, гербовых орлов и надписей. В каждой такой монете чудилась тайна. Появлялись мысли о кладах. Славке казалось даже, что пираты охотились за сокровищами не столько ради богатства, сколько ради такой вот чеканной красоты золотых дукатов и пиастров.

У Славки уже было несколько монет: польские злотые, немецкие марки и три царских пятака. Славка хранил их в сатиновом кисете, который сшила мама. Могучий сибирский гривенник стал украшением коллекции, которая с годами росла...

Но годы шли. Славка стал студентом, дет-

ское увлечение угасло, и он без сожаления раздарил монеты ребятам: приятелям младшего брата и мальчишкам в Свердловске, что жили по соседству с его студенческой квартирой.

Казалось бы, все детское со временем уходит безвозвратно. Но нет же!

Несколько лет назад друг Командора Евгений Иванович Пинаев подарил ему английский полупенни с отчеканенным кораблем корсара Френсиса Дрейка «Золотая лань». Это был замечательный подарок. Во-первых, Командор тут же написал про эту монету в повести «Тайна пирамид». Во-вторых... он вновь ощутил ребячье замирание: «Пиастры, пиастры...» А тут еще — вот совпадение! — писательница Наталья Соломко преподнесла ему на день рождения книгу В.Ефремова «Флот на меди, никеле, серебре» — о корабельной теме в нумизматике. И пожилой Командор (пряча в себе десятилетнего Славку) начал ходить по вещевым рынкам, комиссионным магазинам и клубам нумизматов, выискивая денежки с кораблями и со всем, что имеет отношение к флоту.

Сперва он чувствовал себя новичком в нумизматике. Но постепенно опыт его рос. Росла и коллекция...

Приобрел Командор и сибирскую монету достоинством в десять копеек — такую же, какая была у него в детстве. Правда, ничего «флотского» в монете не было. Но... ведь впервые такой гривенник появился у Славки на берегу реки, где гудели буксиры и пассажирские пароходы, а у воды лежали вросшие в песок старые якоря. А кроме того, это случилось в городе Тюмени, на старинном гербе которого — кораблик...

Теперь случалось, что зимними вечерами Командор, подобно пушкинскому Скупому рыцарю, зажигал свечу и раскладывал перед собой сокровища. На журнальном столике у электрокамина. Отблеск свечи искрился на бронзовых, серебряных и никелевых ободках. И невидимый попугай капитана Флинта в углу над корабельными часами топоришил перья и неслышно кричал: «Пиастры, пиастры...»

Чего здесь только не было! Фрегаты Кука и

Нельсона, каравеллы Васко да Гамы и Бартоломео Диаша, яхты океанских гонщиков, шлюпы русских кругосветных мореплавателей, проа и катамараны островитян-туземцев, суда древних финикийцев, китайские джонки, античные корабли греков, знаменитые парусники разных стран, длинные быстрые лодки арабских торговцев и пиратов...

Вот португальские эскудо, кубинские и доминиканские песо с историей открытия Америки: «Санта Мария», «Пинта», «Нинья», индейцы, портреты капитанов кораблей и их адмирала — Христофора Колумба. Вот знаменитый серебряный полудоллар США, выпущенный сто с лишним лет назад в честь открытия Нового Света. Вот доллары острова Питкэрн, на который высадились мятежники после восстания на корабле «Баунти»: на монетах история этого бунта и поселения на Питкерне. Вот маленькие, похожие на медные таблетки фунты острова Джерси с известными шхунами, фрегатами, бригантинами и бригами. Вот тяжелые никелевые кроны острова Мэн, посвященные юбилею парового судоходства: на них суда от первых колесных пароходов восемнадцатого века до лайнеров-гигантов «Мавритания» и «Куин Элизабет»... Паруса, адмиралы, гербы разных стран с кораблями, якорями и штурвалами, тонко отчеканенные карты морских экспедиций, конкистадоры, портовые города, маяки... И это не только на монетах. Еще и на посвященных истории русского флота медалях — похожих на юбилейные рубли, только без обозначения цены...

Поразглядывая сокровища и погрозив пальцем попугая, Командор укладывал монеты в кляссеры. До следующего раза.

— Потом... в отряде «Каравелла» не оказалось призов для победителей парусных гонок, и Командор отдал медали с Петром Первым, Берингом и кораблями. Ладно. В конце концов, это же не монеты...

Но вскоре пришла и очередь монет. В наше время писатели не очень-то процветают, с пиратским ножом к горлу подступило безденежье. И пришлось отнести в клуб нумизматов дорогие юбилейные монеты... Ну и пусть! В конце

концов, Командор всегда считал, что это не настоящие монеты, а так, вроде памятных медалей и сувениров. Настоящие — те что ходили по рукам, побывали в разных городах, ими расплачивались на заморских рынках и в портовых тавернах. Пусть они потертые, побитые, зато «правдашные», как говорили в детстве. А юбилейные... красивые конечно, с зеркальной полировкой, в прозрачных футлярах, в коробках с бархатом, но это же специально для коллекций. Дышать на такие страшно, не то что расплачиваться ими. И смешно же: надпись «Три рубля», а продаются за много тысяч! Нет, это не монеты в полном смысле... Так утешал себя Командор...

В Библии сказано: «Время разбрасывать камни и время собирать камни...» Что поделаешь, если пришла пора разбрасывать? Но ведь делать это можно по-разному. Можно так, чтобы другим была радость. И Командор стал дарить монеты своим хорошим друзьям в дни их рождения...

Редкостей и серебра в коллекции не осталось. И едва ли она теперь представляет интерес для солидных нумизматов и любителей ценностей. Кому нужна эта обшарпанная медно-никелевая мелочь?.. Но для тех, кто любит флот и знает корабли, она все равно интересна. Есть монеты и для того, чтобы при свете свечи разглядывать каравеллы и бригантины (и слышать при этом свист ветра в такелаже и и картавый голос попугая Флинта), и для того, чтобы при случае сделать подарок хорошему человеку.

И если кто-нибудь из юных читателей пришлет Командору письмо с умными вопросами или с рассказом об интересном случае из своей жизни, Командор обещает в ответ отправить ему какую-нибудь монету с корабликом. Чтобы он не отперся от обещания, редакция даже спрятала все монеты в сейф. Теперь никуда не денешься, придется посылать. Ну, не всем конечно, а, скажем, десятку авторов самых понравившихся писем. В благодарность за такое письмо и в память о давнем приятеле Юрике, который на берегу Туры подарил Славке старинную сибирскую монету.

Стамбул. Св. София

Стамбул. Мозаика в музее св. Софии

Очерк Владислава ДЕБЕРДЕЕВА «Два лика побратима» читайте на стр.59.